

ЯСУСИ ИНОУЭ

РОМАН

н т б
е я у
щ с д
е я д
р ч
я и

Н Е Я Т Р П Л И Д А Ф

Ясуси Иноуэ
Пещеры тысячи будд

«Центрполиграф»

Иноуэ Я.

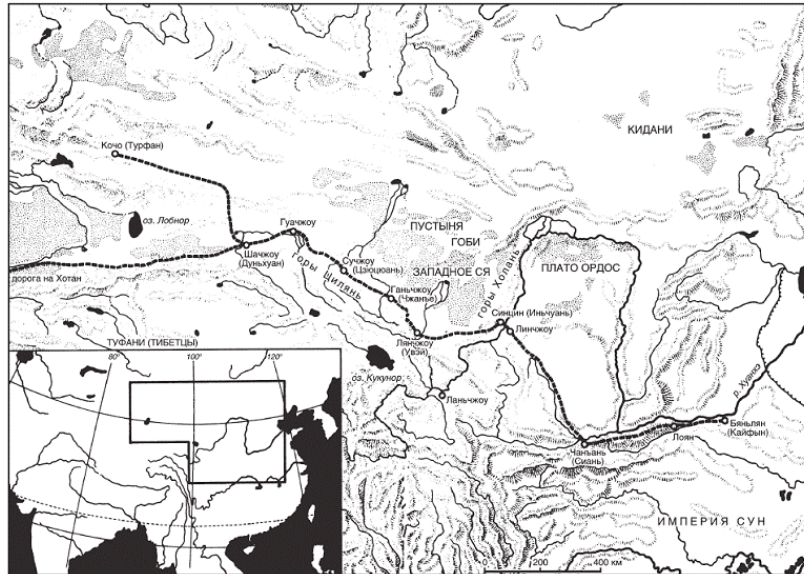
Пещеры тысячи будд / Я. Иноуэ — «Центрполиграф»,

В романе «Пещеры тысячи будд» знаменитый японский писатель Ясуси Иноуэ (1907–1991) пытается раскрыть тайну происхождения буддийских свитков, много столетий назад захороненных в гротах у подножия Минша близ города Дуньхуан на западе Китая и обнаруженных археологами лишь в начале XX века. Чжао Синдэ, верноподданный империи Сун, волей случая спас от смерти молодую тангутку и получил от нее в подарок грамотку с незнакомыми символами. Так просвещенный ханец впервые увидел письменность Западного Ся – тангутского государства, враждовавшего с Поднебесной, – и желание прочесть таинственные знаки бросило его в водоворот войн и политических страстей, бушевавших в Центральной Азии XI века.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	58
Глава 8	65
Глава 9	72
Глава 10	77
Эпилог	86

Ясуи Иноуэ Пещеры тысячи будд

Глава 1

Весной 1026 года Чжао Синдэ¹ прибыл в Бяньлян,² восточную столицу империи Сун,³ из своей родной провинции Хунань, решившись принять участие в дворцовых экзаменах, которые открывали дорогу к власти. В ту пору правительственные чиновники обладали неслыханным могуществом – даже для контроля над армией на ответственные должности Сын Неба⁴ назначал гражданских лиц, и те занимали ведущие позиции в войсках. Мечтающие преуспеть подданные должны были упорно учиться, дабы выдержать особые испытания, проводившиеся каждые три года. Император Чжэнь-цзун⁵ сложил для своих придворных наставление в стихах о важности образования:

Зачем земли приобретать и множить богатства семьи,
Коли в книгах найдешь тысячу мер проса.
К чему строить дома и жить в них покойно,
Коли в книгах тебя ждут горы золотые.
Не ропщи, что ты одинок, покидая пешим свой кров,
В книгах пасутся табуны лошадей.
Когда женишься, не оплакивай расставанье с красавицами
В книгах живут сонмы дев светлоликих.
Тот, кто знает, к чему стремиться,
Сядет у окна перечесть Шестикнижие.⁶

Если подданный сдавал дворцовые экзамены, впоследствии он мог дослужиться до должности министра или другого высокопоставленного столичного чиновника, к тому же из числа преуспевших выбирались управляющие провинций. В наставлении Чжэнь-цзуна недаром намекалось на то, что богатства, красивых женщин и почти всего на свете можно добиться благодаря знаниям.

Тридцать три тысячи восемьсот цзюйжэней⁷ из провинций съехались в Бяньлян. Из этого числа соискателей, среди которых были и стар и млад, надлежало отобрать всего пятьсот. Синдэ вместе со своим другом жил в столице с весны в доме близ Ворот Западного великолепия и к началу лета уже успел держать перед Советом судей экзамены по толкованию классической прозы, по истории и поэзии. Все три он сдал блестяще.

В один чудесный день, когда лучи летнего солнца просвечивали сквозь зелень вязов на главной улице города, Синдэ получил из дворцовой канцелярии уведомление о том, что ему предстоит пройти предпоследний экзамен – по каллиграфии и литературному слогу. Это испытание требовало физической выносливости и чувства прекрасного, способности точно и сво-

¹ У китайцев принято на первое место ставить фамилию, на второе имя; такой порядок в романе сохранен. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Бяньлян – старое название города Кайфын в Китае.

³ Сун – имеется в виду Северная Сун (960 – 1127), императорская династия, основанная военачальником Чжао Куаньинем (император Тай-цзу; 927–976).

⁴ Сын Неба – обозначение китайского императора.

⁵ Чжэнь-цзун (968 – 1022) – государь из династии Сун.

⁶ Шестикнижие («Лю цзин») – общее название шести древних трактатов, составивших конфуцианский канон: «Книга перемен» («И цзин»), «Книга песен» («Ши цзин»), «Книга документов» («Шу цзин»), «Записи о ритуалах» («Ли цзи»), «Книга музыки» («Юэ цзин»), «Весны и осени» («Чунь цю»).

⁷ Цзюйжэнь – обладатель второй ученой степени, которая присваивалась людям, сдавшим экзамены на уровне провинции; цзюйжэнь получали доступ к столичным экзаменам на высшее ученое звание цзиньши.

бодно выражать свои мысли, умения четко и красиво писать, изящно и логично выстраивать сочинение. Если Синдэ справится, то ему останется лишь один устный экзамен у самого государя – собеседование на тему политической ситуации. Самые даровитые цзюйжэни получали звания Первого, Второго и Третьего из соискателей ученой степени, и всех их ждало великое будущее.

Синдэ был уверен, что никто из соперников не превосходит его в знаниях. Он был родом из семьи ученых и с младых ногтей вплоть до своего тридцать второго дня рождения окружал себя книгами. Первые экзамены он сдал с легкостью. Тысячи претендентов отсеивались, но Синдэ ни на мгновение не усомнился в себе.

В решающий день он отправился в приемный покой. Все соискатели уже собрались во внутреннем дворе, от которого лучами расходились галереи дворца. Чиновник вызывал цзюйжэней одного за другим и провожал по длинному коридору к экзаменационному залу. В ожидании своей очереди люди отдыхали на скамьях, расставленных по двору, или прогуливались. В сухом горячем воздухе едва ощущалось слабое дуновение ветерка. Сначала Синдэ с нетерпением ждал, когда выкрикнут его имя, потом присел у корней огромного дерева хуай и, скрепив руки на груди, прислонился к стволу. Постепенно его стало клонить в сон, веки сомкнулись. Иногда до слуха Синдэ доносились имена других претендентов, но голос глашатая звучал все глуше.

Цзюйжэнь заснул, и ему приснился сон. Его, Синдэ, проводили в государевы покои. По обе стороны рядами стояли вельможи в церемониальных одеждах. В центре зала возвышалась скамья. Синдэ бесстрашно подошел к ней и сел. На некотором отдалении от него находился помост, загороженный тонким пологом. «Что ты думаешь о предложении Хо Ляна по поводу обеспечения безопасности границ?» – донесся из-за полога громовой голос. Тридцать лет назад, в годы Юней,⁸ военачальник Хо Лян командовал армией. В ту пору молодую сунскую империю потрясли набеги тангутов,⁹ бесчинствовавших на западном рубеже, и, когда Хо Лян, осмотрев приграничное поселение Линчжоу, предложил свой план обороны, положение уже было критическим. Чиновники из Высшего совета не вняли Хо Ляну, а другого решения так и не нашлось – угроза нападения со стороны Западного Ся¹⁰ существовала по-прежнему.

Западное Ся было маленьким государством в восточной части территории Улян. Задолго до описываемых событий его основали тангуты. Кроме тангутов, в тех краях проживало множество других варварских племен, таких как туфани и уйгуры.¹¹ Некоторые из них тоже создавали государственные образования, но только Западное Ся обрело могущество. Оно подчинило себе соседние племена и совершало опустошительные набеги на западные рубежи Поднебесной. Официально тангуты признавали власть сунских правителей, но в то же время вступали в тайные сношения с киданями,¹² давними врагами империи. Годами такое положение дел угнетало Сынов Неба. Уезд Линьфу, граничивший с Уляном, ежегодно подвергался раз-

⁸ Юней, 984–987 гг. – один из девизов правления во времена императора Тай-цзуна (976–997).

⁹ Тангуты – племена тибето-бирманской группы.

¹⁰ Западное Ся (Си Ся) – государство, основанное тангутами в конце X в. на территории современной китайской провинции Ганьсу и западной части провинции Шэньси. Сначала Западное Ся формально входило в состав империи Сун тангутские ваны из рода Тоба признавали себя вассалами сунских государей. С 982 г. тангуты сражались за независимость и в 1006 г. фактически добились ее признания от императора Чжэнь-цзуна, но распри с Китаем продолжились.

¹¹ Туфани – китайское название тибетцев, в VII в. основавших в верховьях реки Брахмапутры государство Туфань; в эпоху расцвета их власть распространялась на Восточный Туркестан, западный Китай, склоны Гималаев Уйгуры – один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, выходцы из Восточного Туркестана; после распада в IX в. Уйгурского каганата на реке Орхон уйгуры создали два независимых государства с центрами в Кочо (современный китайский город Турфан в Турфанской впадине, Синьцзян-Уйгурский автономный район) и Ганьчжоу (Чжанье в провинции Ганьсу).

¹² Кидани (цидань) – племена монгольской группы, создавшие одну из самых мощных держав Восточной Азии X–XI вв.; с 947 г. их страна носила название Великое Ляо (Да Ляо), с 983-го Великое государство киданей; ее границы охватывали территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии и север современных китайских провинций Хэбэй и Шаньси. С 1005 г. киданям ежегодно дань платила империя Сун.

бойным нападениям тангутской конницы, и ситуация стала настолько угрожающей, что за год до того, как Хо Лян внес свое предложение на рассмотрение в Шумиюань,¹³ многие военачальники высказывались за то, чтобы уйти из Линьфу.

Прежде всего Хо Лян перечислил контрмеры, выдвинутые его предшественниками, резко раскритиковал их недостатки и решительно отверг за невыполнимостью. Среди этих контрмер были предложения вывести войска из Линьфу, впустить туда тангутов и развязать партизанскую войну, а затем напасть на Западное Ся. Хо Лян же заявил, что, если Линьфу перейдет в руки тангутов, они тем самым расширят свои границы и, возможно, объединятся с другими западными племенами. Кроме того, лошади, которых разводили в Уляне, уже не достанутся Поднебесной. Поспешное нападение на врага сопряжено со множеством трудностей: на границах недостаточно ратников, не хватает припасов. Если на помощь выслать маленькие отряды, вражеское полчище легко перекроет им путь. Если же отправить туда многочисленную армию, то на плечи гражданского населения ляжет тяжелейшая повинность по обеспечению войск продовольствием. Если поднять на борьбу с тангутами народное ополчение, появится надежда на подписание вечного мира, но, с другой стороны, Западное Ся с его неистребимой жадной власти способно заключить союз с мелкими племенами, рассеянными по землям Уляна, и таким образом создать серьезную угрозу будущему Поднебесной. В общем, партизанская война неминуемо приведет империю Сун в ловушку, расставленную Западным Ся.

В конце доклада Хо Лян изложил собственные соображения по выходу из сложившейся ситуации: «Надобно построить крепость на плодородных равнинах рядом с тем местом, где тангуты могут разбить лагерь перед вторжением на наши западные земли. Дождаться появления их армии и лишь потом атаковать. До сего дня мы не сумели победить Западное Ся, потому что у нас не было возможности встретиться с их основной армией в открытом бою – тангуты вынуждали нас бросаться за ними вдогонку по пустыне, расплывая силы. Когда же враг выйдет с нами на битву, уничтожить его будет нетрудно. Коли тангуты не нападут, надобно построить вторую приграничную крепость и использовать наравне с первой в качестве форпоста с усиленным гарнизоном. Объединить обе эти крепости в монолитный оборонительный рубеж и управлять ими будет весьма сложно и накладно, однако что нам мешает прибегнуть к услугам обедневших местных жителей? Для защиты крепостей необходимо выбрать опытных военачальников, обучить простой люд ратному делу и в итоге победить врага». Таков был план Хо Ляна, предложенный тридцать лет назад.

Синдэ заговорил: «В те времена придворные советники и высокие чины из Шумиюань не послушали Хо Ляна – выбрали партизанскую войну. Из-за их недалёковидности вопрос охраны границ по-прежнему остается без ответа. Глядя на то, что происходит ныне, я с сожалением понимаю, что все обернулось именно так, как предсказывал Хо Лян». Начав выступление в защиту плана старого полководца, Синдэ знал, что его голос дрожит от волнения. Он слышал, как опрокидывались скамейки, топали ноги, раздавались сердитые возгласы, но был твердо настроен закончить свою речь. «Сейчас Западное Ся подчинило себе все местные варварские племена, тангутская империя набирает силу и скоро будет представлять огромную опасность для Поднебесной. По сей причине нашему государству приходится держать в боевой готовности огромную армию из восьмисот тысяч воинов, а это приносит казне великие убытки. Кроме того, пастбищные земли – места разведения лучших в мире лошадей – находятся в руках противника, и мы не в состоянии пополнять ряды нашей конницы...» Внезапно полог, закрывавший трон, качнулся. В следующее мгновение к Синдэ ринулись стражники. Он попытался встать, но ноги отказались служить ему. Бедняга оцепенел от ужаса, потерял равновесие и упал.

¹³ Шумиюань – Высший военный совет.

В этот миг Синдэ проснулся – он лежал, уткнувшись носом в землю. Цзюйжэнь поспешно вскочил и огляделся: слепящие лучи солнца озаряли пустынную площадку. Он отряхнул пыль с ладоней и расправил одежды. Внутренний дворик, который недавно был полон соискателей, теперь опустел. Остался лишь глашатай.

– А экзамен? – полушепотом спросил Синдэ.

Чиновник презрительно нахмурился и ничего не ответил. Синдэ понял, что упустил возможность стать цзиньини¹⁴ из-за того, что заснул. Наверное, его выкликали по имени, но он не услышал...

Незадачливый цзюйжэнь вышел за ворота на тихие безлюдные улицы и принялся бродить по округе в полузабытьи. Экзамен во дворце, пир с высокопоставленными чиновниками после сдачи, возможность облачиться в белые одеяния придворных вельмож, слышать, как к тебе обращаются «ваше превосходительство», – теперь ничего этого не будет, и все потому, что он имел глупость заснуть! На ум пришли строки Мэн Цзяо:¹⁵

Вдыхая весенний ветерок,
Мой конь ускоряет свой шаг.
Всего через один скоротечный день
Узрею я все пионы Чанъани.¹⁶

Он сочинил их в возрасте пятидесяти лет, в тот день, когда сдал наконец экзамен на степень цзиньини. Но для Синдэ не будет пионов – только безжалостное летнее солнце. Оно ослепило его, когда он стоял на улице, погруженный в отчаяние. Придется ждать еще три года...

Синдэ продолжил бесцельно идти вперед. Не успев опомниться, оказался на базаре за стенами города. С наступлением сумерек узкая дорога начала заполняться бедно одетыми людьми. По обочинам стояли лавки с едой – там продавали вареных и жареных цыплят и уток; в воздухе перемешивались тяжелые запахи сгоревшего масла, пота и пыли; под навесами покачивались куски копченой баранины и свинины. Синдэ понял, что проголодался, – он ничего не ел с самого утра. Пройдя несколько рядов, молодой человек наткнулся на толпу, перегордившую узкий проулок, подошел поближе и попытался разглядеть, что происходит. Он заметил голые ноги женщины, лежащей на толстой доске поверх деревянного ящика, и принялся пробираться сквозь толпу. Приподнявшись на цыпочки, рассмотрел саму женщину. Она была совершенно обнажена. Синдэ тут же отметил, что она не принадлежит к народу хань.¹⁷ Кожа у нее отличалась смуглостью, но было в женщине что-то чувственное, незнакомое. Синдэ увидел высокие скулы, заостренный подбородок и глубоко посаженные черные глаза. Он подошел еще ближе. Рядом с женщиной стоял голый по пояс свирепый мужчина с огромным ножом в руке и злобно косился на любопытствующих.

– Ну, какую часть вам отрезать? Продается! Продается! – Мужчина кровожадно ухмыльнулся.

Зеваки зашептались, не отводя глаз от странной сцены.

– Что это с вами? Никогда не встречал таких трусливых людишек! Неужто ни у кого не хватит смелости купить свежего мяса?

Никто не ответил. Тогда из толпы выступил Синдэ и спросил:

– В чем провинилась эта женщина? – Его охватило любопытство, он больше не мог сдерживаться.

¹⁴ *Цзиньини* – третье, высшее ученое звание в Древнем Китае.

¹⁵ *Мэн Цзяо* (751–814) – известный китайский поэт эпохи Тан.

¹⁶ *Чанъань* – современный город Сиань в китайской провинции Шэньси; с 535 по 907 г. столица империи при династиях Западная Вэй, Северная Чжоу, Суй и Тан.

¹⁷ *Хань* (ханьцы) – самоназвание китайцев.

Дикарь с ножом смерил Синдэ недобрым взглядом.

– Она из племени дансян.¹⁸ Эта развратная девка спала с женщиной, а потом пыталась убить его жену. Я продам ведьму по частям. Если хочешь, отрежу тебе любую – ухо, нос, грудь, ляжку, все, что пожелаешь. Цена та же, что и на свинину.

Мужчина тоже не был ханьцем. Его глаза имели синеватый оттенок, а волосы на груди отливали золотом. На загорелых могучих плечах красовались причудливые узоры.

– Она признала свою вину и готова понести такое наказание?

На вопрос Синдэ ответила сама женщина:

– Да, готова. – Голос у нее был высокий и пронзительный. Когда она заговорила, по толпе пронесся ропот смутения.

Синдэ не мог понять: то ли тангутка смирилась со своей судьбой, то ли в ней просто пробудился дух противоречия.

– Эй вы, олухи! Долго еще будете стоять и глазеть? – рявкнул палач. – Если не можете выбрать, я вам помогу. Как насчет пальцев?

В следующую секунду в воздухе блеснул нож. Раздался глухой удар по дереву, и из груди тангутки вырвался странный звук, не похожий ни на крик, ни на стон. Увидев брызнувшую кровь, Синдэ подумал, что женщине отрубили руку. Но рука была цела – варвар отхватил ножом кончики двух пальцев на ее левой кисти.

Зрители ужаснулись и невольно отпрянули, расширив кольцо вокруг жертвы и палача.

– Хорошо, я куплю ее! – быстро выкрикнул Синдэ. – Куплю целиком!

– Да ну? – недоверчиво уставился на него варвар.

Пока они переговаривались, женщина села, опираясь на доску окровавленной рукой. Ее щеки пылали, когда она обратилась к Синдэ:

– Прости, но мы не продаемся целиком. Если хочешь купить меня, покупай по частям. – После этого она опять легла.

Сначала Синдэ не понял значения ее слов. Потом, сообразив, что тангутка неверно истолковала его намерения, смутился и поспешно проговорил:

– Я хотел сказать, что выкуплю тебя и ты сможешь пойти куда пожелаешь.

Он принялся торговаться с варваром. Поскольку других покупателей не было, они без труда сошлись в цене. Цзюйжэнь вытащил из-за пазухи нужную сумму и, бросив связку монет на землю, приказал освободить женщину. Жадно схватив деньги, варвар повернулся к тангутке и принялся осыпать ее оскорблениями на незнакомом языке. Она медленно поднялась на ноги. А Синдэ пошел восвояси сквозь толпу зевак, которые с изумлением таращились на него. Не успев далеко отойти, он услышал, как кто-то окликнул его, и обернулся. К нему бежала тангутка. На ней было грубое одеяние уроженцев северных земель, левая рука была забинтована. От потери крови лицо женщины побледнело.

– Я хочу отблагодарить тебя, незнакомец. Прошу, возьми вот это. Больше у меня ничего нет. – Она протянула спасителю небольшой кусочек ткани, сложенный вдвое.

Тряпица развернулась, и Синдэ увидел на ней странные символы, похожие на иероглифы, начертанные в три строки по десять знаков на каждой.

– Что это?

– Я не умею читать, но думаю, что там мое имя и место рождения. Нам нужно это, чтобы войти в Ургай. Мне грамотка больше не понадобится, так что отдаю ее тебе.

Что такое Ургай?

– Ты не слышал об Ургэе? «Ургай» означает «Драгоценный город». Это столица Западного Ся. – Темные, глубоко посаженные глаза тангутки сверкнули.

– А откуда тот варвар? – полюбопытствовал Синдэ.

¹⁸ Дансян – китайское название тангутов.

– Он уйгур. Из всех негодяев самый отвратительный. – Женщина вложила тряпицу в руку Синдэ и быстро растворилась в толпе.

Цзюйжэнь побрел дальше, чувствуя, что в нем произошла перемена. Он не мог понять, что именно изменилось, но какая-то часть его существа стала иной. Синдэ недоумевал, как он мог совсем недавно переживать из-за того, что проспал экзамен, – теперь его отчаяние, внутреннее упущенной возможностью, выглядело нелепо. То, что произошло на рынке, не имело никакого отношения к знаниям и книгам. Малый жизненный опыт не позволял Синдэ осознать огромное значение случившегося, и все же то, что он только что увидел и услышал, потрясло его, перевернув ход мыслей и мировосприятие.

О чем думала эта молодая женщина из Западного Ся, лежа на доске? Неужели смерть была ей безразлична? Почему она не хотела, чтобы ее тело купили целиком? Из скромности? Синдэ не понимал варвара, который собирался продать человека по частям и мог безжалостно отрезать пальцы женщине. А она даже не дрогнула!.. Эти странные мысли будоражили воображение, и никак не удавалось от них избавиться. В ту ночь, вернувшись в свой дом, Синдэ вновь изучил подарок тангутки, приблизив его к свету. Всего несколько знаков из тридцати напоминали ханьские иероглифы, но в то же время и отличались от них. Он никогда прежде не видел подобных символов. Значит, это письменность Западного Ся, страны, породившей столь необыкновенную женщину... Раньше Синдэ не знал, что у тангутов есть своя грамота, служащая людям для общения друг с другом. Рассматривая кусок ткани, он вспомнил об одном седовласом чиновнике из Ведомства образования, который присутствовал в экзаменационном зале. Ему было около семидесяти, и молодому цзюйжэню тогда подумалось, что это очень мудрый человек, раз его избрали в экзаменационный совет. Да и судя по случайно подслушанным обрывкам разговоров, знания чиновника были весьма обширны. Синдэ много раз встречал его в зале и, хотя не был с ним знаком, решил, что сей ученый муж непременно сумеет расшифровать таинственные символы.

На следующий день Синдэ выяснил, что седовласый чиновник является главой Совета судей, и отправился к нему. Ужас от того, что он проспал экзамен, прошел. После третьей попытки пробиться в канцелярию цзюйжэню наконец позволили встретиться с мудрецом. Молодой человек показал старику тряпицу и попросил его прочитать написанное. Чиновник долго с хмурым видом разглядывал символы. Синдэ, не выдержав, объяснил, как этот кусочек ткани попал к нему. Тогда старик поднял глаза:

– Неудивительно, что я не сумел распознать эти письма. Мне введома грамота киданей и уйгуров, но я не слышал, что она есть у тангутов. Должно быть, ее придумали недавно. Как бы то ни было, эти знаки – всего лишь жалкое подражание ханьским иероглифам. Сами по себе они ничего не стоят.

Синдэ возразил:

– Но разве нельзя считать достижением уже то, что люди научились записывать слова и тем самым делиться знаниями, сохранять их для потомков? Если Западное Ся обретет могущество, то все книги с запада будут переводиться на язык тангутов, и культурные ценности, которые до сих пор проходили мимо них, станут оседать внутри границ империи.

Чиновник какое-то время молчал, потом сухо произнес:

– Не думаю, что нам стоит об этом беспокоиться. Вряд ли тангуты когда-либо обретут могущество.

– Но разве наличие письменности не доказывает, что они уже стали самостоятельным народом?

– Когда варвары начинают расширять границы своих владений, они тотчас принимаются подражать просвещенным людям и похваляться своими «достижениями». Тангуты – те же варвары. Их нельзя назвать народом, сравнимым с нами, подданными Сына Неба.

– Прошу прощения, но я не согласен с вами, почтенный господин. Уверен, тангуты станут великим народом. Как и предсказывал Хо Лян, когда-нибудь войска Западного Ся будут представлять большую угрозу для Поднебесной.

Синдэ не испытывал угрызений совести от того, что высказал свои дерзкие суждения вслух перед ученым мужем, проявив тем самым непочтительность. Сейчас его похвала Хо Ляну казалась ему весомее и важнее той, что прозвучала в недавнем сне. Даже простая женщина, увиденная им на рынке, обладала качеством, которое сделает тангутское государство великой империей. Это странное спокойствие перед лицом смерти не могло быть свойством лишь ее характера – подобно бездонным темным глазам, оно должно быть отличительной чертой всех ее соплеменников.

– В любом случае я сейчас занят, – холодно закончил аудиенцию чиновник.

Синдэ понял, что обидел его, и покинул дворец с уверенностью в том, что тангутская письменность не известна никому в Поднебесной.

Глава Совета судей не проявил внимания к грамоте Западного Ся, но у Синдэ не шли из памяти загадочные символы, попавшие к нему в руки. Во сне и наяву его преследовала их тайна. У молодого человека не было причин для дальнейшего пребывания в столице, но он никак не мог начать собираться домой. Его не смущало то, что он вернется бесславно, не сломила неудача. Стремление сдать экзамен через три года пропало – теперь у него появилась иная цель. Интерес к новой письменности возрастал, и Синдэ то и дело доставал тряпицу. Глядя на незнакомые символы, он мечтал прочесть их. Судя по словам тангутки, это был официальный документ в Западном Ся, служащий для удостоверения личности и для перемещений по тангутским владениям. Скорее всего, сами слова не имели большого значения, но для Синдэ они скрывали глубокий смысл, которого не было ни в одном из произведений ханьских мудрецов. И когда он сидел над книгами, в памяти то и дело всплывал образ дерзкой обнаженной женщины из племени тангутов.

О тангутах Синдэ почти ничего не знал. Наверное, в их северной стране властвует какая-то странная могучая сила, не поддающаяся определению, думал он. Ему захотелось поехать туда и увидеть все собственными глазами. Врожденная узость мышления ханьца чудесным образом, благодаря встрече с тангутской женщиной, превратилась в навязчивый интерес ко всему населению Западного Ся, и жизнь его перевернулась: Синдэ уже не мог избавиться от желания посмотреть на эту страну.

Глава 2

В первом месяце следующего, 1027 года Синдэ добрался до города-крепости близ Линчжоу. Сменилось шесть лун с тех пор, как он покинул в начале лета Бяньлян. В крепости размещался передовой гарнизон сунской армии, а в городе кипела и бурлила жизнь – улочки кишели воинами и недавно приехавшими из других краев поселенцами, так что трудно было себе представить, что всего-то несколько лет назад здесь царило запустение, не насчитывалось и трех десятков домишек. Примерно в десяти ли¹⁹ к северу располагался Линчжоу, бывший когда-то приграничным форпостом, основанным в эпоху Тан,²⁰ и главной ставкой военачальника Северной армии. Четверть века назад Линчжоу попал в руки тангутов.

К западу от сунского гарнизона располагались четыре штаба Западной армии и территория Улян, которая была освоена еще в пору правления У-ди²¹ и служила коридором, связывающим Китай с Центральной Азией. Со времен императоров династии Хань Китай управлял западными землями из этой приграничной крепости. Затем, много лет назад, ставку военачальника, контролировавшего Улян, перенесли в Лянчжоу,²² а когда в Шачжоу²³ было организовано китайское наместничество, все полномочия отошли к тамошнему правителю. В обоих случаях Улян находился под властью Поднебесной. Позднее эту землю занимали попеременно тугани и уйгуры, и она уже больше не принадлежала Китаю. К 1027 году отдельные племена объединились в маленькие царства. Больше всего своим могуществом гордилось государство тангутов, чей главный гарнизон располагался в Синцине.²⁴ В Лянчжоу хозяйничали тугани, в Ганьчжоу²⁵ – уйгуры, а Шачжоу удерживали ханьцы.

Синдэ не мог поверить, что, попав в эту северную приграничную крепость, в оплот сунской армии, он по-прежнему находится на земле Поднебесной. Здесь проживало очень мало ханьцев, их численно превосходили представители других народов, основавшие поселения у городских стен. По пути в гарнизон Синдэ проехал мимо семи таких укрепленных поселений, находившихся под властью сунского военачальника. Да и среди солдат было так много чужеземцев, что ему казалось, будто он находится в другой стране.

Последние полгода Синдэ изучал языки. Он познакомился с молодыми ханьцами, знавшими тюркские и тангутские наречия, и, путешествуя с ними, имел возможность упражняться, так что к концу пути уже вполне сносно объяснялся по-уйгурски, на языке тангутов и туганей. Но ему так и не удалось еще раз увидеть тангутскую письменность. Те представители дансян, что проживали на земле Поднебесной, не могли считаться истинными тангутами. Да, в их жилах текла тангутская кровь, но, кроме происхождения, ничто не связывало их с людьми, которые недавно создали новое государство и чье могущество быстро возрастало. Тангуты, жившие за пределами своей страны, были всего лишь неграмотными крестьянами, изгоями из среды настоящих подданных Западного Ся. Так что тангутами их назвать уже было нельзя, да и ханьцами они так и не стали.

Синдэ снял каморку в храме в северо-восточной части города и поступил на службу в управу – составлял доклады о получении ежегодной дани и обязательной военной службе. Весной он собирался отправиться в Улян.

¹⁹ *Ли* – мера длины; в данном случае 1 ли составляет примерно 4 км.

²⁰ 618–907 гг.

²¹ *У-ди* (140 – 87 гг. до н. э.) – император из династии Ранняя Хань (202 г. до н. э. – 25 г. н. э.).

²² *Лянчжоу* – современный город Увэй в китайской провинции Ганьсу.

²³ *Шачжоу* – современный Дуньхуан.

²⁴ *Синцин* – столица Западного Ся, современный город Иньчуань в автономном районе Нинся-Хуэй.

²⁵ *Ганьчжоу* – современный город Чжанье в провинции Ганьсу.

Снег шел четыре дня в первом месяце, шесть дней во втором и три дня в третьем. Несмотря на зиму, в гарнизон по-прежнему то и дело прибывали одни полки, а другие покидали его. Синцин – столица Западного Ся – находился примерно в пятнадцати ли отсюда. Это был тот самый «Ургай», «Драгоценный город», о котором толковала тангутская женщина с базара в Бяньляне. В течение нескольких лет войска Западного Ся угрожали ханьской армии, отвечавшей им взаимной ненавистью, но сейчас тангуты были заняты переговорами с соседними племенами, заключали союзы, накапливали силы и пока не хотели ввязываться в войну с Поднебесной. В самой же Поднебесной опасались, что в случае открытого конфликта с тангутами может вмешаться самый страшный враг империи – кидани.

Страх страхом, однако осторожности и благоразумия он никому не прибавил: ситуация была настолько напряженной, что война между двумя государствами казалась неизбежной.

В один из дней ранней весны, когда солнце начало пригревать плодородные равнины вокруг города, Синдэ обратился к чиновнику из гарнизона за разрешением на пребывание в Лянчжоу. Зимой он уже столкнулся с уйгурскими купцами – те обещали взять его с собой. Через три дня после подачи прошения чиновник сообщил, что просьба отклонена, однако Синдэ просто необходимо было попасть в Лянчжоу, поэтому он решил рискнуть и втайне войти туда с одним из уйгурских караванов.

В Лянчжоу давно обосновался маленький ханьский клан Чжэбу, противостоявший туфаниям. В крепостных стенах образовалось своего рода крошечное государство. В самом городе и вне его проживало около пятисот ханьских семей, вместе с другими племенами работавших на земле. Город располагался в восточной части области, название которой переводилось как «Западный край», – это был крупный торговый путь. Говорили, что нигде в мире нет такого количества животных, как в Лянчжоу. С древних времен город славился своими чистокровными лошадьми. Из-за этого среди местного населения и соседних племен часто вспыхивали распри – все стремились завладеть таким богатством. На эту землю также постоянно совершали набеги тангуты. В 1015 году воины Западного Ся одержали верх над лянчжоускими купцами и некоторое время безраздельно владели территорией. Однако местные жители при поддержке уйгуров атаковали армию тангутов, вынудив ее отступить. Несмотря на поражение, тангуты продолжали разбойничать в окрестностях Лянчжоу, сжигая дома и увозя лошадей. Остаться в тех землях надолго они не осмеливались по вполне понятной причине – знали, что тогда ханьцы обязательно нападут на них, поскольку сунская империя не пожелает расстаться с плодородными пастбищами. Таким образом, Лянчжоу был стратегически важным пунктом для ханьцев, тангутов и уйгуров. Конницы Поднебесной и Западного Ся нуждались в поставке лошадей, а уйгуры получали огромную выгоду, продавая их. Если бы между Сун и Ся разразилась война, то это случилось бы именно в Лянчжоу – так считал каждый знающий о положении на границах. Синдэ отказали в пропуске для входа в Лянчжоу, потому что тангуты в любой момент могли захватить город, а Поднебесная расширяла зону размещения своих войск, и лишние люди, болтающиеся под ногами, сунским военачальникам были не нужны.

Синдэ все это прекрасно понимал, но отказываться от воплощения своей мечты не желал. В Лянчжоу жили тангуты, ханьцы, представители других племен, и каждый имел право свободно путешествовать между этим городом и Синцином. Будучи ханьцем, Синдэ не мог отправиться прямо в столицу Западного Ся, но, попав в Лянчжоу, он сумел бы найти способ туда пробраться.

Как-то утром цзюйжэнь встал до зари и вывел лошадь из конюшни. Эта кобыла, купленная им в Ганьчжоу, была уже третьей по счету после отъезда из Бяньляна. Молодой человек принялся навьючивать на нее свои вещи. В эту минуту появился посланный из храма слуга и спросил, что он делает. Синдэ поглядел на парня, стоявшего, словно призрак, в полумраке, подумал и честно признался, что хочет попасть в Лянчжоу, но подорожной у него нет, поэтому он собирается выскользнуть из города, смешавшись с уйгурскими караванщиками.

Слуга пришел в изумление.

– Если вас поймают, господин, не ровен час, отрубят голову, – сказал он.

– Кабы я боялся потерять голову, сидел бы смиренно, – отозвался Синдэ, который знал, что ему грозит опасность, но не испытывал страха. – Вместо того чтобы беспокоиться о моей голове, помоги лучше приторочить вещи к седлу. – Синдэ указал на мешки, лежавшие у его ног. Он не отличался физической силой, и ему было тяжело навьючивать лошадь.

Когда небо на востоке посветлело, цзюйжэнь присоединился к одному из караванов, вышедших из города. Там было двадцать верблюдов и тридцать лошадей. Синдэ ехал позади всех. У него не было подорожной, но он сумел выскользнуть за ворота, потому что уговорил караванщика подкупить стража отрезом ткани из Ханчжоу.

Караван шел на запад по равнинам. Сначала в пути попадались засеянные земли и деревья с набухающими почками, а к полудню путники ступили на бесплодную почву. Ветра не было, но за караваном вился столб пыли. К вечеру они достигли бассейна Желтой реки. Весь следующий день шли по течению Хуанхэ, а на третий добрались до плато горной цепи Холань. К полудню четвертого дня спустились с плато и оказались в плодородной долине, а на пятый их взорам открылась пустыня – впереди была самая трудная часть пути.

Два дня караван бороздил пески. Близ Лянчжоу барханы стали постепенно, с большой неохотой уступать место растительности. Ночью, когда уйгуры в последний раз разбили шатры на склоне холма, их разбудил шум – приближаясь, набирал силу конский топот. Синдэ выскочил из шатра и увидел сотни, а может, даже тысячи всадников. Луна еще не взошла, и в призрачном полумраке темные очертания воинов и боевых коней, скачущих к Лянчжоу, сливались в серый речной поток. Один за другим они проносились мимо.

– Битва! Битва! – закричал кто-то.

Удостоверившись, что конница растворилась в ночи, уйгуры, ждавшие затаив дыхание, сорвались с мест, быстро свернули шатры, сгрудились вокруг верблюдов и лошадей и, поеживаясь от холода, поспешно принялись навьючивать на сонных животных тюки с товарами. Когда караван собирался повернуть на север, подальше от Лянчжоу, люди вновь услышали далекий цокот копыт и ржание боевых коней. На этот раз всадники промчались вблизи каравана в другом направлении. Было неясно, где идет битва, – на севере или на западе. И никто не мог сказать, являлись эти две проскакавшие мимо конницы союзниками или врагами.

Весь день караван то и дело менял курс. Когда купцы поворачивали на юг, воины появлялись с юга, когда устремлялись на север – кони и всадники неслись оттуда. То же самое происходило с востоком и западом. Никто не понимал, какой стране принадлежали эти армии. Многие караваны столкнулись с подобными затруднениями: повсюду склоны возвышенностей пестрели шатрами – это перепуганные купцы пережидали боевую сумятицу.

Потратив целый день на бессмысленное блуждание по кругу, уйгурский караван тоже расположился на склоне холма, похожего на тот, где они ночевали накануне. Старейшины обсудили положение и решили продолжить путь к первоначальной цели – Лянчжоу. Поздней ночью длинная цепь верблюдов, лошадей и людей отправилась на запад. Как и прежде, то совсем рядом, то вдали слышался конский топот, но уйгуры уже не обращали на него внимания и упрямо шли дальше.

На рассвете все смешалось. Караванщиков неожиданно осыпал град стрел. Перепуганные лошади взвились на дыбы, верблюды дали стрекача. В разгар всеобщего смятения купец приказал своим помощникам бросить животных, поклажу и спасаться. Люди рассыпались по равнине, бегом припустили на запад. Только Синдэ не бросил свою кобылу – не мог расстаться с верной подругой, кроме того, к седлу были приторочены все его вещи – и побежал, ведя лошадь под уздцы. Он бы предпочел скакать верхом, но не хотел стать мишенью для лучников.

Когда солнце поднялось высоко, Синдэ оказался на соляной дюне. В полуденных лучах песок переливался голубыми и белыми бликами. Молодой человек стреножил лошадь, разло-

жил на тряпице скудный завтрак и принялся за еду. Вдруг он увидел бредущую по песку группу лошадей и верблюдов и решил было, что это караван, но двигались животные как-то странно – их никто не вел. Когда они приблизились, Синдэ подпрыгнул от удивления – это были те самые лошади и верблюды, которых уйгуры бросили утром на равнине! Из горба одного верблюда торчала стрела. Подойдя к молодому человеку, животные преспокойно остановились, будто нашли хозяина. Отдохнув, Синдэ тронулся в путь, возглавив длинный караван.

Весь день издалека долетали отзвуки битвы. Равнина горбилась холмами, и Синдэ казалось, что до Лянчжоу уже рукой подать, хотя на горизонте не было видно ничего похожего на город.

Наткнувшись в долине на окруженный деревьями родник, молодой человек остановил караван и решил устроить привал, несмотря на ранний час. Он был так изможден, что заснул прямо на траве под палящими лучами солнца.

Его разбудили жалобные крики верблюдов и ржание лошадей. Синдэ не знал, сколько времени прошло. Все вокруг тонуло в призрачном свете костров, снопы искр взвивались над пригорками, разрывая ночную тьму. На фоне красного пламени тела животных казались охваченными огнем. Шум сражения гремел где-то совсем рядом.

Синдэ вскочил на лошадь и поднялся на вершину ближайшего холма. Оттуда он увидел рвущийся к небу столб огня посреди широкой равнины. В свете пламени двигались вооруженные всадники. Там, дальше, шла битва между двумя армиями, но взору Синдэ открылась лишь маленькая батальная сценка – стройное наступление конницы. В одно мгновение из темноты вынырнули несколько отрядов, а в следующее – уже исчезли в ночи.

Внезапно вся округа озарилась еще более ярким светом. На холме по правую руку от Синдэ полыхнул, быстро разгораясь, второй гигантский костер. В тот же миг грянули яростные крики, совершенно не похожие на человеческие. Потом в долину между холмами хлынула волна всадников. Синдэ видел их так отчетливо, что мог разглядеть выражение лица всадников, пригнувшихся в седле. Теперь боевые кличи летели из-за каждого пригорка. Синдэ, ведя кобылу в поводу, поспешил к своему лагерю и дальше – прочь от кровавой сумятицы. Животные покорно последовали за ним. Ему хотелось поскорее улизнуть с поля битвы, но было слишком светло, повсюду кипели ожесточенные схватки, металась опьяненная кровью воины и кони. Синдэ в отчаянии искал укрытие, пытался раствориться в темноте, но, куда бы он ни кинулся, его встречала одна и та же картина: во мраке или в алом зареве скрещивались мечи, сверкали наконечники копий, воздух со зловещим свистом прошивали стрелы.

Когда Синдэ понял, что не сможет помочь ни себе, ни животным, он замедлил шаг и обреченно побрел куда глаза глядят, решив идти вперед и только вперед, никуда не сворачивая, не обращая внимания на препятствия. Это было не хуже, чем бесплодные попытки затаиться где-нибудь за холмом. Ведя кобылу за собой, Синдэ то погружался в угольно-черный мрак, то выбирался из тьмы на багрово-золотистые островки света, и все это время он продвигался, как ему казалось, на запад, взбирался на холмы, переходил через соляные болота. На пути попадались тела убитых воинов и конские трупы.

На рассвете Синдэ увидел вздымающиеся впереди высокие стены большого города. Над ними поднимались клубы черного дыма, затягивая небо непроницаемой пеленой, расцвеченной причудливыми узорами алого зарева. Синдэ пересчитал животных и позволил им отдохнуть. Кроме кобылы, в караване набралось шесть верблюдов и двенадцать лошадей, вместе с ним переживших взбаламученную лязгом оружия ночь. Наступила тишина.

Синдэ растянулся на траве. У ворот строились войска, готовясь войти в город. За конными воинами следовала пехота, и армии потребовалось много времени, чтобы вступить за крепостные стены. Когда за воротами исчезли последние ратники, Синдэ отважился подвести свой караван к городу. Пройдя несколько шагов, он вновь остановился – перед ним возник отряд солдат. Было ясно, что они тоже собираются войти в город. Солдаты начали строиться.

Молодой цзюйжэнь решил проскользнуть первым и еще раз быстро пересчитал лошадей и верблюдов, прежде чем вступить за большие каменные ворота.

За стенами крепости в ноздри Синдэ ударила тошнотворная вонь разлагающихся трупов, смешанная с обычными запахами битвы. От самых ворот бежала узкая улица, в конце которой было открытое пространство – площадь, заполненная воинами.

– Чья это армия? – задал Синдэ вопрос похожему на ханьца лучнику, который направился к нему.

– Что? – Лучник свирепо уставился на незнакомца.

Тут же к Синдэ подбежали три воина, крича на языке Поднебесной: «Освободи дорогу, деревенщина!», и тот послушно отвел животных в сторону, пропуская отряд, который только что видел у ворот города.

– Где мы? – обратился Синдэ к другому лучнику, стоявшему поблизости.

– Чего? – Лучник тоже сурово нахмурился.

В гарнизоне полыхал пожар, над маленькой рощей плясали языки пламени. Синдэ засмотрелся на причудливые клубы дыма, и в этот момент на него набросились солдаты, заломили ему руки за спину и куда-то потащили.

Улицы в городе были узкими и неровными. На безлюдной базарной площади царил беспорядок: прилавки разгромлены, еда растоптана, утварь разбита. Дальше потянулись тихие жилые кварталы с рядами домов за высокими глинобитными стенами. Судя по всему, этот город до вторжения захватчиков был богатым, мирным, оживленным... Синдэ смотрел по сторонам, но везде видел только воинов – ни одного местного жителя.

Вскоре пленника втолкнули во двор, обнесенный оградой. По двору были разбросаны домишки, напоминавшие походное солдатское жилье. Повсюду кишели ратники. Перед одним из строений Синдэ приказали остановиться и ждать.

Через несколько секунд его окружила толпа солдат. Все они были ханьцами, с тем же разрезом глаз и цветом кожи, что и у Синдэ, все понимали его язык, но, похоже, ничего не знали о великой империи Сун. Синдэ спросил у одного из лучников, откуда он родом, и тот назвал место, о котором молодой цзюйжэнь никогда не слышал. Словно оскорбленный невежеством пленника, лучник внезапно ударил его и отошел прочь. Синдэ завел разговор с другим солдатом, на этот раз более осторожно, но его вновь поколотили безо всякой причины. Какой бы вопрос ни пытался задать бедняга, в ответ получал одни зуботычины. Он не понимал, что происходит. На пороге дома появился мужчина лет двадцати восьми, по виду командующий, приблизился к пленнику и спросил его имя, откуда он родом и как попал в город. Синдэ честно отвечал, но каждый раз на него градом сыпались удары. В конце концов ноги у него подкосились, он упал и скрючился на земле, твердо решив молчать – ведь, судя по всему, его лупили за то, что он посмел говорить. После побоев с Синдэ сорвали одежду и облачили его в солдатскую форму. Теперь он ничем не отличался от других воинов. Потом его подвели к находящемуся поблизости дому. Здесь тоже толпились солдаты. Они сбились в группы по трое-четверо и ели стоя.

Синдэ приказали ждать в углу двора. Ратники вновь обступили его. Опасаясь, что они начнут драться, Синдэ хранил молчание. Неожиданно один из солдат подошел к нему и протянул миску лапши со словами:

– Ешь быстрее, мы скоро выступаем.

– Куда мы идем? – не удержался от вопроса Синдэ.

Но солдат ничего не знал об этом. Ему было известно только то, что впереди их ждет битва с уйгурами. Синдэ понял, что его силой забрали в армию и, похоже, никто не собирается ему рассказывать, где он находится и воинами какой страны окружен.

В ту ночь новобранцу не пришлось участвовать в бою с уйгурами – вместо этого ему с десятью другими ратниками приказали охранять лошадей и пастбища за стенами города.

Тогда Синдэ узнал, что его отряд состоит исключительно из ханьцев и является подразделением передовой армии Западного Ся. Выяснилось также, что занятый войсками город и есть Лянчжоу, тангуты его захватили всего за три дня, а прошлой ночью в окрестностях разыгралась битва между ними и уйгурами, которые поспешили на помощь ханьскому гарнизону.

С начала 1027 года и до весны следующего Синдэ служил простым солдатом в ханьском отряде армии Западного Ся.

В Лянчжоу теперь были расквартированы только военные. Из бывших горожан те, кто мог сражаться, влились в ряды тангутского воинства, а немощных стариков, женщин и детей новые власти вывели за крепостную стену и принудили работать на земле или пасти скот на плодородных пастбищах.

Земли в Лянчжоу были очень богатыми. За чертой города на много ли простирались распаханное поля. Таким образом, в руках тангутов оказались богатейшие угодья к западу от Желтой реки, на которые давно засматривались многие правители. Лянчжоуские скакуны считались лучшими в мире – с ними не могли сравниться даже лошади из сунской провинции Ганьчжоу. Что уж говорить о тех, что разводили на землях Цзинь и Вэй – они были сильными и выносливыми, но бегали медленно и для ратного дела не годились. С северной стороны Лянчжоу пастбища тянулись до самого горизонта. Взобравшись на городскую стену, можно было увидеть бесчисленные табуны, пасущиеся вдали. Для ухода за ними требовалось много людей, поэтому, заняв Лянчжоу, тангуты не причинили вреда ни одному местному жителю – они призывали на военную службу здоровых мужчин, а остальных горожан отправили трудиться в поле или ухаживать за лошадьми.

Но такая судьба была уготована не только лянчжоусцам – сами тангуты жили по тем же правилам. Когда тангутским юношам исполнялось пятнадцать лет, их призывали в армию, где либо ставили в строй, либо давали простую физическую работу в обозах. Все воины на службе Западного Ся получали коней и вооружение за счет государства и были полностью экипированы. Тех, кого не забирали в солдаты, отправляли возделывать поля подле Лянчжоу или Ганьцзина.

Известно, что Лянчжоу захватили пятьсот тысяч воинов регулярной армии Западного Ся. Кроме них, были еще войска, набранные из взятых в плен представителей побежденных племен. Сто тысяч таких ратников стояли в Лянчжоу и двести пятьдесят в Синцине. Еще семьдесят тысяч солдат патрулировали приграничные области.

Полк, к которому приписали Синдэ, являлся авангардом тангутского воинства, состоявшего из тщательно отобранных ханьцев. Во время войны ханьские отряды всегда отправлялись на передовую. В полк, как правило, принимали только самых храбрых и опытных молодых людей из числа бывших пленников и жителей захваченных областей, невзирая на их происхождение или место рождения. Синдэ попал в Лянчжоу на следующий день после битвы и был зачислен именно в передовой отряд по чистой случайности. Ежедневно вместе с другими ратниками он проходил военную подготовку за стенами города. Молодой цзюйжэнь был хрупкого сложения, но серьезно относился к этим упражнениям, ибо понимал: если военачальники решат, что солдата из него не выйдет, его отправят на другой берег Хуанхэ для расчистки полей, а он предпочитал, несмотря на все тяготы жизни, оставаться в Лянчжоу.

В течение того года Синдэ принял участие в трех битвах с ганьчжоускими уйгурами. В первых двух он был тяжело ранен, потерял сознание, но сумел удержаться в седле и вернуться к своим. Все тангутские воины пристегивали себя к лошадям металлическими обручами, чтобы в случае гибели не упасть на поле брани. Выдрессированные боевые скакуны всегда возвращались в лагерь после битвы, неся на себе мертвых и раненых всадников.

Задачей Синдэ было прикрепить к седлу ручницу и мчаться сквозь вражеские ряды, осыпая их градом камней. Он был недостаточно силен, чтобы на скаку управлять с более тяжелым оружием, но для использования этой пушки не требовалось развитой мускулатуры.

Хрупкое сложение даже помогало ему. Во всех трех битвах Синдэ прижимался к шее лошади, не смотрел по сторонам и думал лишь о том, чтобы метко выстреливать камнями. Даже самому отважному воину было бы нелегко прорвать уйгурский строй, но лошадь несла легкого седока вперед без остановки. И каждый раз молодой цзюйжэнь терял сознание и приходил в себя уже в лагере, когда товарищи стаскивали его с седла. Он не знал, как ему удавалось вернуться, каким образом верный боевой конь пробивался сквозь ряды противников.

В третьей битве Синдэ тоже был ранен и очнулся только после перевязки. Он не помнил, как стрела уйгурского лучника входила в его тело. Возможно, это случилось, уже когда он потерял сознание от бешеной скачки и запаха крови... Так или иначе Синдэ пришел к выводу, что участвовать в битве не так уж страшно. Расстреляв все камни, он мог впасть в забытие или делать что душе угодно, полагаясь в остальном на судьбу, – лошадь сама несла его обратно в лагерь.

В свободное время между сражениями Синдэ бродил по округе в поисках того, кто владел бы тангутской письменностью, но ни один солдат из его отряда не мог прочесть символы на заветной тряпице. Никто даже не знал, есть ли вообще у тангутов письменность. Это могло быть известно кому-то из военачальников, но, будучи простым солдатом, Синдэ не надеялся, что у него появится возможность потолковать с высшими чинами, а командиры рангом пониже, к которым он имел право обратиться, не умели читать даже по-ханьски, не то что по-тангутски.

Синдэ полагал, что письменность наверняка используется в Синцине, где находятся правительственные ведомства и многие купцы, местные и чужеземные, ведут свои дела. К сожалению, в приграничном гарнизоне, таком как Лянчжоу, крючкотворству не было места в повседневной жизни.

Весной 1028 года в полку поползли слухи, что скоро начнется наступление на Ганьчжоу. Все понимали, что это неизбежно. Для тангутов, уже занявших земли вокруг Синцина и Лянчжоу и вторгшихся на территорию Поднебесной для захвата Линчжоу, было вполне естественно избрать следующей мишенью Ганьчжоу – столицу маленького уйгурского царства, которое при малейшей возможности выступало против тангутов. Синдэ тоже предчувствовал, что осада Ганьчжоу состоится не сегодня завтра.

К концу третьего месяца за стенами Лянчжоу возникло оживление. Каждый день со всех сторон подтягивались новые отряды. Ночью с городской стены можно было увидеть бивуачные костры, растянувшиеся на много ли к юго-востоку. Полки, расквартированные в городе, получили приказ привести в порядок оружие и доспехи. В начале четвертого месяца все войска собрались на поле за городом – на смотр армии прибыл сам Ли Юань-хао, главнокомандующий и старший сын тангутского правителя Ли Дэмина. К делу главнокомандующий приступил с чувством, с толком, с расстановкой. В итоге до отряда, состоявшего из ханьцев, очередь дошла не скоро, так что и Синдэ, и его товарищи простояли на плацу с раннего утра до самых сумерек.

Желтое солнце клонилось к горизонту, и поле, крепостная стена, оазис, простиравшийся на востоке, равнины на западе были залиты кроваво-оранжевым сиянием. Цзюйжэню, который раньше лишь слышал о Юань-хао, а теперь видел его впервые, молодой военачальник – ему было лет двадцать пять – показался очень величественным. При росте чуть больше пяти сяку²⁶ и хрупком телосложении осанкой он обладал поистине царственной и весь был алым в лучах заходящего светила.

Медленно вышагивая вдоль строя, Юань-хао осматривал каждого воина с ног до головы. Оглядев одного, он едва заметно улыбался ему, прежде чем перейти к следующему. Эта ласковая улыбка трогала сердца солдат, а горящий тайным огнем взгляд государева сына поражал, завораживал, да так, что все до единого чувствовали в себе готовность с радостью умереть за своего предводителя. Когда очередь дошла до Синдэ, он, неожиданно для самого себя, воспы-

²⁶ Сяку – японская мера длины, равная 30,3 см.

лал тем же стремлением отдать жизнь за Юань-хао. И столь же неожиданно ему показалось странным, что он способен не раздумывая броситься в бой и погибнуть ради чужого правителя, вана Западного Ся. А еще было непонятно, почему эта мысль его ничуть не встревожила...

После смотра солдаты вернулись в город, и Чжу Ванли, командующий ханьским полком из трех сотен всадников, призвал к себе Синдэ. Этот полководец, которому было немногим за сорок, совершил несметное число героических поступков, и его храбрости мог позавидовать даже самый отчаянный рубака из передового отряда.

– Твое имя должно быть на доспехах. – Чжу Ванли критически оглядел обмундирование Синдэ. – Это оно? – спросил он, указывая на три иероглифа. – Здесь написано «Чжао Синдэ»?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Если б я умел читать и писать, добился бы большего успеха в жизни. Несмотря на всю мою доблесть, отсутствие образования мешает мне выдвинуться... А ты, стало быть, грамотей. Вот и славно. Станешь зачитывать мне приказы главнокомандующего.

– Рад стараться, ваше превосходительство! – гаркнул Синдэ, решив, что знакомство с полководцем столь высокого ранга не будет лишним.

– Вот, начнем с этого. – Чжу Ванли развернул свиток, который держал в руках.

Синдэ подошел поближе. Знаки были не ханьские. Тангутский! Язык, похожий и одновременно не похожий на ханьский... Синдэ изо всех сил вглядывался в таинственные знаки, но так и не сумел ничего понять. Когда он признался Чжу Ванли, что не может прочесть приказ, потому что тот написан не по-ханьски, полководец смерил его презрительным взглядом и сердито буркнул:

– Хочешь сказать, что ты только по-ханьски понимаешь? С тобой все ясно. Ступай!

Синдэ не повиновался.

– Это письменность тангутов, ваше превосходительство. Если вы сведете меня с кем-нибудь, кто знает ее, я сумею перевести приказ за два-три дня. Мне давно уже хочется изучить язык тангутов, я мечтаю попасть в Синцин. Если вы мне позволите, думаю, я смогу вам помочь.

– Мм. – Глаза Чжу Ванли блеснули. – Хорошо, если ты не погибнешь в следующей битве, я попрошу главнокомандующего позволить тебе изучать язык тангутов. Я человек слова и, если мы оба останемся в живых, исполню свое обещание. Помни об этом!

Синдэ спросил у полководца, как он прочел его имя на доспехах, если не знает грамоты.

– Это не я, а его светлость Юань-хао, – загадочно ответил Чжу Ванли и ничего не стал объяснять.

После этого случая Чжу Ванли время от времени призывал Синдэ к себе и давал ему разные поручения. Полководец заинтересовался простым ханьским солдатом, потому что тот умел писать и читать. Кажется, он даже проникся уважением к молодому цзюйжэню.

В середине пятого месяца Юань-хао повел армию к Ганьчжоу – уйгурскому гарнизону. Ночью, накануне того дня, когда ханьский конный полк должен был выступить в поход, Чжу Ванли вновь вызвал Синдэ.

– Я позволю тебе присоединиться к моему полку. Мои всадники еще не проиграли ни одной битвы. Большая часть погибнет, но выжившим достанется победа. Я оказываю тебе великую честь, солдат, ты должен это понимать.

Синдэ, однако же, принял предложение довольно равнодушно. Чжу Ванли продолжил:

– Если мы выиграем следующее сражение, я хочу возвести памятник в честь моего полка. Ты напишешь на нем поминальное слово.

– Где ваше превосходительство собирается его поставить?

– Пока не знаю, возможно, в пустыне или в какой-нибудь деревушке близ Ганьчжоу. Если мы победим слишком дорогой ценой, то возведем памятник прямо на поле брани.

– А что, если мы тоже погибнем?

– Мы? Ты имеешь в виду себя и меня? – Проницательные глаза Чжу Ванли прищурились. – А и верно. Даже я могу погибнуть. Если это случится, памятник поставишь ты.

– А если погибну я?

– Это усложнит задачу. Постарайся выжить... Впрочем, старание тут не поможет. Каждый, кто говорил со мной накануне битвы, погибал... Да, ты тоже можешь умереть.

Синдэ эти слова прищлись не по душе, но мысль о смерти не очень-то испугала его. Когда он спросил, на каком языке должна быть памятная надпись – на ханьском или тангутском, – Чжу Ванли захохотал:

– Вот дурень! Конечно, на ханьском. Мы же не тангуты. Их язык годится лишь для оглашения приказов.

Поговаривали, что раньше Чжу Ванли был офицером сунской армии в Лянчжоу и сдался в плен, когда город захватили тангуты. С тех пор он всегда служил в передовом полку их воинства. Разумеется, это были всего лишь сплетни – никто не осмеливался спросить Чжу Ванли напрямую. Но он определенно стыдился своего прошлого и, если кто-нибудь напоминал ему об этом, приходил в дикую ярость.

Синдэ нравился этот немолодой герой.

Глава 3

рассвета до рассвета армия Западного Ся покидала Лянчжоу. Двести тысяч ратников были разделены на десяток войск, выходявших за каменные ворота с интервалом в один или два часа, так что целый день и всю ночь нескончаемый поток солдат катился по плодородным землям на запад. Конечной целью этого марш-броска был Ганьчжоу. В авангарде каждого войска ехали всадники, за ними длинной цепью тянулась пехота, замыкали шествие обозники с сотнями верблюдов, нагруженных запасами продовольствия.

Синдэ в составе авангарда покинул город одним из первых. Более половины передовых отрядов состояли из ханьцев, в остальных служили тангуты, аша и представители других племен. Вскоре на равнинах все чаще стали попадаться проплешины песка, каменистые участки перемежались соляными болотами, и после полудня продвижение вперед значительно затруднилось.

Расстояние от Лянчжоу до Ганьчжоу составляло семьдесят с лишним ли. Между этими городами струились реки с истоками в горах Цилян, орошали пустынные земли и создавали оазисы. В первую ночь ханьский полк разбил лагерь у кромки вод Цзямбы, вторую провел на Даньшани, а третью – на каменистом берегу безымянной реки вблизи гор. До самой зари уныло завывал ветер. Наутро четвертого дня войска добрались до русла Шуймо, а на следующий день вошли в ущелье, с севера и юга укрытое от взоров хребтами.

На шестой день пути, за горным перевалом, тангутская армия остановилась на привал. Отсюда дорога до Ганьчжоу бежала по ровной местности. Отдохнув, воины восстановили походный порядок и снова двинулись в путь. Они шли по пустыне, где не было видно ни одного деревца; на седьмую и восьмую ночь разбили шатры на берегу мутной желтой реки, которая глубоко врезалась в такие же желтые плато. С этого дня на ночь стали выставлять караулы.

На девятый день вернулись разведчики, высланные вперед двое суток назад, и сообщили о приближении уйгурской армии. Воины взяли в руки оружие. На утро десятого дня дозорные увидели скопления черных песчинок, стремительно скользивших широкой лентой по склонам пологого холма, – это были уйгуры. Как только враг был обнаружен, тангутские военачальники отдали приказ идти в атаку. Первые пять отрядов передового войска разбились на шеренги по двадцать всадников в каждой. Пехота и обозники остались позади.

Армии помчались навстречу друг другу по волнистым пескам. Три конные сотни Чжу Ванли, над которыми реяли желтые треугольные знамена, возглавили наступление.

Вскоре черные песчинки увеличились в размерах и приобрели очертания всадников. Словно повинувшись странному притяжению, два воинства неотвратимо неслись к одной точке. Загрохотали барабаны. Синдэ ослепила пыль из-под копыт скакавших впереди лошадей. Он отпустил поводья. Воздух огласили боевые кличи, засвистели стрелы и камни. Передовые полки столкнулись, тангутские сотни прорвали ряды противника. Опьяненные запахом битвы воины принялись наносить врагам удары.

Справа и слева к Синдэ мчались уйгуры, накатывали приливной волной. Все они побросали поводья, привстали в седле, сжимая коленями бока коней, и одну за другой выпускали стрелы из лука.

Как и прежде, Синдэ прижался к шее своего скакуна и принялся расстреливать врагов камнями из ручницы. Вокруг него жужжали арбалетные болты, гремели яростные крики, жалобно ржали раненые лошади, все заволкло клубами пыли. Под градом стрел и ядер всадники сталкивались, кони ломали ноги, падали на землю, расплющивая седоков – живых и мертвых. Синдэ решительно пробивался вперед, но одна и та же сцена кровавой битвы преследовала его повсюду.

Внезапно он заметил, что вокруг посветлело, как будто незримая сила вынесла его из угольно-черного мрака пещеры на яркий солнечный свет. Синдэ оглянулся – Чжу Ванли, с налитыми кровью глазами, с кроважидным оскалом, летел за ним по пятам на огромном вороном жеребце и рубил мечом направо и налево.

Ханьские конные сотни прорезали линию уйгурского авангарда, затем, словно огромное сито, просеяли сквозь себя центральные и замыкающие ряды противника и вырвались на простор. Все происходящее на оставшемся за спиной поле боя стало казаться Синдэ мимолетным видением. Всадники во главе с Чжу Ванли собрались большим полумесяцем на обозначенной холмами кромке поля боя, где по-прежнему сражались две армии. Синдэ загнал своего коня повыше на склон и замер от изумления – вдалеке передовой отряд вражеской конницы, пробивший ряды тангутов, построился таким же полумесяцем, люди и лошади замерли и внезапно, в едином порыве, опять устремились в самое пекло. И вновь авангарды обоих полчищ понеслись друг к другу, словно притягиваемые огромным магнитом, расстояние между ними стало стремительно уменьшаться. Мгновение, еще одно – и они сошлись в схватке. Синдэ оказался в центре ревущего, качающегося, кровавого лабиринта. На этот раз вокруг кипел жестокий рукопашный бой, раздавались свирепые вопли, сверкали мечи. Потоки всадников слились, перемешались. Отбросив ручницу, Синдэ выкрикнул что-то неразборчивое, выхватил меч и, пришпорив коня, ринулся на бесконечные ряды уйгуров. А потом он, как и прежде, перенесся из кровавой тьмы в умиротворяющее море света. Сияло солнце, Синдэ был на склоне холма, ввысь поднимались клубы пыли, в лазурном небе плыли облака. Рядом были люди, тангутские и ханьские воины, но их строй значительно поредел, осталась лишь небольшая горстка уцелевших в битве, и среди них – всего десяток знакомых лиц... Синдэ пытался найти Чжу Ванли, но нигде не видел его. Внизу, в долине, шеренги всадников скакали в разных направлениях, пересекаясь друг с другом, словно шелковые нити, которые прядильщицы тянут из коконов. Казалось, поле битвы и всадники живут своей жизнью, не замирая ни на минуту.

Отряд Синдэ вновь был на некотором удалении от поля боя и строился огромным полумесяцем. Выжившие в третий раз искали врага, но его уже не было видно – уйгуры больше не осмеливались атаковать.

Оставив позади место, где продолжался рукопашный бой, и первое поле брани, где еще кипели смертельные схватки, отряд Синдэ направился на запад. Отъехав на изрядное расстояние, всадники укоротили поводья. Когда лошадь встала как вкопанная, Синдэ, которого оставили последние силы, начал валиться на землю. Голубое небо и широкая белая пустыня поменялись местами, он повис вниз головой, чувствуя, что вот-вот сознание померкнет, и вдруг краем глаза заметил, что к нему приближается огромный воин с забрызганным кровью лицом. Великан заговорил с Синдэ, глядя на него сверху вниз:

– Значит, ты уцелел!

Голос показался странно знакомым. Это был Чжу Ванли.

– И вы, как вижу, ваше превосходительство, – прохрипел Синдэ.

Чжу Ванли усмехнулся:

– На кого ты похож! – и помог ему вернуться в седло.

– Я рад, что вы живы, – признался Синдэ, с искренней радостью глядя на своего командира.

– Я тоже. Но это ненадолго. Соберем отряд смертников и войдем в Ганьчжоу. Я буду в этом отряде и позволяю тебе присоединиться к нам.

Крики, доносившиеся с поля боя, становились все тише и слабее. Потом из числа уцелевших военачальники отобрали три тысячи всадников, приказав им немедленно идти на Ганьчжоу. Чжу Ванли встал во главе пяти конных сотен, и Синдэ оказался у него в подчинении. Когда войска тронулись в путь, он, словно во сне, покачивался в седле, к которому был по-прежнему пристегнут. Подходя к берегу ручья или реки, воины останавливались на короткий

привал, и каждый раз во время отдыха Чжу Ванли приносил Синдэ воду. Войска шагали всю ночь, приказ разбить лагерь был дан, лишь когда они достигли оазиса. В серебристом свете луны простирались грушевые и сливовые сады. Спешившись, Синдэ упал на землю и заснул как убитый, а проснувшись утром, обнаружил, что их окружают многочисленные оросительные каналы и возделанные поля. Вдали виднелись высокие каменные стены. Это был Ганьчжоу.

В час, когда предрассветный воздух особенно прозрачен и свеж, тангутская конница подскочила к крепостным воротам, и лучники осыпали город мириадами стрел. В ответ – тишина. Атака повторилась – и вновь ни малейшего намека на сопротивление.

Чжу Ванли подошел к сидевшему на земле Синдэ. Лицо полководца, запачканное кровью, выглядело столь же зловеще, как и вчера, но было невозможно понять, его это кровь или убитых врагов.

– В город ворвется отряд из пятидесяти смертников. Ты тоже пойдешь со мной.

Добровольцы поползли к крепостной стене. Обнажив мечи, подкрались к воротам и беспрепятственно проникли в город. Взорам открылся пруд с чистой водой, две лошади стояли на берегу, и... ни уйгурских солдат, ни мирных жителей. Поблизости виднелось несколько домов за глинобитными стенами, каждый дом обступали деревья с густой листвой.

Захватчики углубились в город. Огибая углы оград и строений, они вытягивались в шеренгу. По приказу Чжу Ванли Синдэ возглавлял отряд. Домов становилось все больше, но по-прежнему нигде не было ни души. Только однажды в отряд полетела стрела и ранила лошадь – значит, в городе кто-то все же остался...

Каждый раз, подъезжая к развилке, Синдэ предоставлял лошади самой выбирать путь. Воины приподнимались в седле, заглядывали за ограды, входили в жилища, но так никого и не встретили.

Чжу Ванли велел Синдэ прищипорить коня. За ним по городу галопом неслись пятьдесят безудержных захватчиков. Незримые противники выпустили в них еще две стрелы, которые неуклюже вонзились в землю. Стреляли с большого расстояния. Похоже, все жители Ганьчжоу, за исключением горстки самых отчаянных, бежали, бросив добро и землю, которую возделывали много десятилетий.

– Надо подать дымовой сигнал. Полежай наверх, подожги волчий помет, – приказал Чжу Ванли.

Сообразив, что полководец обращается к нему, Синдэ спешил. Они стояли на площади у городской стены рядом с восточными воротами. К гребню стены вели выбитые в камне ступени, на самом верху возвышалось круглое строение, напоминающее маяк, – сторожевая башня с сигнальной вышкой. Синдэ, закинув за спину мешок с волчьим пометом, стал взбираться на стену. На высоте примерно двадцати сяку перед ним открылся панорамный вид на равнины, окружавшие Ганьчжоу.

– Пригнись! – крикнул снизу Чжу Ванли.

Но Синдэ не желал прятаться. Страх смерти совершенно исчез. Вначале сторожевая башня показалась ему совсем маленькой, но теперь, стоя на гребне стены, он понял, что ошибался: до сигнальной площадки под круглой крышей было около тридцати сяку. К тому же башня оказалась двухъярусной: внизу было небольшое помещение, в котором могли разместиться два или три человека; там находился огромный барабан. Шаткая бамбуковая лесенка вела на второй ярус. Взобравшись по ней, Синдэ замер. На сигнальной площадке сидела на корточках молодая девушка. Тонкое лицо, нос с изящной горбинкой, огромные, темные, глубоко посаженные испуганные глаза... Синдэ догадался, что в жилах незнакомки течет ханьская и уйгурская кровь. На ней было одеяние с узкими рукавами, открытым воротом и юбкой в складку. С первого взгляда становилось ясно, что это не простолюдинка.

Прежде чем ступить на площадку, Синдэ ободряюще произнес по-ханьски:

– Не бойтесь. Я не причиню вам зла. – Затем он повторил то же самое по-уйгурски.

Неизвестно, поняла его девушка или нет, только она ничего не ответила и продолжала глядеть на воина в запыленных доспехах тангутской армии.

Синдэ высыпал сухой волчий помет на пол и поджег. Воздух тут же наполнило зловоние, от костра повалил черный дым; когда он струей выскользнул из-под навеса и устремился ввысь, Синдэ поджег вторую горку помета, затем еще одну и так до тех пор, пока над крышей не взвилось пять дымов, подавая главной армии и другим тангутским войскам знак, что передовой отряд захватил город. Покончив с этим, Синдэ повернулся к девушке:

– Ничего не бойтесь. Оставайтесь здесь. Я скоро вернусь и отведу вас в безопасное место. Вы, должно быть, дочь купца?

Очевидно, девушка все-таки понимала ханьский, потому что едва заметно покачала головой.

– Ваш батюшка – чиновник?

И вновь она покачала головой. Внимание Синдэ привлекли два ожерелья на ее шее.

– Вы знатного происхождения? Девушка молча смотрела на него.

– Кто же ваш отец? – не отступался он.

На этот раз она прошептала:

– Младший брат правителя.

– Правителя?!

Синдэ с новым интересом взглянул на девушку. Если ее отец – брат правителя, значит, она принадлежит к царской семье... Оставив таинственную царевну в башне, он спустился на гребень стены, а потом на площадь, где уже строились ханьские воины под предводительством Чжу Ванли.

– Ты первым вошел в город, возглавил разведотряд и, рискуя жизнью, подал дымовые сигналы. На днях я отправлю в ставку главнокомандующего прошение, чтобы тебя назначили начальником трех десятков всадников, – торжественно произнес Чжу Ванли, обращаясь к Синдэ – единственному уцелевшему воину из передовых рядов его конницы.

Ханьский отряд смертников, не потерявший ни единого бойца, расположился на отдых в ожидании, когда в город войдут тангутские войска. Чжу Ванли приказал пятерым солдатам раздобыть вина и лапши, потом послал еще пятерых обыскать ближайшие дома: вдруг там спрятались женщины. А Синдэ между тем тихо сидел в сторонке на камне, время от времени поглядывая на башню, где пряталась уйгурская царевна. Он думал, как с ней поступить, долго не мог принять решения и наконец пришел к выводу, что ему ничего не остается, кроме как рассказать о девушке Чжу Ванли и просить его помощи. Но Синдэ почти ничего не знал о полководце, кроме того, что тот дружески относился к нему и проявлял небывалую отвагу в битве.

Три тысячи тангутских ратников, стоявших за крепостными стенами, вошли в Ганьчжоу. Солдаты получили вольницу и теперь, впервые за много дней, могли делать все, что пожелают. Они рыскали по опустевшему городу, точно стая голодных волков; найдя богатые одеяния, с шутками и прибаутками напяливали их поверх доспехов и дурачились друг перед другом, а наткнувшись где-нибудь на сосуды с вином, разбивали их и жадно глотали пьянящую влагу, как воду. Лишь когда на Ганьчжоу опустились сумерки, разгул постепенно начал затихать.

Синдэ в этом веселье участия не принимал – с полудня и до наступления ночи он просидел у крепостной стены напротив сигнальной вышки и все время был начеку, чтобы помешать какому-нибудь шатающемуся по городу вояке подняться на сторожевую башню. Отлучился он со своего поста лишь однажды, чтобы отыскать подходящее убежище для высокородной девушки. Синдэ заходил в разные дома, но ни один не годился для этой цели. Наконец рядом с большим особняком он нашел хижину, предназначавшуюся, очевидно, для хранения запасов пищи. Там был большой погреб, в котором могли бы свободно разместиться два или три

человека. Синдэ решил, что это как раз то место, где царевна будет в безопасности, и отнес в погреб несколько циновок.

Поздно ночью он выскользнул из храма, где расположился на отдых отряд смертников из пятидесяти человек, который первым вступил в город. Небо было усеяно тысячами звезд, но ночь была такой темной, что молодой человек с трудом различал землю у себя под ногами. Ему понадобилось довольно много времени, чтобы добраться до места своего дневного дежурства, а оттуда он начал на ощупь пробираться к крепостной стене. Осторожно поднявшись по лестнице, Синдэ увидел сотни огней, рассыпанных по равнине, – там разбили лагерь основные войска Западного Ся. Он думал, что при свете костров сумеет различить очертания солдат и лошадей, но все пространство между очажками пламени было погружено во тьму, с которой неразрывно слились земля, кусты, живые существа.

Синдэ взобрался на сигнальную площадку сторожевой башни. Там тоже царил мрак, поглотивший стройную фигурку девушки. Похоже, она сидела в той же позе, что и днем. Синдэ велел ей следовать за ним в безопасное место. Но царевна не пошевелилась. Нарушив долгое молчание, она наконец заговорила по-ханьски своим ясным голосом, заявила, что хочет остаться здесь, потому что уже не боится смерти. Синдэ понял: девушка не доверяет ему, и попытался успокоить бедняжку, объяснить, что нашел надежное убежище и намерен проводить ее туда. Еще раз позвав царевну за собой, он принялся спускаться по лестнице. Девушка, поколебавшись немного, все же последовала за ним. Глаза Синдэ привыкли к темноте, и теперь он отчетливо видел свою спутницу. Она оказалась намного выше, чем он ожидал. Синдэ запретил девушке говорить и велел ни при каких обстоятельствах не отходить от него. Оставив позади равнину с разбросанными по ней огнями костров, он медленно спустился с городской стены, осторожно нащупывая ногами ступеньки. Царевна неслышно шла за ним по пятам. Синдэ пересек площадь, прошмыгнул по улице, обогнул два угла и свернул в ворота дома, который отыскал днем. За глинобитной оградой был большой сад. Там Синдэ пропустил девушку вперед, указав на тропинку, ведущую к хижине, у дверей предложил ей войти, но она так и не решилась переступить порог – внутри было очень темно, да и присутствие воина тангутской армии все еще нагоняло на нее страх. Синдэ отдал девушке свою дневную порцию лапши с луком и посоветовал переночевать на лежанке, а с рассветом спуститься в погреб – подальше от посторонних глаз. Затем торопливо добавил, что ему пора в казарму, поскольку понимал: пока он рядом, девушка не осмелится войти в хижину. После испепеляющей дневной жары ночной воздух был пронизывающе холодным. Синдэ припас в погребе несколько циновок, но знал, что этой ночью девушка вряд ли ими воспользуется, – скорее всего, она найдет другое место для сна. И спорить с ней было бесполезно. Больше он ничего не мог сделать и поспешно удалился.

На заре Синдэ тайком улизнул из храма, где спали его товарищи, и наведаясь в хижину – принес для своей подопечной немного еды и воды. Заглянув внутрь, он не увидел девушки и решил, что она убежала, но оказалось, царевна послушалась его совета и спряталась в погребе. Отдав ей узелок с завтраком и флягу из тыквы, он тотчас ушел.

В тот день подразделение регулярной армии тангутов под командованием самого Ли Юань-хао торжественно вступило в Ганьчжоу. Все ожидали, что это будет войско наемников из покоренных племен, ночевавшее за крепостной стеной, но город наводнили уроженцы Западного Ся, внешне очень отличавшиеся от ханьцев. Синдэ понял, что битва, в которой участвовала ханьская конница, была лишь частью крупной военной операции. У истоков Черной реки, что текла с севера на юг по западной оконечности провинции Ганьчжоу, и на берегах Даньшани, мимо которой проскакала конница Чжу Ванли, направляясь к городу, кипели бои между основными силами; из них тангутская армия вышла победительницей. Говорили, что уйгуры потерпели поражение на всех фронтах и бежали на запад, как будто заранее условившись об отступлении и месте сбора. На третий день тангутской оккупации Ганьчжоу сначала уйгурские ремесленники, а потом и другие местные жители стали потихоньку возвращаться в город. Их

неожиданное появление удивило захватчиков: выходило, что все это время мирное население скрывалось где-то поблизости. Впрочем, ломать над этой загадкой голову никто не стал. Разумеется, вернулась лишь малая часть горожан, тем не менее гарнизон вновь сделался похожим на оживленное гражданское поселение: открылись торговые лавки, на главной площади развернулся овощной базар. Но пока в Ганьчжоу не вернулась ни одна женщина, и по этой причине Синдэ по-прежнему вынужден был прятать уйгурскую царевну в хижине. Каждый день он носил своей подопечной еду. Однажды, на вечер пятого, не нашел ее ни в хижине, ни в погребке и решил, что на сей раз девушка действительно сбежала. Однако вскоре она неожиданно появилась из сада. Когда Синдэ упрекнул ее за столь необдуманный поступок, царевна заверила его, что беспокоиться не о чем: она выходила каждую ночь, чтобы умыться и выпить воды, и ничего страшного не случилось. Девушка стояла у входа в хижину. Синдэ отчетливо видел ее в лунном свете – на ее лице уже не было усталости и страха.

– Почему ты носишь мне еду? – спросила она своим ясным голоском.

– Потому что хочу спасти вашу жизнь.

– Зачем?

Синдэ не знал, что ответить. С той минуты, как он нашел царевну на сторожевой башне, им владело убеждение, что такова воля судьбы: именно ему суждено заботиться о ней. Синдэ молчал, и девушка капризно надула губки:

– Ты говоришь, что хочешь спасти меня, но я не желаю оставаться тут вечно. Сколько еще мне придется прятаться в этой ужасной хижине?

Синдэ понял, что она своенравна, но не рассердился, а попытался успокоить ее:

– С каждым днем в городе все больше уйгуров, ваше высочество. Женщин пока нет, но и они скоро вернуться. Когда это произойдет, вы сможете отсюда уйти.

– В моих жилах течет царская кровь. Если меня поймают, то, наверное, убьют.

– Вы можете скрыть свое происхождение. А когда появится возможность, сбежите из города и пойдете на запад к своим соплеменникам. – Син-дэ и сам чувствовал, что в его голосе не хватает уверенности. Он не мог представить, как эта изнеженная особа найдет дорогу к своему народу.

В тот день Синдэ впервые долго беседовал с царевной, и это оказалось для него тяжелым испытанием. Невозможно было сказать, что его смущало больше: утонченная красота или царственная повадка девушки, но он все время опускал очи долу, не смея взглянуть ей в глаза. Лицо с тонкими чертами и хрупкая, изящная фигурка глубоко волновали молодого человека, задевали в душе тайные, до сих пор молчавшие струны.

На седьмой день после захвата Ганьчжоу Чжу Ванли призвал Синдэ к себе. Полководец расположился в доме, во дворе которого росли три раскидистых дерева ююба, и принял подчиненного, вальяжно сидя на грязном полу галереи.

– Ты говорил, солдат, что хочешь изучить письменность тангутов, поэтому я позволю тебе поехать в Синцин, – добродушно улыбнулся Чжу Ванли. – Это доказывает, что я человек слова. Как только выучишь язык, возвращайся. – Он сообщил, что на следующий день в Синцин отправляется ханьский отряд и что Синдэ должен идти с ним и подчиняться приказам сотника. – Кстати, скоро меня повысят в чине. Когда ты вернешься, я сделаю тебя начальником своего штаба.

В ту пору Чжу Ванли командовал пятью сотнями всадников, но уже знал, что не сегодня завтра в его распоряжении будет еще больше солдат, потому что официальные лица заметили его заслуги.

Синдэ был очень признателен полководцу, но его беспокоила судьба уйгурской царевны: что будет с ней, если завтра ему придется уехать? Когда он попросил об отсрочке на две недели, Чжу Ванли обиделся и сердито закричал:

– Ты едешь завтра! Это мой приказ! Спорить было бесполезно – пришлось подчиниться этому простоватому, бесстрашному военачальнику, который оказал ему столь высокую честь.

В ту ночь Синдэ сказал уйгурской царевне, что уезжает, и пообещал найти человека, который позаботится о ней. Перед отъездом он вознамерился рассказать о девушке Чжу Ванли и просить его помощи.

Царевна вышла из погребца и стояла у двери хижины, дрожа то ли от страха, то ли от ночной прохлады.

– Я не верю никому, кроме тебя, прошу, останься! – взмолилась она.

Когда Синдэ растолковал ей, что обязан выполнить приказ полководца, девушка внезапно упала на земляной пол и залилась слезами.

– Знаешь, почему я была одна на башне? – прошептала она, заламывая руки.

Синдэ уже несколько раз спрашивал ее об этом, но она не отвечала; теперь же, словно в благодарность ему, решила все объяснить.

– Я ждала там своего возлюбленного. Когда уйгуры покидали Ганьчжоу, я отправилась в путь со своей семьей, но вспомнила о его обещании вернуться сюда, если он останется жив. Поэтому я одна проскользнула в город и поднялась на башню... но там меня нашел ты. Думаю, мой жених погиб в бою, и его дух послал тебя ко мне. Другого объяснения я не вижу. И теперь ты говоришь, что собираешься меня покинуть?

Синдэ смотрел на дрожащие плечи царевны, которая рыдала, лежа на земляном полу. Камни на ее ожерельях холодно блестели в лунном свете. Он подошел к девушке и ласково попытался поднять ее на ноги. Она инстинктивно отстранилась и заглянула ему в глаза. До этого мгновения Синдэ не отдавал себе отчета в том, что чувствует к чужеземке, но, когда дуновение студеного ночного ветерка донесло до него ее запах, молодого человека внезапно охватило желание обладать этим прелестным созданием.

Вскоре девушка перестала сопротивляться и отдалась Синдэ. Когда все было кончено, его охватил стыд. Он понял, что его поступку нет оправдания, и на сердце у него стало тяжело от невыносимой печали. Когда он повернулся, чтобы уйти, девушка бросилась ему в ноги.

– Прости меня, – тихо проговорил Синдэ. – Я не ведал, что творю...

– Знаю. Ты любишь меня, ибо в тебе воплотился дух моего жениха.

– Да, я люблю тебя, и я действительно могу быть воплощением твоего суженого. Ибо такова воля Неба. Иначе зачем судьба привела меня из столицы Поднебесной в этот уйгурский город? – Син-дэ искренне верил в это, и печаль девушки печалью отозвалась в его сердце.

– Ты уедешь?

– Таков мой долг.

– Ты вернешься?

– Обязательно вернусь. Через год.

– Поклянись.

– Клянусь.

– Тогда я буду ждать тебя здесь. Не забывай: ты дал мне слово. – Девушка вновь горько расплакалась.

А Синдэ решительно отправился в казарму, глядя под ноги на свою тень, похожую на разлитое по пепельно-серой земле чернильное пятно.

На следующее утро он испросил аудиенции у Чжу Ванли, который подумал, что солдат зашел попрощаться.

– Ты и я умрем вместе, – бодро заявил полководец. – Поскорее возвращайся! Когда-нибудь мы примем участие в такой жестокой битве, что, кроме нас двоих, не уцелеет никто. Мы выиграем эту битву! И не забудь про свое обещание возвести памятник моей коннице. – Очевидно было, что недавнее сражение не показалась Чжу Ванли слишком жестоким.

– Я пришел просить вас об одной услуге, – смущенно начал Синдэ.

– Что за услуга? – поднял бровь полководец. – Говори.
– Я прячу молодую девушку из уйгурской царской семьи. И хочу, чтобы вы защитили ее...

– Девушку?! – На лице Чжу Ванли появилось озадаченное выражение. Потом его глаза блеснули. – В городе есть девушки?

– Это не простая девушка. Она царевна.

– И что такого особенного в царевне? Скорее покажи ее мне! – Чжу Ванли вскочил.

– В ее жилах течет ханьская кровь, как у вас и у меня. Она понимает по-ханьски...

– Женщина есть женщина, верно? Она годится лишь для одного!

Синдэ уже пожалел, что затеял этот разговор.

– Если вы прикоснетесь к этой девушке, непременно умрете.

– Умру? – На лице Чжу Ванли появилось удивление. – Почему это я должен умереть?

– Древнее поверье гласит: тот, кто прикоснется к знатной уйгурской женщине, долго не проживет.

– Думаешь, я боюсь умереть раньше срока?

– Вы погибнете не в бою. Ваше тело иссохнет, и дух покинет его. Не слишком-то героическая смерть...

Чжу Ванли молчал. Он почти поверил Синдэ, и все же его обуревали сомнения. Однако мысль о смерти не на поле брани была ему невыносима.

– Хорошо, я не трону эту женщину, – медленно произнес полководец. – Но я не успокоюсь, пока не увижу ее. Отведи меня к ней. Ничего ведь не случится, если я разок на нее взгляну?

Синдэ скрепя сердце повел Чжу Ванли к хижине. Царевна вышла из погреба и сидела на земляном полу. Полководец дерзко уставился на нее, стоя у порога, но не сделал попытки войти.

– Ты прав, это необычная женщина, – тихо сказал он.

– Этот человек будет заботиться обо мне? – внезапно спросила царевна.

Чжу Ванли вздрогнул при звуке ее голоса и попятился. Затем резко развернулся и зашагал прочь. Когда Синдэ догнал его, полководец проговорил:

– Я не знаю, как обращаться с подобными женщинами. Не думаю, что смогу ей помочь. Разве что нанять какого-нибудь уйгура, чтобы приносил ей еду... – Внезапно ему в голову пришла новая мысль, и он пристально посмотрел в глаза Синдэ: – Почему ты спрятал ее?

– Да я и сам не знаю, – пробормотал молодой человек.

– Надо полагать, не знаешь, – задумчиво кивнул Чжу Ванли. – Сам не знаешь. Такая это женщина. С первого взгляда ясно. Кажется слабой и незащитной, а на поверку – требовательна и своенравна. И несмотря на всю нелепость их требований, мы, мужчины, не находим в себе сил им отказать. Уж поверь мне, повидал я подобных красавиц. Она женщина и больше чем женщина – ей ничего не стоит подчинить себе мужчину. – Полководец хмуро покачал головой и вдруг воскликнул в сердцах: – Неужели здесь нет обычных баб?

Синдэ чувствовал, что Чжу Ванли стремится предупредить его об опасности, но он не мог бросить царевну на произвол судьбы и повторил свою просьбу.

– Я больше не хочу видеть эту женщину, – процедил сквозь зубы полководец. – Не желаю иметь с ней никаких дел. Но теперь у меня уже не хватит духу ее покинуть. Я прикажу уйгурам присматривать за ней.

Чжу Ванли вернулся к себе и велел солдатам найти пятерых пожилых уйгуров. Из этой группы он выбрал одного, свирепо уставился на него и сказал:

– Я хочу, чтобы ты приносил одной женщине еду и выполнял все ее желания. Если ты кому-нибудь о ней расскажешь или кто-то что-то заподозрит, я отрублю тебе голову. Ты понял?

Уйгур пробормотал себе под нос, что на него сыплются беды одна за другой. В конце концов он согласился. Синдэ отвел старика в хижину, где тот вновь пообещал исполнить приказ полководца.

Отпустив старика, Синдэ попрощался с царевной. Она заставила его повторить свою клятву вернуться через год.

– А теперь уходи! – Девушка сняла с шеи одно ожерелье и молча протянула его Синдэ.

Грустная улыбка молодого человека была полна невыразимой нежности. Он на миг задержал ее руку в своей и быстро ушел, навсегда сохранив в памяти прикосновение ледяных девичьих пальчиков к огрубевшей ладони.

Выйдя из хижины, Синдэ увидел уйгура, ковылявшего ему навстречу с кувшином воды.

– Я позабочусь о том, чтобы никто меня не выследил, – заверил его старик. – Не переживайте, молодой господин.

В полдень Синдэ покинул город и за воротами присоединился к отряду из двухсот воинов, готовых выступить в путь. Неизвестно, что сказал о нем молодому сотнику Чжу Ванли, но Синдэ показалось, что новый командир принял его с большим уважением.

Сияла шестая луна 1028 года.

Глава 4

Синдэ прибыл в столицу Западного Ся, впервые в жизни совершив длительный переход по пустынным землям из Лянчжоу. В Синцине праздновали успешное завоевание Ганьчжоу. Синдэ, прожившему долгое время в приграничных ханьских областях, было сложно понять, почему победа над уйгурами так важна для тангутов, однако в историческом плане успех тангутской армии в Лянчжоу и последующее завоевание Ганьчжоу означали, что подданные Западного Ся преодолели первое крупное препятствие, мешавшее им завладеть торговыми путями на запад. До этого ковры, драгоценные камни и все товары с запада сначала проходили через руки уйгуров, а уж потом попадали в Поднебесную и во владения киданей на востоке. Только уйгуры богатели от этой торговли, теперь же их место могли занять тангуты. Захват Лянчжоу и тучных пастбищ, на которых разводили чистокровных лошадей, решал преимущественно военные задачи, но экономическую выгоду от завоевания Ганьчжоу для молодого тангутского государства трудно было переоценить. На территории Уляна тангутам оставалось подчинить себе лишь Гуачжоу и Шачжоу, находившиеся под властью Поднебесной. Если бы Западному Ся удалось покорить эти провинции, то его границы раздвинулись бы до Центральной Азии, которая являлась воротами в страны Запада с их неисчислимыми богатствами. Как и можно было ожидать от столицы Западного Ся, Синцин совершенно не походил на Лянчжоу и Ганьчжоу. Несмотря на то что к городу почти вплотную подступала пустыня, сам он располагался на плодородной зеленой равнине. Вдалеке на западе виднелись горы Холань, а в шести ли к востоку текла Хуанхэ. Синцин окружали реки, болота, оросительные каналы, загородные усадьбы и фруктовые сады. В крепостных стенах было шесть ворот, над которыми поднимались сторожевые башни. Когда Синдэ вошел в город, его поразило огромное число табличек с надписями на языке тангутов – они были повсюду: на управах, хижинах, особняках знати, возле участков вспаханной земли. Поначалу молодой человек испытывал странное чувство, в глазах рябило от обилия незнакомых символов, намалеванных желтой, голубой, алой и другими яркими красками. Вскоре он узнал, что в Синцине запрещено пользоваться ханьскими иероглифами – каждый подданный Западного Ся должен был изучать новую государственную систему письма.

Это правило распространялось не только на письменность: ханьская одежда, украшения, благовония, ритуалы и многое другое было запрещено, а все имевшее отношение к тангутским обычаям поощрялось – такова была дань национальной гордости и честолюбию молодого государства. Это могло бы показаться смешным, однако присутствовало во внутренней политике Западного Ся нечто такое, над чем смеяться не представлялось возможным. В глазах тангутов, ходивших по городу, Синдэ видел смесь бесстрашия, жестокости, невежества и высокомерия. Этот народ намного превосходил киданей и уйгуров силой духа.

Главную роль во внешней политике Западного Ся играли военные, но все внутригосударственные дела решались гражданскими учреждениями, созданными по образу и подобию ханьских. Синдэ явился в Ведомство образования и получил направление в большой буддийский храм, при котором была организована школа. Там три десятка ратников армии Западного Ся из разных земель учились грамоте. За исключением Синдэ, все они были молодыми тангутами, зато десять наставников, к его приятному удивлению, оказались ханьцами.

Синдэ отвели каморку в храме, каждый день он исправно посещал занятия, а когда его успехи были замечены, ему поручили особый труд: помогать ученым мужам переписывать значения ханьских иероглифов – это был первый этап в подготовке тангутско-ханьского словаря.

Осень и начало весны Синдэ провел за изучением тангутского языка. Зима в Синцине длилась с десятого по третий месяц. С восходом одиннадцатой луны оросительные каналы, бегущие к городу от реки Хуанхэ, замерзли, каждый день шел град. В четвертом месяце, когда

лед на Желтой реке начал таять, Синдэ приступил ко второму этапу создания тангутско-ханьского словаря. Летом ветры дули в основном с северо-запада, но стояла изнуряющая жара, и мелкий пустынный песок заметал город. Из-за этих песчаных бурь днем становилось темно, как ночью, а когда бури прекращались, им на смену приходили страшные грозы.

Синдэ на капризы природы внимания не обращал – он с головой ушел в работу. В языке тангутов было более шести тысяч знаков, их, как выяснилось, придумал ханьский монах, который давно умер. Будь он жив, подобрать нужный иероглиф для каждого тангутского слова не составило бы труда, теперь же молодой цзюйжэнь вынужден был тратить уйму времени на то, чтобы в море символов со сходным значением отыскать один подходящий.

Осенью 1029 года словарь был наконец-то готов. Почти полтора года пролетело с тех пор, как Синдэ прибыл в начале лета в Синцин. Нельзя сказать, что он позабыл об уйгурской царевне и Чжу Ванли, но их образы постепенно отошли на задворки памяти, потускнели, а кровавые битвы, в которых молодой ханьский цзюйжэнь участвовал под началом отважного полководца, и суровая жизнь в приграничном гарнизоне теперь казались ему ночным кошмаром. Синдэ думал, что никогда уже не вернется в Лянчжоу или Ганьчжоу – до того нереальными и далекими сделались в его сознании эти города. Прожив некоторое время в столице Западного Ся, он уж и не помышлял о возвращении к прежнему месту службы. Вскоре память о знатной уйгурке совсем померкла. Сначала, думая о ней, Синдэ грустил и все вспоминал ее ледяные руки в день расставания, теперь же ему трудно было поверить, что когда-то он обладал этой женщиной. Возможно, ему все приснилось? Да и клятву он произносил тогда, словно во сне... Как бы то ни было, у него пропало желание возвращаться в Ганьчжоу за чужеземной царевной.

После завершения работы над словарем Синдэ не знал, чем ему заняться. Он пересек пустыню ради того, чтобы разгадать тайну тангутов, но прошли годы, а вопрос так и остался без ответа. Синдэ не мог отыскать в Синцине ничего, что позволило бы ему снова испытать то чувство, которое возникло у него после встречи с обнаженной женщиной на базаре Бяньляна. Возможно, в начале своего пути тангуты и обладали той бесхитростной простотой отношения к жизни и смерти, той первобытной внутренней свободой, которые так потрясли просвещенного ханьца, но теперь они утратили эти качества. Тангуты стали подданными нового государства и обрели патриотические идеи, когда во главе Западного Ся встали выдающиеся правители Дэмин и Юань-хао. Тангутские мужчины по-прежнему оставались храбрецами, но отныне они готовы были сражаться до последней капли крови не за свою честь, а за своего государя, женщины же несли на себе все тяготы жизни, годами ожидая мужей с полей сражений. Патриотизм сделал тангутов суровыми людьми, не знающими смеха и веселья.

В своем давнем сне Синдэ защищал перед Сыном Неба план Хо Ляна по обороне границ, теперь же его точка зрения несколько изменилась. Западное Ся оказалось куда могущественнее, чем считали в Поднебесной, а его жители превосходили ожидания любого сунского военачальника. Тангутские умельцы по всей стране ковали мечи и доспехи, мудрецы писали трактаты о воинском искусстве, у молодого государства просто не было времени на художественные ремесла, науку и литературу, но, когда оно завоюет земли соседей и его культура начнет бурно развиваться, Поднебесной будет уже поздно что-либо предпринимать. Если правители из династии Сун хотят избавиться от этой величайшей угрозы, они должны немедленно бросить все свои силы на борьбу с Западным Ся. Настало время действовать. Сунская империя уже совершила серьезную ошибку, оставшись в стороне, когда тангуты захватывали Лянчжоу и Ганьчжоу.

У Синдэ больше не было причин задерживаться в Синцине. Он изучил язык и письменность тангутов и прожил в этом главном городе Западного Ся полтора года.

Тангутское государство и Поднебесная разорвали дипломатические отношения, теперь уже нельзя было перемещаться из страны в страну столь же свободно, как в ту пору, когда Синдэ прибыл в Линчжоу. Хрупкое политическое равновесие между Западным Ся, империей

Сун и Великим государством киданей едва удерживало три державы от открытого противоборства. Однако, пожив некоторое время в Синцине, Синдэ узнал, что гражданские лица, в основном купцы со своими караванщиками, все же тайно переезжают из Западного Ся в Поднебесную и обратно, невзирая на сложившуюся обстановку.

Таким образом, если бы он пожелал вернуться на родину, это было бы вполне осуществимо. Только вот возвращаться не хотелось: если он появится в Ганьчжоу, ему придется провести остаток дней в передовой армии Западного Ся, и больше никто никуда его не отпустит. Нельзя совать нос в гарнизон, если у тебя нет намерения отдать свою жизнь в битве, – Синдэ прекрасно это понимал. И тем не менее все чаще цзюйжэня начали посещать мысли о Чжу Ванли и уйгурской царевне – главный труд, тангутско-ханьский словарь, на какое-то время заставил его позабыть обо всем на свете, теперь же, когда работа была закончена, образ уйгурки снова бередил воображение. Синдэ понятия не имел, что случилось со спасенной им красавицей. Сгинула ли она в омуте войны, или ей повезло добраться до своей семьи на западе, было неизвестно.

Наступил новый, 1030 год. Когда в Синцин пришла весна, город постепенно вернулся к жизни. Заметно усилились передвижения войск: в город прибывали полки с окраин, столичные подразделения выступали в поход. Народ упорно шептался о том, что скоро состоится очередной бросок на туфаней. Туфаньский князь Цзюэсьло²⁷ уже успел собрать остатки лянчжоуского воинства, разгромленного конницей Западного Ся, поставил в строй сотни тысяч бежавших из Ганьчжоу уйгуров и постоянно пополнял ряды своей армии, готовясь к столкновению с тангутами. Чтобы захватить Гуачжоу и Шачжоу, тангутам надо было одержать верх над туфаниями на территории между этими двумя ханьскими крепостями и границами своей империи.

В такой беспокойной обстановке протекла весна, и в свои права вступило лето. Как-то раз Синдэ прогуливался по рыночной площади у южных ворот Синцина. Внезапно его прошиб холодный пот, молодой человек замер: к нему приближалась женщина... Та самая!

– Это же она! – вырвалось у Синдэ.

Он был уверен, что именно эту тангутку спас на базаре в Бяньляне. Ее внешность, выражение лица... Ошибки быть не могло! Синдэ быстро подошел к ней.

– Ты помнишь меня? – спросил он. Женщина окинула его суровым взором и пожала плечами:

– Нет, не помню.

– Ты ведь была в Бяньляне?

– Нет. – Тангутка решительно покачала головой и расхохоталась.

Синдэ понял, что обманулся: она действительно была очень похожа на ту отважную упряницу. Всего лишь похожа... Молодой человек извинился и зашагал прочь. Только теперь он заметил, что во внешности проходящих мимо горожанок есть что-то общее. У всех были густые брови, черные, глубоко посаженные глаза и чистая гладкая кожа.

Впервые за много лет Синдэ подумал о женщине с базарной площади Бяньляна, о тангутке, благодаря которой он оказался в столице Западного Ся. Перед глазами возникла обнаженная фигура на помосте из доски. И выяснилось, что чувство, которое он испытал в тот далекий день, не исчезло, по-прежнему бередило душу. С мыслью о том, что он, возможно, вспомнил нечто очень важное, о чем никогда нельзя было забывать, Синдэ продолжил путь по улицам Синцина.

В тот же день, вернувшись в храм, он случайно услышал о другом человеке из прошлого – о Чжу Ванли. Разговор про полководца завел тангутский ратник, переведенный из Ганьчжоу. По его словам, Чжу Ванли приказали оборонять крепость в долине, в тридцати пяти ли к западу

²⁷ Цзюэсьло (Цзюэ-сы-ло; 997 – 1065) – вождь тибетских племен в районе современного китайского города Синина и верховьев Хуанхэ, близ озера Кукунор.

от Ганьчжоу, и он уже полгода стоит там лагерем с тремя тысячами всадников. Прознав об этом, Синдэ, как наяву, увидел горящие глаза Чжу Ванли. Став предводителем трехтысячного войска, полководец, должно быть, с нетерпением ждал великой битвы. Несомненно, он сам вызвался защищать приграничную крепость в надежде столкнуться там с врагом. Учитывая прошлое этого благородного мужа, слухи о котором уже достигали ушей Синдэ, можно было понять, почему ханьский воин, служащий в передовой армии чужой страны, сам ищет смерти на поле брани.

Внезапно в душе Синдэ проснулось желание вновь ощутить запах сражения. Прежде он никогда не испытывал ничего подобного. В памяти всплыли данное Чжу Ванли обещание и клятва уйгурской девушке. Год уже прошел, срок давно истек, но Синдэ все равно чувствовал, что должен сдержать слово. Может быть, Чжу Ванли и царица все еще ждут его... Впервые после прибытия в Синцин глаза цзюйжэня заблестели от радости. А десять дней спустя он присоединился к тангутской конной сотне, выступившей в Ганьчжоу. Ему уже знакома была эта дорога, только сейчас его путь лежал в обратную сторону.

В Лянчжоу отряд остановился на пять дней. Синдэ тоже провел это время в городе, который очень изменился за минувшие три года. Прежде он выглядел как приграничная крепость, теперь же здесь появились торговые ряды, опрятные, обсаженные деревьями жилые кварталы. И повсюду пестрели таблички на языке тангутов. Правда, на улицах было малоллюдно – поскольку стоял сезон дождей, горожане носа из дому не казали.

Через десять дней после выезда из Лянчжоу конная сотня подошла к Ганьчжоу. Всадников не пустили в город – пришлось разбить бивуаки у крепостных стен. Сложно было понять, что происходит в городе, но оттуда то и дело выходили отряды ратников, за воротами исчезали постоянно прибывавшие издалека полки, на взмыленных конях прибывали гонцы. Похоже, Ганьчжоу превратился в ставку крупного военачальника и уж точно сильно изменился с тех пор, как Синдэ жил здесь.

Проведя ночь в окрестностях Ганьчжоу, наутро Синдэ решил, что пора продолжить путь к крепости Чжу Ванли, – раз уж ему не суждено попасть в Ганьчжоу, то задерживаться здесь вместе с конной сотней не имеет смысла, – и присоединился к маленькому обозному отряду, который направлялся на запад. Земли к западу от Ганьчжоу были ему совершенно не знакомы. В первый день обозники переходили ручьи и реки, перемежающиеся песчаными дюнами, на второй день ландшафт оставался неизменным, а к вечеру отряд добрался до берегов речушки под названием Сивэй; на расстоянии полутора ли к юго-западу находилась ставка Чжу Ванли. Здесь Синдэ покинул обозный отряд и дальше пошел один. Добравшись до берега ручья, он позволил себе немного отдохнуть. Наступила ночь, но в ярком лунном сиянии было светло как днем. Синдэ, взяв лошадь под уздцы, неспешно продолжил путь по течению ручья, похожего на развевающуюся на ветру белую ленту.

Чжу Ванли обосновался в маленькой деревушке у подножия гор Цилян. Синдэ издалека разглядел крепость: в свете луны она походила на гигантское кладбище. Когда он приблизился, от ворот отделились два всадника – оба оказались ханьцами. В сопровождении стражей Синдэ ступил в узкий проход, ограниченный с обеих сторон стенами из камня и глины, прошел по тесному лабиринту улочек и неожиданно оказался на большой площади. Над крышами домов, превращенных в казармы, мерцали под луной горы. Очевидно, раньше это было богатое крестьянское поселение, окруженное возделанными полями, но мирная деревенская жизнь закончилась – на смену ей пришла суровая атмосфера военного лагеря.

Чжу Ванли занимал самый большой дом. Всадники отвели Синдэ к нему и велели ждать во дворе. Наконец появился сам полководец, не спеша подошел к гостю и остановился в паре шагов, широко расставив ноги, вглядываясь в лицо молодого человека, словно желал убедиться, что перед ним действительно бывший соратник.

– Так ты жив, – наконец пробормотал он себе под нос, впери в Синдэ горящий взгляд.

За два года, истекших со дня их последней встречи, Чжу Ванли состарился: лицо изрезали морщины, на лбу появились старческие пятна, борода в лунном свете казалась совсем белой.

– Ты не вернулся через год, и я решил, что ты погиб, – тихо продолжил Чжу Ванли и, помолчав, внезапно выкрикнул: – А она умерла!

– Умерла? – Синдэ ничего не понял. – Кто – она?

– Она умерла, – повторил Чжу Ванли, повернулся и медленно зашагал прочь.

– Кто умер, ваше превосходительство?

– Не спрашивай меня!

Синдэ не испугался гнева полководца.

– Вы имеете в виду уйгурскую де... – Она мертва! Мертвые не возвращаются. Не задавай больше вопросов.

– Как она умерла?

– Вот ведь упрямец! Заболела.

– Чем?

Чжу Ванли на мгновение остановился, обернулся через плечо, но лишь махнул рукой и снова направился к дому.

– Просто заболела. Это была большая потеря.

– Вы... сожалеете о ее смерти?

– Как если бы я потерял город.

– Она что-нибудь сказала, перед тем как покинуть подлунный мир?

– Ничего. И я не из тех, кому нравится присутствовать у смертного одра.

– Почему вы сожалеете о ее смерти, как о потере города?

– В мирное время она стала бы царицей. – Чжу Ванли свирепо потрянул головой. – Я не хочу, чтобы ты задавал мне вопросы, солдат. Я сдержал свое обещание – вот все, что тебе нужно знать. И хватит об этом. – Полководец вошел в дом.

Спустя какое-то время Синдэ, задумчиво бродившего по двору, позвали в ставку. Там собрались высшие военные чины, прислужники подавали вино. Чжу Ванли был весел, словно совершенно забыл о недавнем разговоре, даже изволил шутить с Синдэ и казался довольным тем, что тот вернулся, как обещал. Чжу Ванли состарился, но стал еще более величественным и властным.

Когда на следующее утро Синдэ проснулся на новом месте, полководец и больше половины воинов уже покинули крепость, – с восходом солнца вражеские лучники осыпали гарнизон градом стрел, и Чжу Ванли не мешкая повел своих людей в атаку. Оставшиеся солдаты охотно рассказали новичку о здешней жизни, отчего Синдэ пришел в ужас. Он понял, что совершил ошибку, по доброй воле явившись сюда, на край света. Бои на подступах к крепости кипели каждый день, уйгурская царевна умерла, ему здесь нечего было делать... Но в глубине души он ни о чем не жалел. Ему казалось, что в этот приграничный гарнизон его привела судьба.

Днем Синдэ выяснил, что с севера, запада и востока форпост окружен крепостными стенами, а с юга защищен отвесными скалами. На горных склонах виднелись бесчисленные могилы – там были похоронены погибшие в боях воины Западного Ся.

Синдэ провел в гарнизоне три месяца и почти каждый день участвовал в кровопролитных схватках. Странно, но мысль о собственной смерти его не пугала, зато мучил вопрос о том, как именно умерла уйгурская царевна. Он понимал, что Чжу Ванли никогда ему об этом не расскажет: стоило завести разговор о девушке, полководец приходил в страшную ярость.

В конце десятого месяца, когда с гор подули студеные ветры – первые предвестники зимы, – прибыл гонец с извещением о том, что весь гарнизон должен немедленно переправиться в Ганьчжоу. Синдэ прочел приказ на тангутском своему неграмотному командиру.

В ту же ночь Чжу Ванли собрал воинов на площади и обратился к ним с речью:

– До сих пор у нас были лишь небольшие столкновения с врагом, но наконец-то нас ждет настоящая битва с туфанями! Не забывайте ни на миг о том, что вы – солдаты передового ханьского отряда, и сражайтесь храбро, дабы не запятнать нашу честь. Уцелевшие будут копать могилы для павших на поле брани!

На рассвете воины взялись за уничтожение крепости – она не должна была достаться врагу, – а с наступлением сумерек уже двинулись к Ганьчжоу. Три тысячи всадников без отдыха переходили реки и песчаные дюны, во весь опор проносились по деревням и на следующий вечер добрались до места назначения. Один Синдэ не выдержал этой бешеной скачки – лишь день спустя вместе с двумя всадниками, назначенными Чжу Ванли ему в сопровождение, он нагнал войско, расположившееся на пустоши близ Ганьчжоу. Там уже собрались десятки тысяч тангутских ратников.

Официальный смотр войск Юань-хао должен был провести через два дня. Накануне Синдэ получил пропуск и вошел в Ганьчжоу – ему хотелось еще раз увидеть город, с которым было связано столько воспоминаний. Подобно Лянчжоу, Ганьчжоу тоже стал совсем другим. Синдэ стоял под крепостной стеной напротив сторожевой башни с сигнальной вышкой, но с трудом узнавал то место, где когда-то нашел уйгурскую девушку. Внизу, на площади, выросли ряды солдатских барачков, а стену по приказу военачальников надстроили с помощью камней и известкового раствора, и по гребню теперь расхаживали часовые.

Синдэ принялся искать дом, в котором прятал царевну, но все вокруг так изменилось, что отыскать особняк с хижинкой в саду было уже невозможно. Отчаявшись, он собирался отправиться восвояси, покинуть город через восточные ворота, когда услышал вдруг, как кто-то из прохожих выкрикнул имя Юань-хао. Синдэ обернулся – издали к нему медленно приближался человек верхом на коне. Вне всякого сомнения, этим статным, царственным всадником мог быть только Ли Юань-хао, которого Синдэ уже видел под стенами Лянчжоу. Молодой воин попятился, уступая дорогу главнокомандующему, и тот величественно прогарцевал мимо, а когда появился второй всадник, Синдэ лишился дара речи. Это была девушка, как две капли воды похожая на уйгурскую царевну, которая, по словам Чжу Ванли, умерла!

Синдэ бросился наперерез ее лошади. Испуганное животное взвилось на дыбы. Девушка тихо вскрикнула, и по ее лицу пробежала тень, не укрывшаяся от глаз Синдэ. Мгновение наездница глядела на него, потом выпрямилась в седле и прищипорила лошадь. Она быстро поравнялась с Ли Юань-хао, обогнала его и помчалась дальше. Военачальник, хлестнув коня, поскакал вслед за девушкой.

Синдэ остался стоять, как громом пораженный. Он был уверен, что только что встретил уйгурскую царевну. Если бы ее лошадь просто встала на дыбы, на лице девушки не появилось бы *такого* выражения... Чжу Ванли солгал. Она жива. Она стала наложницей Ли Юань-хао!

Синдэ не помнил, как возвратился в свой отряд. Ничего не видя и не слыша, он пробирался сквозь ряды воинов, а потом шел вперед по прямой, пустынной дороге. Незаметно подкралась ночь, и бесчисленные тангутские ратники, наводнившие равнину, начали разводиться костры.

Синдэ, растолкав пытавшихся его остановить оруженосцев, подбежал к Чжу Ванли и, задыхаясь, выкрикнул ему в лицо:

– Я видел ее! Видел собственными глазами! Расскажите мне всё, что знаете!

Полководец, сидевший у костра, медленно отворотил вспыхнувшее румянцем лицо от огня и процедил сквозь зубы:

– Разве ты не понял, что она умерла? – Он, разумеется, сразу догадался, что Синдэ говорит об уйгурской царевне.

– Не лгите мне! Она жива! Я сам видел!

– Дурень! Мертвые не возвращаются. – Полководец встал и свирепо уставился на Синдэ. – Только попробуй еще раз завести об этом речь – расстанешься с жизнью! – Он выплевывал слова с такой яростью, словно и правда готов был зарубить дерзкого подчиненного.

Но Синдэ и не думал отступать. Пусть Чжу Ванли говорит что угодно – уйгурская царевна жива!

– Я видел ее с Юань-хао... – начал он и отшатнулся – полководец выхватил меч и принялся яростно рассекать им воздух; когда его рука опустилась вниз, острие меча вонзилось в лежавшее в костре бревно и во все стороны фейерверком брызнули искры. – Я видел ее, видел... – в отчаянии прошептал Синдэ и бросился бежать.

Оглянувшись, он понял, что Чжу Ванли гонится за ним с мечом, и припустил во весь дух. Синдэ мчался мимо расступавшихся в изумлении воинов, перепрыгивал через костры, которые уходили в бесконечность, словно приманивая его, завлекая в ловушку вечного мрака. Синдэ не замечал ни ратников, ни табунов лошадей, ни гор провианта – он видел только, что костры кольцом сужаются вокруг него. В ту памятную ночь два года назад, взбираясь на сторожевую вышку, чтобы помочь уйгурской девушке, Синдэ не видел ничего, кроме костров, разбросанных по равнине, так и теперь перед глазами у него мелькали мириады огней.

Наконец море пламени иссякло. Впереди была крошечная тьма без единой вспышки света. Синдэ выбился из сил и упал на траву, почувствовав на лице и ладонях капли холодной ночной росы. Тотчас рядом с ним раздалось тяжелое дыхание. Он поднял голову. На него сверху вниз смотрел безумными глазами Чжу Ванли. Через мгновение полководец тоже повалился на землю, с трудом переводя дух.

В перерывах между судорожными вздохами Чжу Ванли пытался заговорить, но у него ничего не вышло. Синдэ молчал, ловя воздух ртом. Они долго еще сидели, глядя друг на друга и прислушиваясь к своему дыханию, а потом, так и не проронив ни слова, вернулись в лагерь.

На следующий день сотни тысяч солдат, заночевавших у крепостных стен, переместились на огромную плоскую равнину у восточных ворот Ганьчжоу и выстроились в боевом порядке. Из города потянулись войска и тоже начали строиться. На стенах загремели барабаны. Невдалеке от воинов били копытами тысячи ратных коней.

Юань-хао начал смотр войск рано утром. На сей раз трехтысячная конница Чжу Ванли оказалась в авангарде – именно с нее и начал проверку главнокомандующий, но ханьским всадникам все равно пришлось стоять на месте по стойке «смирно», пока он объезжал остальные подразделения.

Синдэ снова подумалось, что сын правителя отличается непревзойденным величием, несмотря на свой малый рост – чуть больше пяти сяку. И хотя он видел Юань-хао с уйгурской царевной, сердце не полыхнуло ревностью, в душе не было горечи; Синдэ казалось, что эти два человека – главнокомандующий перед строем и мужчина, пустившийся вдогонку за ускокавшей наложницей, – не имеют между собой ничего общего.

Когда смотр войск завершился, малиновое солнце уже опускалось за линию горизонта на западе, и кроваво-красные облака озарили бесконечные равнины своим пламенем. Юань-хао поднялся на возвышение, чтобы произнести речь. Взгляд Синдэ лениво скользнул за спину военачальника: на гребне городской стены появилась одинокая фигурка.

Синдэ не мог отвести от нее глаз. Ему было любопытно, кому это понадобилось бродить там в столь поздний час, к тому же он не знал, как еще справиться со скукой.

Юань-хао начал обращение к воинам. То и дело ветер доносил до слуха Синдэ обрывки фраз. А потом случилось вот что: крошечная фигурка, до сих пор неподвижно стоявшая на стене, внезапно бросилась вниз. Она летела, раскинув позади длинный шлейф, и упала у подножия. Кажется, никто ничего не заметил. Голос Юань-хао звучал где-то далеко-далеко.

День спустя, на заре, армия двинулась на запад. До наступления сумерек Синдэ, заметенный песком, покрытый грязью и потом, покачивался на спине лошади. Под вечер войска

остановились на привал у высохшего речного русла. Синдэ устал и заснул крепким сном, едва его голова коснулась земли. Пробудился он оттого, что кто-то грубо потрянул его за плечо. Над ним стоял Чжу Ванли. Увидев, что Синдэ открыл глаза, он наклонился и быстро шепнул:

- На сей раз ошибки быть не может.
- О чем вы? – раздраженно пробормотал Синдэ.
- Она и правда умерла, – сказал полководец и сел рядом.
- Думаете, я вам поверю?! – вскричал Синдэ.
- Я не лгу. Позавчера она бросилась с городской стены. Разбилась. Насмерть.

Перед глазами Синдэ живо предстала крошечная фигурка на крепостной стене, шлейф, развевающийся в полете... Значит, уйгурская девушка и была той черной точкой...

– Вы... уверены? – дрожащим голосом спросил он.

– Ошибки быть не может, – тихо повторил Чжу Ванли. – Поэтому его высочество Юань-хао отложил на день наше выступление. Я узнал об этом от одного высокопоставленного лица. – Полководец склонил голову. Воцарилось молчание. Наконец Чжу Ванли вновь заговорил: – Теперь я расскажу тебе все. Я любил ее. Я все еще ее люблю. Женщины всегда казались мне пустышками, пригодными лишь для одного... А когда в мою жизнь вошла она, я отдал ей свое сердце. Неприятно это признавать, но я ничего не могу поделать. Она забрала мое сердце с собой.

– Почему вы не позаботились о ней, как я просил?! Почему бросили на произвол судьбы?!

– Ее забрали у меня. Это сделал Юань-хао. Негодяй все-таки убил ее! – Чжу Ванли застонал и с ненавистью уставился прямо перед собой, словно там был Юань-хао.

Синдэ так потрясло откровение Чжу Ванли, что у него не было времени прислушиваться к собственным чувствам. Внезапно полководец поднялся и, словно пытаясь освободиться от гнева, издал странный, скорбный крик. Потом он долго стоял, подняв лицо к небу.

Синдэ не знал, как Чжу Ванли обращался с оставленной на его попечение девушкой. И не хотел знать. Нужно было подумать о чем-то более важном. Синдэ вспомнил взгляд уйгурской царевны, когда они встретились два дня назад: в нем были изумление, смущение, радость и грусть. И она пустила лошадь в галоп, потому что не могла иначе выразить свои чувства...

Синдэ нарушил клятву. Он не вернулся, когда истек год. Это была его вина. Девушке не оставалось ничего иного, кроме как смириться со своей участью, и у него нет права винить ее за то, что она стала наложницей Юань-хао. Скорее всего, она бросилась со стены, чтобы доказать ему, Синдэ, силу своей любви... Его охватило сожаление. Это последнее доказательство ее любви невыносимой болью отозвалось в сердце.

Если бы только он остался с ней, если бы сдержал обещание вернуться через год, ее судьба сложилась бы иначе! Возможно, он не сумел бы сделать ее счастливой, но, по крайней мере, она не бросилась бы со стены...

Войско тангутов направлялось к уйгурской столице Сучжоу,²⁸ находившейся в семидесяти пяти ли от Ганьчжоу – примерно в десяти днях пути. Переночевав на берегу обмелевшей реки, ратники перешли каменистую равнину и оказались в пустыне. Они шагали вперед, и до самого горизонта простирались песчаные дюны, лишённые всякой растительности. Чтобы копыта лошадей не увязали в песке, на них надели деревянные подковы, а ноги верблюдов обмотали шкурами яков.

Через три дня марша по пустыне войско выбралось на травянистую равнину у берега полноводной реки. А за рекой опять простерлась пустыня. Еще через три дня авангард встретили соляные болота. Было невозможно определить, где они заканчиваются, но дорога по око-

²⁸ Сучжоу – старое название города Цзю-цюань в провинции Ганьсу.

ему одного из них растянулась по меньшей мере на тридцать ли, а земля на подступах была белой, словно схваченной морозом, и густо поросшей тростником.

На смену болотам вновь пришла пустыня, и вот впереди, на юго-западе, открылись заснеженные вершины гор. Теперь на пути воинам то и дело попадались рощи и селения. На пронизывающем ветру покачивались голые абрикосовые деревья.

Через восемь дней после выхода из Ганьчжоу тангуты вступили в Сучжоу. Естественно, они ожидали, что им предстоит битва и долгая осада, но не встретили ни одного солдата вражеской армии. Сучжоу населяли в основном уйгуры, большинство из которых не понимали по-ханьски. Это был последний оплот уйгурского царства, уже лишившегося Ганьчжоу, но все воины почему-то покинули город, и армия Западного Ся заняла его без потерь.

С высокой крепостной стены можно было увидеть заснеженные вершины гор Цилян на юге, а на север катило желтые волны дюн песчаное море. В городе был большой источник с прозрачной сладкой водой, на его берегах росли вековые ивы. Со времен династии Хань вода этого источника использовалась для приготовления вина, и говорили, что она «полна жемчуга, а по вкусу сравнится с вином».

После прибытия в Сучжоу Синдэ обнаружил, что Ганьчжоу и Лянчжоу, которые он некогда считал захолустными поселениями, были более цивилизованными, с лучшими условиями жизни. В самом Сучжоу еще можно было существовать, но за городскими стенами начиналась смертоносная пустыня, описанная поэтом так: «Голые равнины на десять тысяч ли в округе, и ни дымка не видно, ни души».

В Сучжоу Синдэ часто охватывала тоска по родине, но ему казалось, что он не имеет права грустить по просторам Поднебесной. Утешение цзюйжэнь, как и прежде, находил в книгах. Читая летописи Ранней и Поздней Хань, он узнал о Чжан Цяне и Бань Чао.²⁹ Тысячу лет назад Бань Чао покинул столицу с тридцатью шестью соратниками, а дальний Западный край,³⁰ где он всю оставшуюся жизнь сражался с варварами, лежал в тысяче ли от Сучжоу. В конце жизни, когда Бань Чао совсем уж истосковался по Поднебесной, он написал государю: «Нижайший подданный не питает надежды вернуться и править Сучжоу, слуга недостойный и мечтать-то не смеет прожить еще немного, а коли проживет, так лишь для того, чтобы снова узреть перевал Юй-мынь». Этот перевал находился в ста двадцати ли к западу от Сучжоу.

После знакомства с уйгурской царевной у Синдэ пропало всякое желание возвращаться в Поднебесную. Порой его посещала ностальгия, но, не успев вволю попечалиться, он смирился с мыслью, что ему суждено отдать свою жизнь здесь, в этом суровом приграничном краю.

Когда передовая армия Западного Ся разделилась на два войска и Чжу Ванли был назначен командующим одного из них, Синдэ тоже получил повышение. Он стал советником Чжу Ванли и на этой должности приобрел больше свободы, чем знал, будучи простым всадником, в промежутках между боями. В сражениях же все осталось по-прежнему: Чжу Ванли и Синдэ шли в бой наравне с рядовыми ратниками.

Смерть уйгурской царевны сильно повлияла на Синдэ. Он заинтересовался буддизмом. Раньше – в годы ученичества, в Бяньляне, в Синцине – эта религия совершенно не привлекала его. Он презирал монахов с их бритыми головами и в алых одеяниях: за всю жизнь они не удосужились прочесть ни единого столбца из сочинений великого Конфуция и Мэн-цзы, Синдэ раздражали их разговоры о нирване, казавшиеся ему пустой болтовней. В Сучжоу же он вдруг начал замечать, что в самой глубине души медленно, но верно зреет стремление постичь тайну вечного бытия. Его охватило неодолимое желание пасть ниц перед Высшей Истиной. Синдэ

²⁹ *Чжан Цянь* (? – ок. 103 г. до н. э.) – китайский чиновник. В 138 г. по приказу императора У-ди отбыл с посольством на запад для заключения союза с племенем юэчжей против хунну. Дорога, которой он первым прошел из Китая в Среднюю Азию, получила название Великий шелковый путь. Бань Чао (32–102) китайский полководец и дипломат, с 73 г. воевал с хунну на землях Восточного Туркестана, в 90 г. разбил войска Кушанского царства, в 91 г. нанес окончательное поражение хунну.

³⁰ Имеется в виду Восточный Туркестан.

самому было сложно поверить происходящим в нем переменам, однако он понимал, что причиной всему стала смерть уйгурской царевны.

А смерть всегда была рядом, пока он находился в беспокойных приграничных землях. Почти каждый день Синдэ видел, как гибнут люди. Вражеские стрелы, неведомые недуги – здоровый человек внезапно умирал, проболев всего одну ночь; вокруг городов в песке лежали человеческие кости. Синдэ задумался о суетности человеческой жизни, которая проходит в страданиях и исчезает бесследно, о тщете устремлений, бессмысленности деяний. Будда знал ответы на все вопросы, только он мог помочь тому, кто пытался отыскать свое истинное предназначение. И Синдэ увлекся учением Шакьямуни – после того как услышал проповедь ханьского монаха о «Лотосовой сутре» перед большой толпой, собравшейся у буддийского храма в Сучжоу. Затерявшись в задних рядах, Синдэ тогда наострил уши. Он не видел самого монаха, но его голос отчетливо разносился над толпой: «Возводите храмы и монастыри, жгите благовоения день и ночь. По небу пролетят облака, посланники благой вести, и явятся иные добрые знамения. Божества-дева сулят нам священную защиту, отшельники и бодхисатвы несут спасение, будды даруют воодушевление. О, ослепительный свет от лика Будды, озари страждущих! Наше стремление к Просветлению крепнет. Скоро все постигнут истину Учения, и остановится колесо сансары...»

Монах рассказал предание об одном властителе, каковой объявил, что станет рабом тому, кто поможет ему постичь смысл «Лотосовой сутры». И пришел во дворец отшельник, и сказал, что такая задача ему по силам. Властитель тотчас отрекся от престола и последовал за отшельником в горы. Там, после множества испытаний, он достиг просветления.

Раньше Синдэ не стал бы слушать такую обыденную проповедь, но теперь его будто что-то притягивало, не позволяло думать ни о чем другом.

Вскоре после этого Синдэ взял в буддийском храме «Лотосовую сутру» и прочел все семь свитков. Покончив с «Лотосовой», приступил к «Алмазной». Настоятель сказал, что, если он хочет подробно изучить все эти сутры, ему надо приобщиться к «Шастре великой мудрости» – снабженной разъяснениями версии «Алмазной сутры». Учение Будды, совершенно не похожее на конфуцианство, все больше захватывало Синдэ. В углу своей каморки, забыв обо всем на свете, он один за другим штудировал свитки «Шастры великой мудрости».

В начале весны 1031 года, через четыре месяца пребывания армии Западного Ся в Сучжоу, пришло сообщение о том, что в наступление идет большое войско туфаней. Тангуты вышли из города, чтобы сразиться с врагом. Из Сучжоу они направились на восток и на следующий же день столкнулись с передовым туфаньским отрядом у покрытых соляной коркой топей. В отличие от тангутских военачальников, ставивших в авангард конницу Чжу Ванли и ханьскую пехоту, туфани держали полки наемников в резерве.

Для Чжу Ванли и Синдэ это было первое серьезное сражение с туфанями. Армия тангутов атаковала, выстроившись в длинную прямую линию, а туфани, все до единого вооруженные луками, рассыпались по равнине. Казалось, вражеское полчище покрыло собою все пространство до самого горизонта, тут были конница и пешая рать, примерно равные по численности. Битва началась совершенно не в той манере, к которой привыкли тангуты. По усыпанной туфанями равнине, словно змеи, извивались длинные шеренги ханьцев. Они выгибались, потом опять выпрямлялись, вытягивались эллипсом, пересекались, разворачивались на запад, тянулись к востоку. Всадники во главе с Чжу Ванли вломились в сердцевину армии противника, не разорвав своего строя. Боевые кони тангутского авангарда сбили с ног, затоптали копытами множество туфаньских солдат, но и войско тангутов понесло немалые потери. Поскольку ханьцы атаковали сплоченными рядами, они становились легкой мишенью для вражеских стрел. Синдэ не мог понять, где больше убитых: среди тангутов или туфаней. То и дело он слышал звеневший от ярости голос Чжу Ванли, который мчался за ним, что-то неразборчиво крича.

Постепенно Синдэ догадался, что армия тангутов оказалась в невыгодной позиции: находясь в гуще схватки, невозможно было постоянно объезжать врага с тыла и атаковать. Но все ханьцы понимали: остановившись на мгновение, они тут же падут под градом стрел. Улучив возможность, Синдэ подскакал к Чжу Ванли и посоветовал ему временно отступить.

Лихорадочный румянец на лице Чжу Ванли разгорелся еще ярче.

– Ты что, забыл, солдат, что у нас одна цель – победа?! – рявкнул полководец и тут же добавил: – Ладно. Сейчас отступим, но потом вернемся!

Приняв решение, Чжу Ванли действовал молниеносно. Как только от шеренги отделился гонец с приказом, предводитель ханьской конницы сменил направление движения и длинный строй всадников покинул поле брани.

Отскакав на безопасное расстояние, лошади остановились. Отдохнув, Чжу Ванли опять повел своих подчиненных в наступление. Выстроившись в длинную цепь, ханьские всадники устремились к стану врага, и вновь разгорелась смертельная схватка.

Бой кипел весь день, не прекратился и с заходом солнца. Равнину окутала тьма. В бледном свете луны гладкая голубоватая корка соляных топей блестела, как эмаль, ночной воздух был по-зимнему студеным.

Ход сражения к тому времени переломился в пользу тангутов. С наступлением сумерек стрелы туфаней перестали достигать цели. Чжу Ванли сменил стратегию и, разделив свое войско на несколько отрядов, один за другим отправлял их в бой. Эта тактика не давала передышки врагу и вместе с тем позволяла ханьцам экономить силы. Туфани неоднократно пытались собрать свои полки, но каждый раз конница Чжу Ванли рассеивала их по равнине.

Битва длилась всю ночь. К рассвету Чжу Ванли прекратил атаки и выстроил уцелевшие полки. Вражеский авангард был полностью истреблен. Теперь главная армия Западного Ся, стоявшая в тылу, могла начать наступление на основные силы тибетцев, сосредоточенные примерно в трех ли от места сражения.

Чжу Ванли, выполнивший свою задачу, повел конницу обратно в Сучжоу. В пути их застал снегопад. На следующий день главная армия Западного Ся с победой вернулась в город, шагая по высоким сугробам. А десять дней спустя Цао Яньхуэй, правитель Гуачжоу, ведя за собой войско из тысячи всадников, сдался на милость тангутов. Это оказалось полной неожиданностью и означало, что Западное Ся получит Гуачжоу без борьбы, а там и за Шачжоу дело не станет.

В ту пору провинции Гуачжоу и Шачжоу формально находились под властью Поднебесной. Ранее бразды правления этими землями держал в руках сунский наместник Чжан, затем власть перешла к семье Цао. В Шачжоу хозяйничал Цао Сяньшунь, а Гуачжоу владел его младший брат Яньхуэй. Население города Гуачжоу, расположенного неподалеку от Сучжоу, слишком боялось разорительного вторжения тангутов и поэтому решило добровольно принять захватчиков. В другое время тангуты недолго думая отправили бы в Шачжоу и Гуачжоу, служившие воротами на запад, войска. Однако вокруг этих двух укрепленных городов сложилась весьма непростая ситуация. В отличие от жителей Лянчжоу, Ганьчжоу или Сучжоу, уроженцы Шачжоу и Гуачжоу не были ни уйгурами, ни представителями других родственных народов. Они были ханьцами, верноподданными Сына Неба, и хотя добились некоторой независимости, потеряв тем самым право на защиту со стороны Бяньляна, в то же время не порвали связей с сунской династией окончательно и бесповоротно – правитель Цао Сяньшунь как-никак получил титул наместника Шачжоу от самого императора, несмотря на то что это была пустая формальность. Если бы между двумя городами и Поднебесной не жили другие племена, территория, естественно, безраздельно принадлежала бы государям из рода Сун. Но чужаки отрезали ее от империи и превратили в маленький ханьский островок, который был вынужден сформировать независимое правительство. И еще одно обстоятельство: островок этот, пусть и небольшой, находился на самой оконечности Уляна, через него пролегал важнейший торговый

путь на запад, вся западная культура шла отсюда в страны Востока, верблюжьи караваны везли западные диковинки и привычные товары.

Так что, когда градоначальник Гуачжоу изъявил согласие принять покровительство Западного Ся, тангуты возликовали. Стало ясно, что теперь они не упустят возможность взять Гуачжоу под свое крыло, отправят войска в Шачжоу и одним ударом захватят всю территорию. Такие слухи ходили среди ханьских всадников из передовой тангутской конницы, но пока вторжение не состоялось.

Большая часть ратников Западного Ся покинула Сучжоу, остались только войско Чжу Ванли и еще несколько полков. Синдэ провел в этом пустынном городе, где никогда не шел дождь, много спокойных дней, которые потратил на изучение сутр, – каждое утро он отправлялся к окруженной глинобитной стеной библиотеке храма в центре Сучжоу и пропадал там до поздней ночи.

Глава 5

В следующем, 1032 году тангутский государь Дэ-мин скончался в возрасте пятидесяти одного года. Трон унаследовал его сын Юань-хао. Дэ-мин был миролюбивым правителем, сумевшим сохранить хрупкое равновесие между киданями и империей Сун и избежать тем самым препятствий на пути становления молодого государства тангутов. В отличие от отца Юань-хао был настроен весьма воинственно и всегда выступал против внешней политики Дэ-мина. Государь доверил сыну управление ратными делами, когда тот был еще совсем юным, так что к 1032 году за плечами Юань-хао был большой опыт ведения боевых действий. Молодой полководец не проиграл ни одной битвы. Среди его достижений числились победы при Лянчжоу, Ганьчжоу и Сучжоу, он приобрел непоколебимую уверенность в своих силах и не боялся никого. Юань-хао всегда считал, что тангуты должны жить по своим законам; поговаривали даже, что как-то раз он повздорил с отцом из-за того, что тот носил ханскую парчу.

Когда Юань-хао унаследовал трон, туфаньский князь Цзюэсыло выступил из укрепленного города на реке Цзунхэ и собрал в Цзинтане несметную рать для битвы с тангутами, дабы показать тем самым свое недовольство новым владыкой Западного Ся. Юань-хао в ту пору как раз подумывал о войне с Поднебесной, но, прежде чем развязать ее, хотел разгромить ханских союзников ту фан ей и захватить Шачжоу, так что поведение Цзюэсыло его ничуть не утратило. Однако и Цзюэсыло, и Юань-хао ждали подходящего момента и не спешили бросать свои армии в бой.

В такой напряженной атмосфере, на грани войны, Чжу Ванли и Синдэ коротали дни до весны. Синдэ занимался изучением буддийских сутр. За минувшие полгода он прочел все посвященные им трактаты мудрецов, какие только смог найти.

В третьем месяце Чжу Ванли внезапно получил приказ оккупировать Гуачжоу. Пока что ни один ратник из армии тангутов не ступал за ворота этого города. Поскольку Цао Яньхуэй признал над собой власть Западного Ся, правители обменялись посольствами и уладили вопрос выплаты дани, но тангуты обещали не вводить на земли Яньхуэя войска, сохранив тем самым относительную независимость Гуачжоу. Однако теперь ситуация изменилась. Все понимали, что воинственный настрой Юань-хао никому ничего хорошего не сулит.

Чжу Ванли, в то время командовавший уже пятитысячным войском, оставил Сучжоу, где пробыл два с половиной года. Синдэ отправился с ним во главе колонны конных и пеших ратников. Стояла пора, когда повсюду в изобилии росла белая трава, шедшая на корм верблюдам. «По дороге от Сучжоу до Юймыня тысячи гор и равнин поросли белой травой...» Синдэ вспомнил эту строку из древней поэмы, прочитанной много лет назад на родине. Прорекламировав ее Чжу Ванли, он заметил, что, если автор не преувеличил, то белая трава будет сопровождать их на всем пути до Гуачжоу. Чжу Ванли ничего не ответил на это, а потом, после долгого молчания, вдруг с видимым волнением спросил, почему Синдэ решил в свое время из Синцина уехать на границу, ведь он мог вернуться в Поднебесную.

– Ну, раз уж я здесь, к чему ворошить былое? Что сделано, то сделано, – со смехом отозвался Синдэ.

– Верно, ты здесь, и ничего нельзя изменить. Ни в прошлом, ни в будущем. Ты вернулся состариться и умереть на этих поросших белой травой равнинах, – тихо сказал Чжу Ванли.

Синдэ почудился в его словах намек на смерть уйгурской царевны. С той ночи, когда трехтысячная конница стояла лагерем у русла высохшей реки между Ганьчжоу и Сучжоу и они с полководцем говорили о смерти девушки, никто из них больше не упоминал ее имени, словно оба дали клятву предать его забвению.

Теперь Синдэ редко думал об этой девушке. Нет, он не пытался ее забыть, но время шло, и царевна все реже посещала его мысли. Это не значило, что любовь к ней умерла. Ее образ не

исчез из памяти, напротив – с годами стал еще ярче. Синдэ помнил черные бездонные глаза, точеный нос, капризные губки, помнил ее странную улыбку во время их последней встречи, улыбку, в которой смешались удивление, радость и печаль... И еще он отчетливо помнил ту черную точку, прочертившую в воздухе прямую линию, прежде чем сгинуть у подножия крепостной стены Ганьчжоу.

Всякий раз, думая об уйгурской царевне, Синдэ испытывал странное чувство умиротворения. Это не была тихая скорбь по утраченному, это было нечто похожее на восхищение чем-то чистым и совершенным.

– Это карма. – Синдэ знал, что Чжу Ванли не поймет буддийского слова, но не мог иначе выразить свои мысли.

Полководец пожал плечами: мол, мне невдомек, о чем ты болтаешь, и разбираться я не намерен.

– Когда мы войдем в Гуачжоу, – сказал он, – правитель найдет тебе какое-нибудь занятие. Понятия не имею, карма это или нет, но тебе нельзя оставаться в передовой коннице Западного Ся. Не для тебя все это. А в Гуачжоу полно ханьцев, в беде не бросят. Наберись терпения, и при случае сможешь вернуться домой.

Совет Чжу Ванли не нашел отзвука в душе Синдэ. Служить в армии или трудиться в канцелярии правителя Цао – какая разница? Что до возвращения в Поднебесную... Наступит такой день или нет – на все воля судьбы. Возможно, он и не откажется вернуться, но не станет сам искать такого случая. Обсуждать эту тему Синдэ не хотелось.

– Довольно обо мне. Какие планы у вас? – спросил он.

– У меня? Уж я-то знаю, что делать.

– И что же?

– А разве ты не догадываешься, о чем я думаю каждый день? – Старый наемник громко расхохотался и многозначительно добавил: – Я сделаю то, что должен. – Он, по обыкновению, не стал ничего объяснять.

Синдэ понятия не имел, что замышляет Чжу Ванли, но был уверен, что в один прекрасный день он доведет задуманное до конца. Приняв решение, полководец всегда воплощал его в жизнь.

Расстояние между Сучжоу и Гуачжоу составляло около девяноста ли – больше десяти дней пути. Пустынная дорога сплошь была покрыта льдом. На второй день воины увидели на севере заснеженные вершины гор. Еще четыре дня они брели по пустыне сквозь слепящую метель; на шестой пересекли несколько обмелевших притоков реки Шулэ и наконец ступили на травянистую равнину. Седьмой и восьмой дни опять шагали по ледяной, продуваемой всеми ветрами пустыне, а на девятый снова вышли на травянистую равнину.

К вечеру десятого дня перед войском Чжу Ванли распахнулись Восточные ворота Гуачжоу. Город принял пять тысяч воинов, несметное число лошадей и верблюдов. Здесь, в сердце пустыни, даже улицы были засыпаны песком, и прогулка по городу ничем не отличалась от путешествия по барханам.

Три дня и три ночи над Гуачжоу дули такие свирепые ветра, что казалось, будто древние крепостные стены вот-вот обрушатся. Старожилы говорили, здесь почти не бывает безветренных дней, и Синдэ приуныл было – постоянные завывания, стоны и свист ветра действовали уроженцу тихой провинции Хунань на нервы, – тем не менее впервые за много лет у него возникло ощущение, что он наконец-то дома. Среди торговцев, которые продавали овечью шерсть и шкуры животных, среди крестьян, выращивавших овощи и злаки, было много ханьцев. В Сучжоу тоже селились соотечественники Синдэ, но их привычки отличались от тех, что бытовали в Поднебесной. В Гуачжоу все оказалось иначе: речь местных жителей, традиции и одежда напоминали Синдэ о родине. Стены, ворота, выходявшие на север, юг и восток, жилища здесь были меньше, чем в других крепостях, которые видел Синдэ, и нуждались в починке, но все

вокруг казалось ему знакомым. Он бродил по продуваемому ветрами городу с утра до вечера, смотрел и не мог насмотреться.

На седьмой день Синдэ и еще несколько приближенных Чжу Ванли получили приказ сопровождать своего командующего на прием во дворец – правитель прислал ему официальное приглашение. Цао Яньхуэй оказался полноватым мужчиной лет сорока пяти с ласковым и грустным взором. Как и можно было ожидать, он слыл образованным, утонченным и изнеженным человеком.

Яньхуэй между делом рассказал, что в Шачжоу, где наместничает его брат Сяньшунь, процветает буддизм, у купцов, доставляющих товары с запада, бойко идет торговля, и горожане день ото дня богатеют. В отличие от Шачжоу, Гуачжоу был маленьким городком, и его правителю нечем было похвастаться, да Яньхуэй и не стал – о своих владениях поведал кратко и толково, безо всякого чванства. Зато, будучи последователем учения Шакьямуни, с особой гордостью сообщил о том, что в Гуачжоу есть три храма с коллекцией бесценных сутр, добавив, что, если гости пожелают, он будет счастлив показать им священные книги.

Синдэ единственный из всех выказал интерес к сутрам. Он даже попросил Яньхуэя сразу назначить ему день для осмотра свитков. Правитель заметно оживился:

– Я слышал, у тангутов недавно появилась письменность, и подумал, что недурно было бы перевести мои сутры на тангутский и подарить им. Уверен, в Синцине уже занимаются переводом священных книг, но мне бы хотелось делать это и здесь, дабы почтить Будду. Разумеется, я оплачу все расходы. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

И вновь откликнулся один Синдэ. Чжу Ванли, судя по всему, остался недоволен правителем Гуачжоу, который не предложил гостям ни еды, ни вина. Во время всей аудиенции полководец сидел неподвижно и хмуро молчал.

Однако Чжу Ванли поспешил, причислив Яньхуэя к скупым и глупым людям. Когда скучная для всех, кроме Синдэ, беседа подошла к концу, Яньхуэй с улыбкой заявил, что жалуется каждому гостю дом и нефриты из Хотана.³¹ Кроме того, он одарил полководца слугами и наложницами. К Чжу Ванли тут же вернулось хорошее настроение. Приняв величественный вид, он пообещал Яньхуэю всяческое содействие в любых делах, затем, указав на стоявшего рядом Синдэ, сказал:

– Что до сутр, я почти ничего не знаю о буддизме, но сдаётся мне, этот молодой человек сможет вам помочь с переводом, так что отдаю его в ваше распоряжение.

Особняк Чжу Ванли, прежде принадлежавший уйгурскому купцу, находился в восточной части города. Это было внушительное строение с большим садом и квадратным прудом. Убранство дома было роскошным, притолоки и колонны украшали росписи и благопожелания на ханьском. Чжу Ванли предстояло провести здесь лучшие дни своей жизни.

Дом, отведенный Синдэ, тоже находился в восточной части города, но был куда меньше, чем у полководца. Рядом в давние времена стоял храм царя Ашоки, в ближней роще сохранились руины древней пагоды, неподалеку были развалины других буддийских святынь того же периода. Синдэ обрадовался, что ему позволили жить в этом историческом месте. По приказу Чжу Ванли ему прислуживали два ординарца, а яства доставляли посыльные из тангутского штаба.

Пообжившись в Гуачжоу, Синдэ стал частенько навещать Яньхуэя во дворце, и вскоре они сделались друзьями. Как-то Яньхуэй увидел почерк Синдэ и был изумлен его красотой, заявил даже, что ни в Шачжоу, ни в Гуачжоу нет каллиграфа искуснее. Ханьский цзюйжэнь

³¹ Хотан – город на юго-западе современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в центре оазиса на реке Юрункаш. Был важным пунктом на Великом шелковом пути. В начале 1-го тысячелетия эти плодородные земли заселяли арийские этносы, впоследствии оазис по очереди завоевывали китайцы, тибетцы и уйгуры.

также вызвал восхищение правителя своими обширными познаниями в области учения Будды и толкования сутр.

После того как Синдэ побывал во дворце несколько раз, Яньхуэй вновь завел разговор о переводе сутр, повторил, что, по его мнению, эта работа наверняка уже ведется в Синцине, но ему хотелось бы самому отдать дань уважения Учителю.

Синдэ не думал, чтобы в Синцине занимались переводом сутр: с момента появления письменности в Западном Ся прошло не так уж много времени, в столице хранилось совсем мало буддийских текстов, к тому же у молодого государства было море других забот. Скорее всего, тангуты обрадуются предложению Яньхуэя. Но хотя он, Синдэ, сам предлагал свою помощь, этот труд – весьма, разумеется, почетный – отнимет уйму времени, а служба не ждет, так что...

Когда цзюйжэнь выразил свои сомнения вслух, Яньхуэй всплеснул руками:

– Но разве твой начальник не сказал, что отдает тебя в мое распоряжение? Синдэ успел привязаться к Яньхуэю. Бесспорно, этот человек совершенно не подходил на роль политического вождя и был настолько слабым и нерешительным правителем, что при первой же угрозе сдался на милость врага. С другой стороны, ума и искренности ему было не занимать. Синдэ нравилась улыбка Яньхуэя: его смуглая кожа медленно собиралась морщинками, и постепенно светлая радость, переполнявшая сердце, отражалась в глазах и на губах. Улыбка правителя Гуачжоу была похожа на улыбку невинного ребенка. И, чтобы снова узреть это чудо, Синдэ пришлось согласиться.

Он вернулся в восточную часть города и рассказал обо всем Чжу Ванли, на что тот ответил:

– Да, ты должен заняться переводом. Я в этом ничего не смыслю, но если тут нет никакой опасности, помоги ему.

– Но я все равно не справлюсь один! Мне нужны хотя бы двое мало-мальски образованных помощников.

– Ну так за чем дело стало? Найми каких-нибудь грамотеев.

– Думаю, таких людей можно найти только в Синцине...

– Тогда поезжай туда, – спокойно сказал Чжу Ванли, словно все было проще простого.

А между тем добраться до Синцина в беспокойной военной обстановке было задачей не из легких, но Синдэ знал, что там есть мудрецы, которые сумеют перевести ханьские сутры на язык тангутов. Он вспомнил некоторых из них. Это были ханьцы, работавшие над тангутско-ханьским словарем.

В начале пятой луны Синдэ был готов отправиться в Синцин. Он состряпал верительные грамоты, подписал их у Яньхуэя и Чжу Ванли, но точная дата отъезда еще не была установлена – проделать такой путь в одиночку было невыносимо, так что пришлось ждать, пока из Гуачжоу на восток не отправятся войска.

В середине месяца Яньхуэй призвал Синдэ во дворец.

– Вот что, друг мой. Появился в наших краях один купец из Шачжоу по имени Вэйци Гуан. Говорит, что направляется в Синцин. Почему бы тебе не пойти с ним?

Синдэ не знал, кто такой Вэйци Гуан, однако ему показалось сущим безрассудством вести караван из Гуачжоу в Синцин, когда между тангутами и туфанями идет война. Тем не менее он решил встретиться с этим человеком и на следующий день отправился в квартал постоянных дворов у южных ворот. Когда он добрался до места, ему сказали, что Гуан куда-то отлучился, но обещал скоро вернуться. Синдэ присел под деревом у ограды гостиницы на углу узкой грязной улочки и стал караулить купца, внешность которого описал ему подавальщик.

Наконец из-за поворота показался долговязый смуглый мужчина лет тридцати с пронзительным взглядом. Власти не предупредили Вэйци Гуана о том, что может появиться попутчик, и он, увидев устремившегося навстречу незнакомца, настороженно спросил:

– Ты ведь один из захватчиков? Чего тебе от меня надо?

– Я узнал о тебе от правителя Цао... – начал Синдэ.

– Я не боюсь правителя, – хмуро перебил Гуан. – У меня есть подорожная и разрешение на торговлю. Если у тебя ко мне дело, выкладывай поживее! Я не намерен тратить время впустую.

Синдэ торопливо объяснил, что хочет отправиться с его караваном в Синцин.

– Это приказ тангутского военачальника или правителя Цао? – сердито прищурился купец.

– Обоих.

– Гмм... Вообще-то не в моих правилах брать кого-то с собой. Если бы у тебя был только один приказ, хоть от важного тангута, хоть от самого правителя, я бы не стал даже слушать, но, поскольку приказов два, мне остается только согласиться. У меня будут неприятности, но придется тебя взять. Мы выступаем послезавтра на рассвете. Будь готов завтра ночью и приходи сюда, когда луна выглянет.

Потом Гуан безо всяких церемоний добавил, что если Синдэ хочет путешествовать с его караваном, то ему придется подчиняться всем его приказам, в противном случае...

Могучий рост купца и свирепое выражение лица подсказали Синдэ: лучше не уточнять, что будет в противном случае.

На следующий день он отправился в дом Чжу Ванли прощаться. Увидев Синдэ, полководец недовольно пробурчал, что ему пришлось отдать «купчишке-вымогателю» оружие двадцати солдат. Сначала Синдэ не понял, о чем речь, но потом догадался, что к полководцу явился Гуан и потребовал оружие двадцати солдат в уплату за то, что возьмет его, Синдэ, с собой.

– Однако мне понравился этот дерзкий верзила, – усмехнулся вдруг Чжу Ванли. – Ничего не боится. Поэтому я согласился. Теперь к тебе будут относиться с должным почтением.

После этого Синдэ отправился к Яньхуэю и обнаружил, что Гуан успел побывать и здесь. На сей раз лукавый купец потребовал пятьдесят верблюдов в качестве «возмещения морального ущерба». Яньхуэй, как и Чжу Ванли, спорить не стал и тотчас договорился с нужными людьми насчет верблюдов.

– Ты должен путешествовать с удобствами, друг мой! У Гуана есть пятьдесят своих верблюдов, и, поскольку он получил еще столько же даром, ему придется как следует заботиться о тебе.

Но Синдэ хорошо запомнил враждебный взгляд Вэйци Гуана. Не важно, сколько ему заплатили, – доброго обращения с его стороны ждать не стоит.

В ту ночь Синдэ в сопровождении двух ратников, которые несли его вещи, пошел в назначенное место. Лето было уже не за горами, но ночи все равно стояли холодные. Из темноты вынырнул Гуан, забрал у ратников котомку, мешки с припасами и, передав их погонщику верблюдов, резко бросил Синдэ:

– Следуй за мной.

Синдэ отпустил помощников и побрел за Гуаном по песку, глядя в широкую спину купца и размышляя, откуда тот родом. Вроде бы не ханец, не уйгур, точно не из туфаней, да и общих черт с представителями других западных племен не имеет... Говорил этот странный человек на местном ханьском наречии. В конце концов Синдэ не удержался и любопытствовал, когда они шли по темной дороге вдоль городской стены:

– Где ты родился?

Гуан остановился, оглянулся и торжественно произнес:

– Я Вэйци Гуан.

– Твое имя мне известно. Я спросил, из какой страны ты родом.

– Вот ведь дурень! – вспыхнул купец. – Неужто не понял, что я сказал? Вэйци! Эту фамилию не носит никто, кроме выходцев из царского дома Хотана.³² Мой отец был знатного происхождения. – Он зашагал дальше. – Династия Вэйци проиграла битву за власть династии Ли. Сейчас Ли – владыки Хотана, но моя семья не чета этим простолюдинам!

Однако Вэйци Гуан совсем не походил на уроженцев Хотана, которых знал Синдэ. Пришлось продолжить расследование.

– А матушка твоя откуда?

– Моя мать родом из знатной шачжоуской семьи Фань. Ее отец прорубил в горах Минша несколько пещер во славу Будды.

– Вот как?

Гуан опять остановился, развернулся и, внезапно схватив Синдэ за воротник, прорычал:

– В горах Минша нелегко прорубить пещеры! На такое способен только очень знатный и богатый человек. Запомни это, голодранец!

Синдэ чуть не задохнулся. Он принялся ловить воздух ртом, а расвирепевший ни с того ни с сего Гуан грубо затряс его. Синдэ пытался крикнуть, но не мог вымолвить ни слова. В следующее мгновение его сначала сбили с ног, потом подняли высоко над землей и отпустили... Удар оказался несильным, словно его бросили на солому. Синдэ, который совсем не ушибся, медленно встал, смахнул с одежды песок. Возможно, потому, что не почувствовал боли, он ничуть не рассердился на вспыльчивого Гуана и как ни в чем не бывало последовал за своим провожатым.

Значит, в жилах купца течет тибетская и ханьская кровь... Синдэ знал, что западные ханьцы нередко вступали в брак с представителями других племен; стало быть, по материнской линии в Гуане могла смешаться кровь самых разных народов. Коли так, неудивительно, что у него столь необычные черты.

Казалось, тропе, бегущей во мраке у подножия городской стены, не будет конца. Но вскоре они добрались до более освещенного места, и Синдэ начал различать в полумраке очертания предметов. Направо ответвлялась дорога, по обе стороны которой стояли ряды хижин с низкими крышами, обнесенных оградками и совершенно не похожих на жилища горожан, в загонах стояли верблюды, у ворот суетились караванщики. Внезапно все ворота распахнулись, оттуда хлынули животные. Стадо, которое росло с каждой минутой, устремилось прямо на оторопевшего Синдэ. Гуан куда-то исчез. Постепенно верблюды вытеснили Синдэ на большую площадь у крепостной стены – он даже не знал, что в городе есть такое место. Десяток мужчин в причудливых иноземных одеждах принялись навьючивать товары на верблюдов.

Наконец Синдэ услышал голос Гуана. Казалось, его повелительные крики летят со всех сторон – купец метался между рядами людей и верблюдов, отдавал на бегу распоряжения. Синдэ, не желая терять своего провожатого из виду, тенью следовал за ним. Гуан говорил на разных языках – на уйгурском, тибетском, тангутском, на неведомых Синдэ наречиях. И всякий раз любознательный цзюйжэнь задавал вопросы. Сначала Гуан без особой охоты отвечал, что это хотанский, язык аша или лун, но в конце концов потерял терпение и рявкнул, схватив Синдэ за воротник:

– Замолчи!

Как и прежде, Синдэ взмыл над землей и обрушился на мягкий песок.

Выглянула луна, осветила изменчивый мир. Караванщики, отбрасывая на серые дюны черные тени, всю ночь навьючивали верблюдов. Синдэ делать было нечего. Оставив Гуана, он бродил вдоль рядов животных и людей, наблюдая за работой и гадая, что может быть в туках. Иногда его сразу понимали, но порой он тщетно изъяснялся на всех известных ему наречиях.

³² Вэйци (Виса) – тибетская династия правителей Хотана, стоявшая у власти с 728 по 982 г.

Все-таки ему удалось узнать, что караван везет драгоценные камни, персидские ковры, выделанные шкуры, ткани, пряности с запада, семена и многое другое.

Когда погрузка наконец завершилась и суета улеглась, раздался громовой голос Гуана, объявлявшего об отправке. Стражи открыли южные ворота, всегда запиравшиеся на засов, и вереница верблюдов покинула город. Сотня животных вытянулась на дороге в длинную цепочку, вдоль которой туда-сюда скакали вооруженные всадники, и двинулась вперед. Синдэ покачивался на верблюде в хвосте каравана.

– Где мои вещи? – спросил он у Гуана, ехавшего впереди него.

– На твоём верблюде навьючены, олух! Где же им быть? Если еще раз спросишь про свои растреклятые вещи, я за себя не ручаюсь! – завопил нервный купец.

Рассвет еще не наступил, луна отбрасывала слабый отблеск на необъятную равнину.

У каравана ушло пятьдесят дней на то, чтобы добраться из Гуачжоу до Синцина. На всех западных землях то здесь, то там кипели бои между туфанями и тангутами. Каждый наталкиваясь на поле битвы, караван останавливался и ждал, пока схватка утихнет, или отправлялся в обход. Из-за этого было потеряно много времени.

Синдэ не переставал дивиться тому, сколь ловко Гуан умеет договариваться как с тангутскими, так и с туфаньскими военачальниками. Он обходил поле брани, когда на нем кипело сражение, но если два войска стояли друг против друга в ожидании, спокойно проезжал сквозь оба стана или проскальзывал между готовыми ринуться в бой противниками. При этом он высоко поднимал яркое знамя с иероглифом «вай», что означало «Вайшравана»³³ – хранитель рода Вэйци, тем самым извещая всех, что они должны уступить дорогу особе царской крови. Армии терпеливо ждали, пока пройдет караван, и только после этого возобновляли сражение.

Гуан не слишком беспокоили схватки между туфанями и тангутами, мешавшие продвижению каравана, но он тотчас впадал в дурное настроение и принимался метать громы и молнии, когда им приходилось останавливаться в укрепленных городах. В Сучжоу, Ганьчжоу и Лянчжоу Гуан сам себя не помнил от ярости из-за того, что каждый раз его заставляли ждать по два-три дня у ворот, чтобы заплатить налог на проезд. К тому же до вторжения тангутов купцу надо было задабривать мздой только уйгурских чиновников, а теперь, кроме них, появились еще и тангуты, захватившие города. По сей причине число сундуков с драгоценностями, навьюченных на верблюдов, изрядно уменьшилось.

За время этого долгого путешествия Синдэ хорошо изучил характер молодого караванщика: выяснилось, что ради денег Гуан был готов на все. Назывался-то он купцом, а в действительности вел себя не лучше разбойника. Когда они встречали в пути маленький караван, Гуан подходил к предводителю в сопровождении двух или трех своих людей и после коротких переговоров возвращался с товарами. Эти махинации не укрылись от Синдэ. Гуан всегда держал при себе несколько человек из племени лун, которое жило в горах южнее Шачжоу, и аша, обитавших западнее, – оба племени были известны разбоем. Казалось, Гуан не боится ничего. Многое его раздражало или сердило, но ничто не могло вызвать в нем страх. Непомерная гордыня до самого последнего мгновения мешала ему смириться с тем, что когда-нибудь и его заберет смерть, поэтому он считал себя неуязвимым.

Синдэ прекрасно понимал, что было причиной подобного поведения: от прежнего великолетия династии Вэйци не осталось и следа; Гуан, потомок этого древнего рода, гордился своим высоким происхождением, но в то же время его мучили обида, стыд и страстное желание отомстить, отвоевать утраченное. Это и побуждало его нападать в пустыне на другие караваны. В память о власти и славе своих предков он обирал до нитки невинных жертв, испытывая

³³ *Вайшравана* – в индуизме и буддизме один из Четырех Великих правителей, Властелин Неба, Оберегающего простых людей от травм; бог богатства, охраняющий сокровища Индры.

удовлетворение не от того, что в его руках оказывались чьи-то сокровища, а от самого акта насилия.

За три года Синцин изменился до неузнаваемости. Численность городского населения возросла, в торговых кварталах бурлила жизнь, постоянно открывались новые лавки, зато город совершенно утратил то безмятежное спокойствие, которое было свойственно ему несколько лет назад. Избыток кипучей энергии столицы перекинулся за крепостные стены, и рядом с одиннадцатиярусной Северной пагодой уже возникли новые посады. Однако кварталы, примыкающие к Западной пагоде, остались прежними, как и северо-западная часть города, где когда-то в храме жил Синдэ.

Не желая отставать от неуклонно расширявшейся и крепнувшей империи тангутов, Синцин превратился в большой город. Но Синдэ заметил, что одежда горожан стала еще более ветхой и простой. Он решил, что виной тому огромные налоги из-за войны с туфанями. Три года назад Синдэ часто слышал, что у подножия гор Холань в двенадцати ли к западу от столицы власти намереваются возвести несколько буддийских храмов, теперь же эти слухи утихли. И неудивительно: скопленные на храмы средства были присвоены военными.

Как и прежде, Синдэ остановился в одной из пристроек буддийского монастыря в северо-западной части Синцина. Теперь это здание куда больше походило на школу, чем в ту пору, когда он постигал здесь тангутскую грамоту три года назад, появилось много учителей и учеников. Число ханьских наставников также увеличилось, но Синдэ встретил там и старых знакомых. Однако больше всего его поразило то, что созданный им тангутско-ханьский словарь размножили книгопечатники и власти собирались распространить издание по всей империи. Синдэ сообщил об этом пожилой чиновник по имени Со, который долгие годы жил при храме и трудился в свое время над внедрением тангутской письменности. Он попросил Синдэ начертать название словаря на заглавной странице – мастера вырежут деревянное клише, сделают с него множество оттисков, и титульный лист будет затем добавлен в каждый экземпляр. Сам Со был больше организатором, нежели ученым, и теперь, благодаря своим способностям, дослужился до высокого звания и разбогател. Он случайно узнал о возвращении Синдэ и решил, что, хотя создание словаря власти намерены приписать одному тангутскому вельможе, человек, внесший самый большой вклад, имеет право хотя бы дать название своему труду и собственноручно начертать его на книге.

Синдэ с трепетом открыл словарь. В глаза сразу бросились несколько знаков: «гром», «солнечный свет», «душистая роса», «вихрь»... Слова, обозначающие явления природы, были выстроены в столбец, слева от каждого знака приводился ханьский эквивалент с тангутской транскрипцией. Почерк был никуда не годным, почти ученическим, но, несмотря на это, маленькая книжица пришлась Синдэ по душе и всколыхнула множество приятных воспоминаний. На другой странице были слова, обозначающие животных: «кошка», «собака», «свинья», «верблюд», «лошадь», «бык»; на третьей – «глаза», «голова», «нос», «зубы», «рот» и другие части тела.

Синдэ задумчиво перелистал страницы словаря, потом взял кисть, окунул ее в тушечницу и написал на длинном, узком листе белой бумаги: «Драгоценный тангутско-ханьский словарь». Отложив кисть, он указал на книгу и спросил Со:

– Подойдет?

Старик с улыбкой кивнул.

Вскоре, заручившись поддержкой Со, Синдэ приступил к выполнению миссии, которая привела его в Синцин из далекого Гуачжоу, и через месяц они совместными усилиями добились официального разрешения от тангутского правительства. Шесть ханьцев, отобранных Синдэ, получили верительные грамоты и должны были отправиться в Гуачжоу как гости Цао Яньхуэя. Из них двое были буддийскими священниками; оба знали ханьский и тангутский

языки. Им было лет по пятьдесят, остальным – около сорока; все шестеро раньше уже работали с Синдэ. Месяц – для государственной канцелярии срок недолгий, можно даже сказать, что просьба правителя Цао была исполнена весьма поспешно, и все потому, что в Синцине, вопреки его ожиданиям, еще никто не переводил сутр – главным образом из отсутствия в городе буддийских священных книг. До Синдэ дошли слухи о том, что в ближайшем будущем в Поднебесную за сутрами отправят особого посла.

После завершения переговоров Синдэ решил вернуться в Гуачжоу прежде других. Было бы удобнее путешествовать вместе с шестью помощниками, но его спутники должны еще были уладить свои дела, подготовиться к долгой поездке и не желали покидать Синцин до начала осени.

В разгар лета, под седьмой луной, Синдэ присоединился к каравану все того же Вэйци Гуана, который теперь отправлялся на запад, в Гуачжоу. На сей раз у купца было гораздо больше товаров, к каравану прибавили еще тридцать верблюдов, и некоторым погонщикам приходилось управляться с десятью животными сразу. Везли в основном шелк, а также кисти, бумагу, тушь, свитки, картины и предметы древности.

Успев изучить характер Гуана, Синдэ предпочитал держаться от него подальше. Буйный норов купца то и дело давал о себе знать, да и гордость потомка знатного рода проявлялась самым странным образом и в самые неожиданные моменты, поэтому было чрезвычайно сложно не разозлить его. Благоразумный Синдэ старался не попадаться ему на глаза, но Гуан сам находил его – видимо, решил, что среди невежественных и грубых погонщиков только ханьский грамотей достоин разговаривать с ним на равных.

Путешествие не обошлось без неприятностей. Первая случилась на второй день после того, как караван покинул Лянчжоу и остановился на берегу реки посреди лугов. Синдэ отдыхал в шатре с пятью погонщиками, когда к ним вошел Гуан. Как обычно, при его появлении воцарилась напряженная тишина и погонщики тотчас сбились в кучку в углу шатра, повернувшись к хозяину и Синдэ спиной. Гуан не обратил на них никакого внимания, приблизился к Синдэ и неожиданно заявил:

– Все уйгурские женщины, невзирая на происхождение, продажные твари!

В большинстве случаев Синдэ пропускал слова Гуана мимо ушей, но сейчас не мог смолчать.

– Это неправда, – уверенно произнес он. – Среди уйгурок есть заслуживающие уважения целомудренные особы.

– Ха!

– Ничего не могу сказать о простолюдинках, но я знал одну девушку из царской семьи, так вот она пожертвовала жизнью, чтобы доказать свою чистоту.

– Замолчи! – заорал Гуан. – Кого это ты называешь «девушкой из царской семьи»? Презренную уйгурку?! Да как ты смеешь судить о царских семьях, олух? – Он злобно уставился на Синдэ.

Похоже, молодой купец хотел сказать, что слова «царская семья» могут быть отнесены только к Вэйци из Хотана. Синдэ это прекрасно понял, но сдаваться не собирался. До сих пор он всегда уступал наглому торговцу, а теперь твердо решил стоять на своем.

– Под «царской семьей» я подразумеваю древний и могущественный род, в котором благородство духа передается из поколения в поколение.

– Молчать! – Гуан, по своему обыкновению, схватил Синдэ за ворот и принялся трясти его. – Только попробуй еще раз сказать эту чушь! Ну что, рискнешь? А?

Синдэ пытался заговорить, но у него пропал голос. Гуан ослабил хватку, Синдэ упал на солому и не успел даже отползти, как Гуан вновь схватил его, поднял и швырнул оземь. Синдэ уже не однажды испытывал на себе жестокость караванщика, но на этот раз не желал

уступать и, перекаtywаясь по земле, получая удар за ударом, упрямо бормотал: «уйгурская царская семья», «благородство», «дух»...

– Ладно, хватит с тебя! – Гуан устал наконец колотить Синдэ и задумался. – Следуй за мной, – приказал он вдруг и вышел из шатра.

Синдэ повиновался. Ночной воздух был по-зимнему холодным. Земля, прожаренная солнцем за день, покрылась инеем. В тусклом лунном свете белели шатры, разбитые такими ровными рядами, что казалось, будто их ставили по линейке.

Гуан молча шагал все дальше и дальше от лагеря, в степь. Внезапно он остановился.

– А теперь скажи: «Единственная семья, достойная называться царской, – это Вэйци из Хотана». Если скажешь, я, так и быть, не порежу тебя на кусочки... Ну, говори!

– Нет.

Несколько мгновений Гуан раздумывал.

– Почему? Ладно, ничтожество, тогда скажи, что все уйгурки – развратные девки. Это ведь ты можешь сказать?

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что уйгурская царевна бросилась с крепостной стены, чтобы доказать свою любовь, и я не намерен повторять твое гнусное оскорбление!

– Ну хорошо же! – Гуан бросился на Синдэ и принялся швырять его из стороны в сторону, словно соломинку.

Через какое-то время Синдэ потерял сознание. Очнувшись он на мокрой траве, устремил взгляд в звездное небо, и оно закачалось. В голове, пронзая болезненный туман, пронеслись слова «гром», «град», «молния», «радуга», «Млечный Путь». Это были обозначения небесных явлений с одной из страниц «Драгоценного тангутско-ханьского словаря».

Из мрака выплыло лицо Гуана. Буйный потомок Вэйци склонился над жертвой:

– А теперь говори, свинья!

– Что... говорить?

– Вэйци – единственная поистине царская се...

Синдэ, не дослушав, оттолкнул мучителя, который изо всех сил прижимал его к земле. Когда караванщик сообразил, что жертва посмела сопротивляться, он совершенно разбушевался.

– Вот ты, значит, как? – Гуан вскочил, схватил Синдэ за воротник и рывком поднял на ноги.

Синдэ ждал, что в следующее мгновение снова покатится по траве, но внезапно купец отпустил его. Синдэ потерял равновесие и упал.

– Что это? – Гуан держал на ладони какой-то маленький предмет и пытался разглядеть его в тусклом свете звезд.

Синдэ наконец понял, что это ожерелье, в панике сунул руку за пазуху и, не найдя там подарка возлюбленной, вскочил:

– Отдай!

– Откуда это у тебя? – Голос купца прозвучал странно.

Синдэ молчал. Он не хотел говорить негодяю, что это ожерелье уйгурской царевны.

– Оно очень ценное. Присматривай за ним как следует. – Неясно, о чем думал в тот момент Гуан, но он вернул ожерелье Синдэ и пошел прочь.

Застежка ожерелья была сломана, но само украшение осталось целым, ни один камень не потерялся.

После этого отношение Гуана к Синдэ изменилось – он стал подозрительно ласков с недавним мальчиком для битья. Теперь Синдэ был единственным, на кого караванщик не кричал. Удивительно, но у него наконец-то появились те привилегии, которые принадлежали ему

по праву, – ведь, учитывая оружие двадцати воинов, вытребованное Гуаном у Чжу Ванли, и пятьдесят верблюдов Яньхуэя, Синдэ с самого начала мог ожидать особого обращения. И вот грубого и жестокого купца словно подменили. Время от времени он осторожно и очень вежливо пытался выяснить, откуда у Синдэ ожерелье, но пока не преуспел. Синдэ понимал, что разбойник Гуан может запросто украсть драгоценность, – вероятно, он не сделал этого до сих пор только потому, что хотел выяснить, где можно раздобыть другие.

Караван провел три дня в Ганьчжоу на стоянке для верблюдов. За это время Синдэ не преминул взобраться на стену в юго-западной части крепости. С вершины сторожевой башни увидел вдалеке край базарных рядов за южными воротами, дальше простиралась травянистая равнина. Он посмотрел на площадь у подножия стены – там суетились люди, с такой высоты казавшиеся горошинками. Синдэ перебрался на западную стену, с которой бросилась вниз уйгурская царевна, подумал о нарушенной клятве, о девушке, пожертвовавшей ради него жизнью, и загрустил. Он долго бродил по стене, а потом решил, что посвятит царевне все свои труды, ожидающие его после возвращения в Гуачжоу. Да! Он переведет ханьские сутры на язык тангутов только для того, чтобы ее душа обрела покой...

Эта мысль сделала Синдэ счастливым. Перевод сутр на тангутский увлекал его и прежде, но теперь, когда у него появилась цель, работа будет иметь совсем иное значение.

Синдэ шагал под палящими лучами солнца, по спине градом катился пот. «Смирненно чту будд Трех царств, обращаюсь к учениям Десяти направлений, читаю «Алмазную сутру» для обретения великой милости... Когда люди открывают сердца Истине, они следуют по стопам Будды...» Слова из «Алмазной сутры» срывались с губ сами собой, одно за другим. Глаза Синдэ наполнились слезами. Смешиваясь с каплями пота, слезы скользили по щекам и падали на красную глину крепостной стены Ганьчжоу.

Глава 6

Начиная с лета 1033 года и до следующего лета Синдэ жил при дворе правителя Гуачжоу Цао Яньхуэя и занимался переводом сутр на тангутский язык. К концу осени из Синцина прибыли шестеро ханьцев и сразу взялись за дело – трудились с утра до ночи. Яньхуэй отвел ученым мужам целое крыло своего дворца. Вместе с Синдэ они распределили обязанности, разделив работу на части, относящиеся к нирване, дхарме, «Лotosовой сутре», «Агама-сутре», «Шастре» и далай-ламе. Каждый из семи переводчиков выбрал себе одну часть по склонности души.

В Гуачжоу девяносто дней свирепствовала стужа, пятьдесят дней – изнуряющая жара, дождей почти не было. Зимой и весной дули страшные ветра, жители задыхались от песчаных бурь, темень стояла и днем и ночью.

Синдэ корпел над «Алмазной сутрой», которую впервые прочел в Сучжоу. Перевод продвигался тяжело, но за работой Синдэ забывал обо всем на свете. С началом лета войска Чжу Ванли стали все чаще покидать город, чтобы сразиться с туфанами, которые медленно, но неуклонно захватывали окрестные земли. Тангутские воины то и дело приводили в гарнизон пленных туфаней и ганьчжоуских уйгуров. Даже в незначительных стычках с врагом Чжу Ванли лично возглавлял идущее в атаку войско.

Когда полководец не был занят борьбой с туфанами, Синдэ каждые три дня навещал его в роскошных покоях. В начале осени Синдэ посетил Чжу Ванли сразу после его возвращения с поля сражения, длившегося много дней, и, как всегда в такие минуты, был заморожен выражением странного волнения на лице полководца, его поведением и речью. Чжу Ванли никогда не говорил о битвах и ратных подвигах. Порой Синдэ спрашивал его об этом, но всякий раз он отделялся уклончивым ответом и приказывал Цзяо-цзяо, молодой ханьской красавице, которая прислуживала ему, принести чай. Похоже, Чжу Ванли любил девушку, а она во всем угождала ему. Всякий раз, приходя к полководцу, Синдэ слышал, как он то и дело зовет Цзяо-цзяо. Когда Чжу Ванли командовал своим ратникам идти в атаку, его голос звучал по-особому; когда он обращался к Цзяо-цзяо, интонация тоже была необычной.

Синдэ сидел напротив облаченного в запыленные доспехи полководца. Стоял на диво безветренный день, внутренний дворик освещали ласковые лучи осеннего солнца. Выпив с гостем чаю, Чжу Ванли принялся снимать доспехи. Цзяо-цзяо помогала ему.

– Что это? – раздался вдруг чистый голосок девушки, и Синдэ поднял голову.

В одной руке Цзяо-цзяо держала наплечник, а в другой – ожерелье. Чжу Ванли медленно обернулся к ней. Выражение его лица мгновенно изменилось.

– Не трогай! – рявкнул он.

Ярость в голосе Чжу Ванли заставила даже Синдэ содрогнуться. Девушка поспешно положила ожерелье на низкий столик и смущенно посмотрела на господина. Чжу Ванли схватил ожерелье и отнес его во внутренние покои. Вернувшись, он уже успокоился, вновь ласково обратился к Цзяо-цзяо и попросил ее налить еще чаю.

Весь остаток дня Синдэ был сам не свой. Он лишь мельком видел ожерелье в руках Цзяо-цзяо, но чувствовал, что не ошибся: драгоценность, принадлежавшая Чжу Ванли, как две капли воды походила на ту, что хранилась у него, Синдэ. Он помнил, что на шее уйгурской царевны было два одинаковых ожерелья. Одно она отдала ему, а другое, получается, каким-то образом попало к полководцу. Как же оно оказалось у Чжу Ванли? Может, уйгурка подарила ему ожерелье? Или Чжу Ванли забрал его силой?

Синдэ не мог думать ни о чем, кроме ожерелья, а ответов на свои вопросы не находил. Ему ничего не оставалось, кроме как обратиться за разъяснениями к полководцу. Но имеет ли он на это право? Ведь ясно как день, что полководец любил и, возможно, все еще любит

уйгурскую царевну, однако больше ничего об их прежних отношениях неизвестно. Он, Синдэ, дал девушке слово и нарушил его, а она ради него бросилась со стены в Ганьчжоу... Конечно, ради него – в этом нет сомнений. Так разве недостаточно того, что она отдала за него жизнь? Нет, не стоит задавать вопросов...

Синдэ решил не упоминать об ожерелье в присутствии Чжу Ванли. Принадлежало оно уйгурской царевне или нет, это никак не повлияет на его чувство к ней.

Недели через две к Синдэ неожиданно заявился Гуан. После возвращения из Синцина купец пробыл в Гуачжоу всего пару дней, а потом отправился в Сучжоу, и целый год от него не было вестей.

Гуан пришел вечером. Солнце село, гостиная наполнилась прохладой. Как обычно, на лице купца было дерзкое выражение, глаза злобно сверкали. Он уселся и после небольшого вступления, которое должно было дать хозяину понять, что Вэйци Гуан не уйдет, не получив того, за чем пришел, спросил:

– Где ты взял ожерелье? Я знаю цену драгоценностям. Эти камни не простые. В Хотане их называют лунными. Я видел разные камни, но никогда не встречал таких. Я не требую от тебя, чтобы ты отдал мне ожерелье. Думаю, тебе лучше держать его при себе. Но я хочу знать, где второе.

– Что значит – второе? – насторожился Синдэ.

– Должно быть второе. Скажи, где оно, и я раздобуду его. Я всегда получаю то, чего хочу. Это ожерелье – одно из пары. У кого другое?

– Я не знаю.

– Нет, знаешь. Украшение принадлежало какой-то девице. Говори кому!

– Не знаю.

– Как ты смеешь мне врать? – взревел Гуан, но тут же успокоился. – Не говори так со мной! Мы ведь вместе путешествовали в Синцин и обратно. Мы словно братья!

– Я не знаю.

– Откуда тогда у тебя это ожерелье? Ты украл его?

– Нет.

Лицо молодого купца искажил гнев.

– Не пытайся меня обмануть! Разве ты не видишь, что сам Гуан так терпелив с тобой? – Он вскочил, тяжело дыша, словно намеревался опять напасть на Синдэ.

– Мне ничего не известно.

– Хорошо, тогда отдай мне свое ожерелье! – В ярости Гуан схватил Синдэ за горло, но тут же передумал его душить. Ожерелье можно будет забрать в любое время. Пока оно у этого грамотея, с ним ничего не случится. Кроме того, будет лучше завладеть сразу двумя ожерельями, а не одним... Взгляд Гуана смягчился. – Нет-нет, я пошутил. Лучше оставь его при себе. Я сам найду второе ожерелье. Все равно оно должно принадлежать мне – потому что царской семье из Хотана. Ну, бывай. Я веду караван в Лянчжоу. Однако помни: наш разговор еще не окончен.

Гуан развернулся и вышел из гостиной в прохладные сумерки.

Дней через двадцать он вновь появился в доме Синдэ и поведал, что в седьмом месяце правитель Западного Ся Юань-хао во главе многотысячного воинства перешел границу Поднебесной, грабя дома местных жителей, встречавшиеся на пути, и оставляя за собой одни пепелища. Так он дошел до самого Цинчжоу, а теперь вроде бы повернул обратно к Синцину. Тем временем на территории Уляна к востоку от Ганьчжоу поднялась суматоха из-за ожидаемого наступления сунской армии и постоянного присутствия туфаней. И только Гуачжоу, пребывая в неведении о сложившейся ситуации, по-прежнему жил беззаботно. В пустынях, на равнинах и плато к востоку от Ганьчжоу каждый день происходили столкновения между тангутами и туфанями, чьи перемещения приобрели совсем уж беспорядочный характер. Даже он, Гуан, не смел сунуться туда.

Закончив рассказ, купец неожиданно спросил:

– Ну что там насчет ожерелья? Откуда оно у тебя?

И услышал тот же ответ:

– Я не знаю.

Гуан угрожал, кричал, уговаривал Синдэ, но, поняв наконец, что его усилия не увенчаются успехом, успокоился и попросил подумать еще, после чего ушел. На этот раз купец повел караван в Кочо,³⁴ на уйгурские земли.

В первом месяце 1035 года войско Чжу Ванли получило приказ покинуть город. Армия тангутов должна была занять Цинтан – ставку тибетского князя Цзюэсьлю, и коннице Чжу Ванли предстояло возглавить этот поход. Перед началом масштабных военных действий против империи Сун тангуты намеревались напасть на туфаней и уничтожить их одним ударом.

Чжу Ванли вызвал к себе Синдэ. Когда тот явился, военачальник сурово спросил:

– Ты хочешь пойти со мной?

– Конечно, я пойду.

– Ты можешь не вернуться.

– Мне все равно.

Синдэ не боялся смерти и жалел лишь о том, что перевод «Алмазной сутры» на тангутский язык еще не завершен. Но ведь если он выживет, непременно возобновит работу. Мысль о том, что вновь придется рисковать жизнью на поле боя после такого долгого перерыва, наполнила душу восторгом.

Однако через пару дней, в разгар военных сборов, Чжу Ванли опять призвал Синдэ к себе.

– Думаю, тебе лучше остаться здесь. Дам тебе в подчинение пять сотен воинов – будешь охранять город. А заодно продолжишь свое крючкотворство.

Синдэ хотел возразить, но полководец внезапно рассвирепел:

– Это приказ! Не смей перечить! – После этого он подробно проинструктировал Синдэ о том, как вести себя с солдатами.

Когда Чжу Ванли и четыре с половиной тысячи всадников вышли из Гуачжоу, разразился страшный ураган. Снежная буря яростно терзала древние стены. Из главных ворот вслед за воинами потянулась на восток длинная вереница верблюдов и обозных лошадей. Еще долго после того, как они растворились в серой мгле, вооруженные стражи по распоряжению Синдэ стояли в почетном карауле у ворот крепости.

В Гуачжоу сразу стало как-то пусто и тихо. Метель, поглотившая войско Чжу Ванли, бушевала три дня и три ночи. У Синдэ появилось много хлопот. Теперь он не мог, как раньше, каждый день заниматься переводом во дворце Янь-хуэя – ему едва хватало времени следить за тем, чтобы работа других грамотеев над сутрами продвигалась вперед, пусть и черепашим шагом. Из дворца Синдэ со всех ног бежал в казармы поддерживать боевой дух воинов. У него не было опыта командования, поэтому всему приходилось учиться на практике.

Разбойные набеги туфаней и стычки с ними в окрестностях Гуачжоу, постоянно происходившие, пока Чжу Ванли был в городе, внезапно прекратились с его уходом. Вероятно, все туфани, в том числе и те маленькие отряды, что промышляли на прилегающих землях, были переброшены на главную арену боевых действий.

В конце шестого месяца, через полгода после отбытия конницы Чжу Ванли на фронт, Гуачжоу достигли первые вести с юго-востока: трое ханьских всадников привезли грамотку от Чжу Ванли. Вероятно, он продиктовал послание кому-то из подчиненных. Составлено оно

³⁴ *Кочо* – древний город в Турфанской впадине (у южного подножия гор Тянь-Шань в Синьцзян – Уйгурском автономном районе на северо-западе Китая), через которую проходила северная ветвь Великого шелкового пути; столица Турфанского идикутства уйгуров, платившего дань императорам династии Сун и Великому государству киданей. Развалины Кочо сохранились близ современного Турфана.

было лаконично и сухо на языке тангутов: «Юань-хао лично возглавил осаду замка Маонючэн,³⁵ которая затянулась на целый месяц. Враг не желал сдаваться. Тогда Юань-хао заключил обманное перемирие, заставил осажденных открыть ворота и всех уничтожил. Мы потеряли пятьсот воинов. Завтра утром отправляемся на захват ставки Цзюэсы-ло – Цинтана». Похоже, пятьсот погибших были солдатами Чжу Ванли.

Еще через полтора месяца, под восьмой луной, подоспело второе послание, в котором также сообщалось о битвах, но на сей раз по-ханьски: «Главная армия атаковала Цинтан. Другие полки сражаются под Аньэром на реке Цзунхэ и на разных фронтах. Аньцзыло, полководец Цзюэсыло, отрезал главной армии пути к отступлению. Наша конница уже больше месяца ведет непрерывные бои в предгорьях Дайсин. Мы потеряли почти три тысячи ратников».

Судя по всему, воин, записавший под диктовку полководца первое послание на тангутском, тоже значился в списках убитых. По короткому сообщению на ханьском сложно было судить, благоприятно ли складываются события для армии Западного Ся. Однако упомянутая в конце цифра – три тысячи убитых – впечатляла. Если прибавить к ним пятьсот погибших солдат, о которых шла речь в первом письме, то получится, что Чжу Ванли потерял четыре пятых своего войска... Гонец, доставивший весточку, принял эстафету в Ганьчжоу, и, поскольку на фронте он не был, Синдэ не смог добиться от него точных сведений.

Третье послание от Чжу Ванли пришло через три месяца, с восходом одиннадцатой луны. Оно было еще короче двух предыдущих и тоже написано по-ханьски: «После двухсот дней сражений на границах Цзюэсыло бежал на юг. Наша конница возвращается. Главная армия под командованием Юань-хао тоже направляется к Гуачжоу».

Так Синдэ узнал, что Юань-хао, разгромивший войско Цзюэсыло в долгой, яростной битве и обративший его в бегство, теперь идет к Гуачжоу и Шачжоу с остатками своей армии. Гарнизон, где до этого царил покойствие, охватило оживление. Начались приготовления к триумфальному возвращению Чжу Ванли и размещению главной армии тангутов, следовавшей за ним. Синдэ отправился к Яньхуэю и сообщил ему о письме Чжу Ванли.

Обрюзгшее лицо правителя собралось морщинками.

– Я знал, что они когда-нибудь вернутся. И этот день настал! – Невозможно было догадаться, рад он или опечален, однако в следующее мгновение по телу Яньхуэя пробежала дрожь тоски и страха. – Люди думают, будто мой брат Сяньшунь весьма проницателен и мудр, а по мне, так он дурак дураком. И поворот событий доказывает, что я прав. Когда тангуты захватили Сучжоу, Сяньшунь должен был вступить с ними в переговоры, как я. Теперь поздно что-либо предпринимать. – Яньхуэй замолчал и невидящим взором уставился прямо перед собой, потом вновь заговорил, и голос его звучал глухо. – Чуяло мое сердце: грядут тяжелые времена. После такой победы тангуты с их огромным войском наверняка захватят Шачжоу. Пагоды будут сожжены, монастыри разрушены. Всех мужчин насильно заберут в армию, а женщин обратят в рабство. И конечно, они украдут все сутры... Ах, я же предупреждал его! Тогда Сяньшунь не согласился со мной, но он должен был последовать моему примеру – отправить посла к тангутам. Теперь он понимает, как я был прав... – Казалось, Яньхуэй не замечает присутствия гостя и беседует сам с собой.

Синдэ подумал было, что правитель сердит на своего упрямого брата Сяньшуня и беспокоится о том, как бы он не потерял свой титул наместника, но вскоре понял, что ошибся.

Яньхуэй встал. – Мой брат будет казнен, Шачжоу разрушен, буддийские пещеры в горах Минша уничтожены, семнадцать великих храмов сожжены, а сутры украдены. Тангуты убьют всех ханьцев.

Синдэ испытывал странное чувство, глядя, как на глазах Яньхуэя выступают слезы и катятся, катятся по щекам.

³⁵ Тибетское название – цзонг (замок) Яка.

Глава 7

Через десять дней вдогонку за своей третьей весточкой вернулся Чжу Ванли. Он отсутствовал в городе почти год. Стояла середина одиннадцатого месяца, в тот день впервые прошел град. Градины были размером с большой палец взрослого человека и, падая на землю, производили оглушительный шум. Никто не осмеливался выйти из дому.

Рано утром от полководца пришло известие, что его войско доберется до Гуачжоу к вечеру. Синдэ был занят приготовлениями к приему авангарда и армии Юань-хао, шедшей следом за Чжу Ванли. Он не знал общей численности главной армии и на всякий случай приказал солдатам гарнизона собирать по всем поселениям вокруг Гуачжоу съестные припасы. Эту работу пришлось на время прервать из-за начавшегося града, но они успели вовремя.

Ратники Чжу Ванли вошли через главные ворота – той же дорогой они год назад покинули Гуачжоу. От войска в четыре с половиной тысячи человек осталось меньше тысячи. Первыми на главную площадь ступили десять верблюдов, навьюченных ручницами, за ними – Чжу Ванли. Он ехал верхом, держа в обеих руках знамена. За ним следовали три десятка всадников и уцелевшие пехотинцы.

Синдэ и Яньхуэй радостно приветствовали уставшего в битвах военачальника. Синдэ показалось, что Чжу Ванли выглядит моложе – возможно, потому, что похудел и загорел. Он спешил и подошел к Синдэ и Яньхуэю. При виде встречающих выражение лица полководца смягчилось, он произнес что-то, чего не поняли ни Синдэ, ни правитель, – Чжу Ванли сорвал голос, командуя в боях. Синдэ наклонился к нему, чтобы разобрать слова, но опять не сумел их понять. И только с третьей попытки удалось ему расслышать то, что глухим, надтреснутым голосом прошептал Чжу Ванли: «Я вернулся живой».

Синдэ взял на себя обязанности командира, выстроил солдат на площади, поблагодарил за отвагу, а потом приказал подать им лапшу и вино. Подкрепившись, люди разошлись по казармам.

Чжу Ванли, сидя в сторонке, видел все, что происходило вокруг, и молча наблюдал за своими бойцами. Потом он сделал знак Синдэ приблизиться и что-то прохрипел. Синдэ вынужден был переспрашивать много раз, низко наклоняясь к губам полководца.

– Завтра днем начнется резня. Пусть правитель Яньхуэй и жители спасаются из города.

Ухо Синдэ обдало жарким, прерывистым дыханием.

– Завтра в город войдет армия Юань-хао. Я убью этого мерзавца. Больше у меня не будет такой возможности.

Синдэ был ошеломлен. Но, справившись с волнением, он подумал, что подобный поворот событий отнюдь нельзя считать странным: скорее всего, план зрел в голове Чжу Ванли уже давно, и вот наконец пришло время действовать. Только один раз Чжу Ванли высказал намерение отомстить Юань-хао – это было во время перехода из Ганьчжоу в Сучжоу, на следующий день после того, как уйгурская царица бросилась с городской стены. С тех пор полководец больше не упоминал об этом случае, но в его сердце по-прежнему жила ненависть к правителю Западного Ся. И по пути из Сучжоу в Гуачжоу он загадочно обмолвился о том, что давно, мол, решил, что будет делать. Теперь Синдэ понял намек.

– Ее пытали три дня и три ночи, прежде чем она согласилась стать наложницей Юань-хао, а в конце концов она покончила с собой. Теперь этот негодяй получит по заслугам. – Если бы мог, Чжу Ванли выкрикнул эти слова, но клятва мести прозвучала едва слышно.

– Какие у вас были отношения... с ней? – Синдэ задал вопрос, уже давно мучивший его.

– Я любил ее, – вздохнул полководец.

– И все? Просто любили?

Чжу Ванли помолчал, а потом поднял голову и проговорил:

– Не знаю, что испытывала она ко мне. Знаю только, что я ее любил. Овладев ею впервые, я понял, что не смогу без нее жить. Я и сейчас ее люблю.

Слова Чжу Ванли было трудно разобрать, однако Синдэ услышал главное. Значит, Чжу Ванли овладел уйгурской царевной. Это все-таки случилось. Теперь, когда смутные подозрения оправдались, Синдэ почувствовал, как сами собой у него сжимаются кулаки, но нечеловеческим усилием воли сдержался.

– Откуда у вас это ожерелье? – тихо спросил он.

– Когда Юань-хао забирал ее у меня, мне захотелось оставить что-нибудь на память. Я коснулся ее ожерелья, она сама сняла его с шеи и отдала мне. – Чжу Ванли резко вскинул голову и с вызовом посмотрел в глаза сопернику, будто желая сказать: «Только попробуй усомниться!»

Синдэ молчал. И тогда полководец опять заговорил:

– Я все равно убью Юань-хао. Поступай как знаешь. Если не хочешь присоединиться ко мне, уходи из города.

– Я останусь с вами. Думаете, я боюсь Юань-хао? Думаете, убегу?

Синдэ был в ярости. Нет, он не питал ненависти к сидевшему перед ним Чжу Ванли. Какое у него было право ненавидеть или упрекать старого военачальника, даже если тот силой взял уйгурскую царевну? Синдэ сам оставил ее на попечение Чжу Ванли и не вернулся, нарушив клятву. Так уж случилось, что Чжу Ванли полюбил девушку больше, чем он, Синдэ. Но Юань-хао похитил ее, чтобы прибавить к своему огромному гарему, принудил быть наложницей. И в результате стал причиной ее гибели. Если Чжу Ванли хочет убить негодяя, он, Синдэ, ему поможет! Гнев полководца захватил и его.

Однако, в отличие от Чжу Ванли, Синдэ сохранил способность мыслить объективно. Он не считал, что убить Юань-хао, правителя Западного Ся, будет легко. Если повезет, все свершится втайне. В противном случае невозможно даже представить себе последствия. Когда их, двух наемников-ханьцев, схватят, расплачиваться придется всему ханьскому населению Гуачжоу и Шачжоу...

Яньхуэй тем временем умирал от страха. С того дня, когда стало известно, что скоро Гуачжоу наводнит армия тангутов, его трясло, как в лихорадке. Почти каждый час правитель менял свои намерения: то он решал открыть завоевателям город и организовать торжественную встречу, то собирался бежать в Шачжоу и вместе с братом держать там оборону. Хотя Синдэ тоже был солдатом армии Западного Ся, ханьское происхождение поставило его в щекотливое положение советника Яньхуэя и надо было как-то успокаивать правителя. До сих пор Синдэ полагал, что Гуачжоу и Шачжоу необходимо всеми силами избегать противостояния могучим тангутам. Гвардию правящей в Шачжоу династии Цао в расчет можно было не принимать, но даже если Сяньшуню и Яньхуэю удастся собрать всех подданных, способных держать оружие, они не сумеют выстоять против закаленных в боях бесстрашных тангутских воинов. Намного разумнее позволить армии Юань-хао мирно войти в город. Естественно, семья Цао и другие ханьцы сохраняют часть своих привилегий и накопленное за долгие годы богатство. Вспоминая события в Лянчжоу и Ганьчжоу, Синдэ не думал, что тангуты станут зверствовать. Но если передовая конница армии Западного Ся взбунтуется по приказу Чжу Ванли, ситуация станет развиваться совершенно иначе. Поскольку и солдаты Чжу Ванли, и представители династии Цао – ханьцы, тангуты сделают вывод, что они восстали, защищая свои земли.

Когда Синдэ сказал об этом полководцу, тот прохрипел:

– Дурень! Юань-хао вырежет весь род Цао в любом случае. Он заберет всех здоровых мужчин в армию, женщин сделает рабынями. А те ханьцы, которых заставят служить ему, сложат головы в битве с Поднебесной. Прошли времена Дэ-мина. Не важно, сдадутся Гуачжоу и Шачжоу или станут обороняться, результат будет один и тот же. Таков Юань-хао. И ради наших соотечественников мы должны покончить с этим чудовищем!

Чжу Ванли рассказал, что он и его люди уже видели главную армию тангутов в деле – во время длившихся почти целый год боев с туфаями. В захваченных туфаньских цзюнах тангутские солдаты убивали всех – стариков, женщин, детей – сотнями, тысячами. Для Западного Ся, являвшегося общим врагом империи Сун и туфаней, жестокость была необходимым условием выживания и окончательной победы. Грядущая резня ничем не будет отличаться от предыдущей. Полководец опять перешел на шепот, и Синдэ приблизил ухо к его губам.

Над городом сгустились сумерки, одичавшие воины, вернувшиеся после десяти месяцев, проведенных в сражениях, напились и принялись крушить все вокруг. Над площадью у городской стены разносились свирепые пьяные выкрики.

– Пусть солдаты спят не в казармах, а здесь, – приказал Чжу Ванли. Он не хотел, чтобы его люди, еще пахнувшие кровью врагов, утратили боевой дух. – На рассвете собери всех защитников города и людей Яньхуэя и прикажи им надеть полное обмундирование. Пусть вооружатся луками и запасутся стрелами. Встретим полчище Юань-хао достойно.

Чжу Ванли поднялся с походной скамеечки, прошел сквозь ряды солдат и направился к своему особняку. Синдэ последовал за ним, надеясь расспросить о том, как они нападут на Юань-хао и как расставить войска для грядущей битвы.

Когда полководец приблизился к дому, ему навстречу бросилась Цзяо-цзяо. Чжу Ванли нежно взглянул на нее и что-то прохрипел, но девушка, конечно, не поняла его. Синдэ показалось, что Чжу Ванли позвал «Цзяо-цзяо», но он больше не слышал того ласкового тона, которым когда-то говорил с ней грозный военачальник.

Синдэ оставил Чжу Ванли на попечение прислужницы и поспешил к Яньхуэю, чтобы сообщить ему об эвакуации гражданского населения до наступления утра. Синдэ сказал, что в городе может разгореться бой, но умолчал о подробностях. Он ожидал, что от страха Яньхуэй потеряет сознание, но выражение лица правителя почти не изменилось, он спокойно кивнул:

– Согласен. Если мы выведем людей из Гуачжоу, то избежим столкновений между мирными жителями и тангутскими солдатами. Тогда этот город, храмы и сутры не будут сожжены.

Яньхуэй тут же позвал советников и велел им обнародовать указ всем жителям покинуть свои дома.

До наступления полуночи у Синдэ было много дел. Одна только раздача оружия из арсенала требовала помощи тридцати воинов. Работу закончили поздно ночью. Город затих. Синдэ ожидал увидеть повсюду смятение, услышать топот сотен ног, шум сборов, и ему показалась странной эта мертвая тишина. Он вновь отправился к Яньхуэю. В огромном дворце тоже было тихо. Когда Синдэ вошел, Яньхуэй сидел в большом кресле посреди ярко освещенного свечами зала и как будто пребывал в забытии. В воздухе витал горький запах горящего конопляного масла.

Синдэ осведомился, все ли горожане оповещены.

– Я обо всем позаботился, – ответил Яньхуэй.

– Но в городе так тихо... Похоже, люди не собираются уходить.

Яньхуэй прислушался и молча вышел из зала, чтобы подняться на сторожевую башню. Через несколько минут он вернулся.

– Ты прав. В городе тихо. Это очень странно.

Синдэ спросил, почему сам Яньхуэй не готовится уходить. Правитель рассеянно махнул холеной рукой:

– Я могу уйти один в любое время. Сложно решить, какие предметы во дворце самые ценные. До рассвета так мало времени...

Синдэ позвал придворных советников – хотел убедиться, что до жителей доведен приказ покинуть Гуачжоу. Его заверили, что глашатаев уже разослали по главным площадям, но он, рассудив, что нельзя полагаться только на государевых слуг и что до предместий вести не скоро доберутся, велел своим людям кричать на всех углах о немедленном отступлении.

Однако даже так не удалось оповестить сразу всех горожан. А поскольку приказ исходил не от самого Яньхуэя, многие просто не верили. Лишь ближе к рассвету, когда на ночном небе появилась светлая полоса, в Гуачжоу началось оживление. Мужчины и женщины выбегали из домов, поднимали руки к небу и садились на землю, иные дико кричали, метались по улицам.

Синдэ собрал по тревоге пять сотен воинов на площади в северо-западной части города и приказал им вооружиться. К этому часу в Гуачжоу уже воцарился хаос, все дороги были запружены людьми и повозками с домашней утварью.

К утру воины Чжу Ванли заняли свои позиции. Стражи открыли западные ворота и следили за потоком беженцев. Наступил полдень, а город покинули далеко не все жители – улицы по-прежнему были забиты людьми, скарбом, лошадьми и верблюдами. Казалось, суматохе не будет конца.

После полудня с дозорной башни у восточных ворот поднялся столб дыма – условный знак для стоявшей в нескольких ли от Гуачжоу армии Юань-хао, приглашение войти в город. Две тысячи ханьских наемников уже знали, что будет дальше: тангутов встретят три сотни лучников, у каждого по пятьдесят стрел, еще двадцать тысяч стрел лежат наготове.

Синдэ, когда в небо взвился сигнальный дым, был во дворце Яньхуэя – пытался поторопить семью правителя и обитателей дворца, которых насчитывалось человек тридцать. Правитель был сам не свой: суетился, то и дело вбегал во дворец, выскакивал оттуда с пустыми руками, раздавал слугам противоречившие одно другому распоряжения. Синдэ рассчитывал отправить со свитой Яньхуэя и Цзяо-цзяо, но поскольку не знал, когда наконец соберутся правитель и все его родственники, дал девушке в сопровождение солдат и отпустил ее.

Совершенно измученный суматохой во дворце и метаниями Яньхуэя, Синдэ в конце концов махнул на все рукой и выехал верхом в город. Сигнальный дым плыл уже высоко в безветренном зимнем небе. Добравшись до главных ворот, Синдэ отыскал взглядом полководца.

Чжу Ванли, заметив его, подошел и решительно произнес:

– У нас получится.

– Воины выполняют ваш приказ? – уточнил Синдэ. – Ведь это измена...

– Сегодня они будут сражаться еще отважнее, чем когда-либо.

Больше Чжу Ванли ничего не стал объяснять, сказал только, что не умрет, пока голова Юань-хао не будет насажена на пику. Вскоре после этого разговора военачальник с сотней всадников выехал из Гуачжоу навстречу тангутской армии.

Синдэ взобрался на крепостную стену в сопровождении двух предводителей отрядов лучников. Один из них был высоким и тучным, другой – худощавым, оба отличались бесстрашием и выжили во многих битвах под началом Чжу Ванли.

На равнинах царило безмолвие. Издали медленно приближалось огромное полчище тангутов. В воздухе трепетали бесчисленные знамена, под солнцем сверкали роскошные доспехи императорских гвардейцев, сплотившихся вокруг Юань-хао, властелина Западного Ся. Армия двигалась неспешно, лениво, словно стадо коров, и расстояние между ней и городом как будто почти не уменьшалось. Синдэ смотрел, как к тангутам с той же неторопливостью приближается конница Чжу Ванли.

Все это время Синдэ и оба лучника молчали. Заговорив, они бы выдали тайну, каждый – свою, поэтому все трое замкнулись в себе. Наконец они увидели, как на равнине произошла встреча армии Юань-хао с конницей Чжу Ванли. Ряды ханьцев и тангутов смешались. На какой-то миг наблюдателям почудилось, что люди и лошади замерли перед броском, затем воины вновь устремились к стенам города. На этот раз они двигались быстрее.

Авангард состоял из сотни тангутских всадников, за которыми скакали ханьцы Чжу Ванли. За ними пеший отряд нес знамена, следом выступали тридцать верховых в доспехах высших чинов – скорее всего, Юань-хао находился среди них. Пехота, караваны верблюдов и конные воины следовали небольшими группами в отдалении.

Синдэ нарушил молчание:

– Там пять тысяч солдат?

– Нет, три, – поправил худощавый лучник.

Тучный военачальник глазами дал товарищу знак и спустился со стены на свою позицию.

В предстоящей битве у Синдэ не было особого предназначения – его пять сотен воинов наряду с гвардией Яньхуэя перешли под командование Чжу Ванли. Если бы Синдэ пожелал, то мог бы спокойно наблюдать за боем от начала и до конца с крепостной стены.

Передовая сотня тангутов вошла в главные ворота. Лица у всадников были напряженные и хмурые – похоже, силы отряда были на исходе, растроченные в бесконечных битвах. Вскоре после того как замыкающие исчезли под аркой ворот, к стенам города подскакала конница Чжу Ванли. Синдэ, подбежав к внутреннему краю стены, успел увидеть, как тучный предводитель лучников уводит конный отряд тангутов в лабиринт улиц. Тишину нарушало лишь зловещее цоканье лошадиных копыт. Вернувшись к внешнему окоему, Синдэ, затаив дыхание, смотрел, как Чжу Ванли и его люди медленно вступают в город. Как только последний всадник оказался в пределах крепостной стены, тяжелые ворота захлопнулись.

В то же мгновение тощий предводитель лучников издал оглушительный боевой клич. Ханьские наемники, ждавшие внизу, полезли на стену. Синдэ перевел взгляд на равнины: в полном молчании на Гуачжоу надвигались серые ряды армии тангутов; к воротам уже приближались всадники в доспехах, им оставалось преодолеть меньше двухсот сяку. Многочисленные знамена скрывали из виду Юань-хао.

Синдэ наблюдал за этой сценой всего несколько мгновений, потому что безмолвие очень скоро было нарушено: у ворот лошади взвились на дыбы, столбом поднялась пыль, со стен на ошеломленных тангутских воинов посыпались стрелы, словно их тянуло в одну точку магнитом, из клубов пыли раздались крики раненых и ржание боевых коней.

Равнины по-прежнему хранили уютное спокойствие, над ними голубело прозрачное равнодушное небо, на горизонте, словно клочья морской пены, безмятежно плыли пушистые облака. В воздухе свистели стрелы.

Синдэ не знал, сколько прошло времени, как долго он стоял, замороженный этой музыкой сражения, которую вдруг перекрыли крики у подножия стены и скрип открывавшихся ворот. Он не помнил, как скатился по ступенькам, как вскочил на лошадь. Со всех сторон всадники рубили мечами. Синдэ снова стал одним из них – воином. Его лошадь встала на дыбы, упала на колени, опять поднялась и, наконец, вынесла своего хозяина с поля боя.

Повсюду валялись трупы тангутских ратников и боевых коней. Далеко впереди Синдэ увидел отступающую по равнине конницу Западного Ся.

– Юань-хао здесь? Найдите мне Юань-хао! – раздался хриплый голос Чжу Ванли.

Синдэ остановил лошадь. Ханьские всадники прекратили преследование беглецов и вернулись туда, где громоздились горы окровавленных тел.

– Найдите Юань-хао! – кричал Чжу Ванли, проезжая между убитыми и ранеными.

Ханьцы спешили и принялись переворачивать трупы, заглядывая им в лица. Поиски продолжались долго, но среди погибших Юань-хао отыскать не удалось.

Убедившись, что тела главного врага нет на поле боя, Чжу Ванли тут же стянул войска в город. Было очевидно, что правитель тангутов, талантливый стратег, не станет медлить и пойдет в контратаку. Одних отступивших тангутских всадников было свыше двух тысяч, к тому же заговорщики понимали, что за армией Юань-хао следуют на отдалении друг от друга большие полки, которые уже приближаются к Гуачжоу.

Когда Синдэ вернулся в город, смятение, вызванное тангутским авангардом, улеглось, всю конную сотню обезоружили и собрали на площади. Чжу Ванли приказал своим воинам поскорее выставить за городские ворота не успевших покинуть Гуачжоу мирных жителей,

однако почти сразу был вынужден отказаться от этой затеи – дозорные принесли вести о том, что на востоке и на юге замечены движущиеся к городу небольшие отряды противника.

Синдэ опять взобрался на стену. Все было так, как сказали часовые. Повсюду на равнине поднимались тучи пыли, говоря о приближении врага. Можно было различить, что это конные полки. Чжу Ванли тоже поднялся на крепостную стену, но, казалось, не был особенно обеспокоен.

– Скорее всего, эти негодяи приблизятся на безопасное расстояние, разобьют лагерь и дальше не пойдут – станут ждать ночи, а потом атакуют. Надеюсь, до темноты нам удастся выпроводить всех гражданских с их барахлом... Удача на стороне этого подлеца, но я не умру, пока не убью его. И ты тоже не умрешь!

Глаза Чжу Ванли сверкали. Как он и предвещал, разбросанные по равнине полки остановились на подступах к городу. Короткий зимний день закончился, начали сгущаться сумерки. Эвакуация жителей Гуачжоу шла полным ходом. Но тангуты предприняли штурм раньше, чем предполагал Чжу Ванли.

За крепостные стены посыпался град тангутских стрел. Они не достигали целей, но падали беспрестанно, накатывали черными волнами, попадали в землю или стены домов, словно их сносил ветер. Среди горожан началась паника.

С наступлением сумерек стражи открыли западные ворота, и жители потянулись прочь из города. Примерно в это же время на Гуачжоу пролился дождь пылающих стрел – подобно тому, как мирное население не могло дожидаться ночи, чтобы покинуть город, враги тоже не удержались и устремились в атаку вопреки всем правилам ратного искусства.

Полки Юань-хао не останавливаясь шли к Гуачжоу. Площадь у западных ворот была забита мирным населением, Синдэ метался в толпе, регулируя поток беженцев, срывая голос. Менее двух тысяч солдат Чжу Ванли защищали трое ворот, но их усилий хватало лишь на то, чтобы помешать тангутам перебраться через крепостную стену.

Внезапно Синдэ заметил, что с города будто сняли покров темноты, ярко высветилась длинная дорога, уходящая на запад, а на ней – суетливые фигурки.

– А-а-а! Гуачжоу будет сожжен! Дома сгорят! От города ничего не останется!

Синдэ обернулся на крик и увидел правителя Яньхуэя, который стоял запрокинув голову, и его морщинистое лицо было озарено таким слепящим алым светом, что казалось, будто он сам горит.

– Вы еще здесь?! – вырвалось у Синдэ. Он был уверен, что правитель давно покинул город. Чем занимался все это время Яньхуэй? В его руках не было ни одного ценного предмета из дворца.

– Храмы сгорят! Сутры сгорят!

– Что с переводчиками? – спохватился Синдэ, услышав слово «сутры». В боевой горячке он совсем позабыл о деле всей своей жизни.

Яньхуэй не ответил, затянул свое: – Город сгорит! Все сгорит!

Синдэ бросился во дворец правителя. Его беспокоила судьба работавших там шести ханьцев и уже переведенных сутр. Улицы были освещены заревом пожаров, со всех сторон поднимались языки пламени. Вскоре Синдэ обогнали всадники, они направлялись к западным воротам – видимо, был дан приказ к отступлению. Двадцать, потом еще тридцать воинов проскакали мимо, их лица в кровавых отсветах огня походило на жуткие карнавальные маски.

Синдэ пробежал по саду дворца, ворвался в крыло, где переводились сутры. Снаружи было светло как днем, но внутри царил полумрак. В канцелярии, где хранились сутры и готовые копии, никого не оказалось. Распахнув двери, Синдэ сразу увидел, что двадцать с лишним свитков исчезли – их кто-то забрал. В этот миг перевод ханьских сутр на язык врага показался ему странной затеей... Но ведь он делал это не для тангутов. Яньхуэй сказал, это дар Будде, а сам Синдэ трудился только ради девушки из Ганьчжоу...

Он покинул дворец, уже охваченный пламенем. Повсюду искрились фейерверками горящие угольки.

Когда Синдэ наконец добрался до западных ворот, отряд из сотни всадников готовился покинуть город. Один из воинов привел Синдэ оседланную лошадь, и он выехал за ворота вместе с остальными. На равнине, освещенной пламенем, словно лучами заходящего солнца, последние беженцы сбивались в группки по четыре-пять человек и уходили вдаль.

На следующее утро Синдэ нашел Чжу Ванли, который собрал свое войско на берегу высохшего речного русла. Нигде не было видно ни одного беженца в гражданской одежде. Синдэ СКR3R ли, что горожане укрылись в поселениях, разбросанных вокруг Гуачжоу. Чжу Ванли уничтожил все запасы еды на городских складах, решив, что это помешает армии тангутов преследовать их.

Пока войско перестраивалось, чтобы двинуться в путь, Синдэ увидел, что к ним скачет Яньхуэй с десятью слугами. Оказалось, правитель отослал свою семью в убежище на север от Гуачжоу и приехал помочь Чжу Ванли. Этот поступок вызвал у Синдэ восхищение. Несмотря на спокойный внешний вид, Яньхуэй был глубоко взволнован и все время бормотал себе под нос:

– Спасите Гуачжоу! Защитите храмы!

Войско Чжу Ванли наконец выстроилось в походном порядке, всадники пустили коней в галоп и помчались на запад, к Шачжоу.

Глава 8

Воины продвигались вперед почти без отдыха. Гуачжоу и Шачжоу разделяли сорок ли пустыни – обычный переход по ней занял бы неделю, но Чжу Ванли хотел сократить этот отрезок времени на день, хотя бы на полдня. Ему нужно было добраться до Шачжоу как можно скорее, чтобы договориться с правителем Цао Сяньшунем насчет контратаки, убедить его, что в противном случае город постигнет участь Гуачжоу.

Войско шло по пустыне. То тут, то там попадались колодцы и глиняные домики для путников, тогда измученные ханьцы делали краткий привал, а потом шагали дальше, до следующего оазиса. Вода здесь повсюду имела горьковатый привкус. Несмотря на бодрый шаг, даже пешие воины постоянно мерзли, не то что всадники, – сильный западный ветер пронизывал их насквозь. Люди продвигались вперед, сопровождаемые зловещим воем ветра, мимо рыжих, зубчатых, словно пилы, гор, холмов, засыпанных песком, волнистых дюн, заброшенных крепостей.

На четвертое утро они увидели перед собой большое озеро, покрытое коркой соли; изда- лека оно было похоже на сугроб. Вода в озере замерзла. Невзирая на опасность, солдаты ночью перешли озеро по льду, чтобы срезать два ли. Дорогу торили верблюды.

На пятое утро войско поднялось на вершину холма. Оттуда открывался вид на безбреж- ную, похожую на океан пустыню, а вдали, на северо-западе, смутно темнели заросли деревьев. Яньхуэй сказал, что это и есть Шачжоу. До города оставалось всего шесть ли – меньше дня пути.

Впервые после выхода из Гуачжоу ханьцы сделали настоящий привал. Всадники легли, прижавшись к своим лошадям и верблюдам, чтобы во сне согреться теплом их тел. Чжу Ванли, Синдэ и Яньхуэй последовали примеру простых воинов.

Синдэ проснулся глубокой ночью. Оглядевшись, увидел вокруг спящих соратников. Без- молвные люди, лошади и верблюды были похожи на древние каменные статуи, высеченные в пустыне сотни или тысячи лет назад. Усталый Синдэ не шевелился, приятно было ощущать под щекой теплую шею коня.

Издали к холму приближалась сотня верблюдов. Синдэ вгляделся в крошечные фигурки: даже с такого расстояния можно было различить, что это торговый караван. Он полз не быстрее улитки, а Синдэ лениво наблюдал за ним из-под полуопущенных век. На какое-то время длин- ная вереница верблюдов пропала за дюнами, потом опять появилась – на удивление близко.

Синдэ продолжал рассеянно следовать взглядом за животными. И внезапно вздрогнул, узнав полотнище с большим иероглифом «вай», означающим «Вайшравана».

Караван принадлежал не кому иному, как Вэйци Гуану!

Синдэ вскочил и устремился ему навстречу. Караван между тем остановился, от него отделились три человека. Синдэ громко позвал купца по имени. Один из троих ускорил шаг. Это был Гуан. Подойдя к Синдэ, он гордо задрал подбородок и осведомился:

– Тебя переводят в Шачжоу?

Синдэ, пробормотав что-то уклончивое, полюбопытствовал, куда держит путь Гуан.

Я? Я направляюсь в Гуачжоу, – как обычно надменно ответил купец.

– Нет больше Гуачжоу, – сообщил Синдэ и невозмутимо рассказал подробности.

Выслушав его, Гуан заскрипел зубами от злости.

– Значит, мы не можем идти дальше? – Он свирепо уставился на Синдэ и выпалил: – Ты поступил как последний болван! Тоже мне заговорщик! Скоро сам поймешь, что нельзя было сделать большей глупости. А теперь слушай меня. Мусульмане собрали несметное воин- ство. В моем родном Хотане уничтожена семья Ли, которая свергла династию Вэйци. И скоро мусульмане захватят Шачжоу. Через месяц его сровняют с землей отряды слонов. Этот дурень,

правитель Шачжоу, не поверил мне, но так все и случится. Поэтому мы собрали вещички и покинули город. – Гуан перевел дыхание и снова зашипел: – Ты сделал большую глупость! Что же теперь с нами будет? С запада наступают мусульмане, с востока – тангуты. Куда нам идти? Ты настоящий осел!

Можно было подумать, будто во всем случившемся виноват один Синдэ. А сам Синдэ впервые услышал об угрозе со стороны мусульман. Но поскольку об этом сообщил Гуан, много путешествовавший в тех краях, не было оснований ему не верить.

Купец вернулся к своему каравану, Синдэ побежал к Чжу Ванли.

Полководец не спал – беседовал с Яньхуэем. Синдэ подошел к ним и передал рассказ Гуана. Чжу Ванли искоса взглянул на него, словно желая сказать, что все это ерунда, а Яньхуэй побледнел и произнес:

– Несчастье всегда падает как снег на голову. И обычно беда не приходит одна. Думаешь, что справился с неприятностью, а за ней тотчас следует вторая. Слова этого купца весьма похожи на правду. С востока надвигаются темные силы тангутов, а с запада, стало быть, – слоны мусульман. Да-а... В это нетрудно поверить. – Яньхуэй говорил очень спокойно, потом внезапно повысил голос: – Идет целая армия слонов! Я видел слона однажды в детстве. Его вели по Шачжоу из Центральной Азии в Поднебесную. Сотни этих ужасных тварей, несущих на себе вооруженных луками наездников, нападут на нас, и земля содрогнется от их шагов! – Яньхуэй опустил на траву и обхватил голову руками. Затем встрепенулся, рассеянно поглядел по сторонам и вскричал: – Куда же нам идти? – Он обратил лицо к небесам, словно подумывая, что другого пути нет.

– Что нам до мусульман? – напрягая измученные связки, прохрипел Чжу Ванли. – Какое дело до слонов? Наши враги – тангуты. Нам нужен Юань-хао. Не слоны и не мусульмане, а этот негодяй убьет всех ханьцев и сровняет Шачжоу с землей!

Полководец немедленно приказал солдатам собираться в дорогу. Синдэ занял место рядом с ним во главе войска. Они спустились по склону холма в пустыню и двинулись к видневшемуся на горизонте оазису. Впереди шел караван Гуана. Очевидно, его присутствие раздражало Чжу Ванли – полководец то и дело поторапливал пеших ратников, но расстояние между ним и караваном никак не уменьшалось. Знамя рода Вэйци ярко-желтым пятном показывалось на горизонте, указывая путь.

К полудню немного потеплело. Войско вышло на пустошь с разбросанными по ней то тут, то там ивовыми рощами. Идти стало легче, пехотинцы ускорили шаг, всадники взбодрились. Вскоре они добрались до поселения в полях, окружавших Шачжоу. Здесь оросительные каналы под углом пересекали дорогу, и воинам приходилось то и дело поворачивать в обход.

У берегов реки Дан над замерзшей водой склонились ивы. Перейдя ее по льду, Синдэ увидел впереди стены Шачжоу. Они были украшены изысканнее, чем у других приграничных городов, и тотчас всколыхнули в сердцах ханьских солдат воспоминания о родине, о Поднебесной.

На базаре, прилегающем с внешней стороны к стене у южных ворот, полным ходом шла купля-продажа, мощенные булыжником улочки между рядами лавок были запружены мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, все толкались, шумели, приценивались, торговались. Менее чем через день сюда неизбежно нагрянет беда, но пока местные жители и заезжие купцы не ведали об этом – город жил обычной мирной жизнью. Люди с любопытством смотрели, как по улицам бредут усталые ратники, так похожие на них, ведь это были ханьцы. Синдэ показалось, будто он вернулся в родную провинцию Хунань.

На большой площади за городскими стенами воины Чжу Ванли завершили свой долгий, утомительный переход. Синдэ и полководец вслед за Яньхуэем отправились во дворец Цао Сяньшуня.

Правитель Шачжоу, мужчина лет пятидесяти, был небольшого роста, но сразу чувствовалось, что это прирожденный воин, со сверкающими глазами и решительным выражением лица. Невозмутимо выслушав рассказ брата, он произнес:

– Я знал, что когда-нибудь тангуты на нас нападут. Значит, это случится раньше, чем можно было предположить... Что ж, нам придется храбро сражаться, дабы не запятнать честь всех ханьских военачальников со времен Чжана Ичао.³⁶ Я жалею лишь о том, что в Шачжоу слишком мало воинов, чтобы противостоять могучим тангутам. Это значит, что во время моего правления династия Цао падет, но мы не в силах ничего изменить. Говорят, в прошлом наша земля принадлежала туфаням, и ханьцев здесь долгие годы заставляли носить тибетскую одежду. Только по праздникам могли они облачаться в одежды своего народа и тогда обращали взоры к небесам и горько оплакивали свою участь. Наверное, теперь шачжоусцы вновь окажутся в таком же положении. Однако никто из завоевателей не будет владеть этой землей вечно. Туфани ушли, уйдут и тангуты. А после их ухода останутся дети Поднебесной, как дикие травы, которые невозможно вырвать с корнем. Это дает мне надежду, лишь на это я уповаю. Здесь обрели покой души наших предков. Здесь будут жить наши потомки. Это ханьская земля.

Сяньшунь говорил совершенно спокойно. Он сохранял выдержку и достоинство, как и подобало человеку, назначенному двадцать лет назад Сыном Неба на должность главнокомандующего и правителя Шачжоу после смерти его отца, Цао Цзуншоу, в 1016 году.

Синдэ послал гонца к Вэйци Гуану с приглашением во дворец, и тот сразу же пришел, чтобы рассказать Сяньшуню о событиях в Центральной Азии. Правитель внимательно выслушал и ничуть не удивился.

– Мусульмане, конечно, могут напасть, – задумчиво проговорил он, – но, скорее всего, первыми в Шачжоу войдут тангуты... Возмездие свершится. Не беспокойся об этом, юный наследник династии Вэйци.

Гуан пристально уставился на Сяньшуня и спросил:

– Хотите сказать, что мусульмане сразятся с тангутами?

– Не исключено.

– И кто, по-вашему, победит?

– Сложно сказать. В отличие от шачжоусцев и у мусульман, и у тангутов могущественные армии. Полагаю, что, как было в случае с Поднебесной и киданями, и те и другие понесут потери, и те и другие будут праздновать победы.

Гуан размышлял некоторое время, потом тихо, но решительно произнес:

– Я доживу до этого дня. Должен дожить, чтобы стать свидетелем захватывающих событий. И знамя династии Вэйци переживет войну вместе со мной.

Синдэ подумал, что этот дерзкий молодой человек, привыкший добиваться своего, непременно выполнит обет. Да, на смену его верблюдам придут слоны, и он будет путешествовать с востока на запад, высоко держа над головой родовое знамя.

Заканчивая аудиенцию, Цао Сяньшунь сказал Чжу Ванли, что тангуты подойдут к городу дня через три-четыре, так что его воины должны хорошенько отдохнуть. Тем временем солдаты из гарнизона Шачжоу будут готовиться к битве и копать ловушки для вражеских лошадей за стенами города.

Чжу Ванли, Синдэ и Гуан вышли из дворца. На улице полководец и Синдэ расстались с караванщиком. Придя в штаб, Чжу Ванли сказал, что не знает, хороший или плохой стратег Сяньшунь, но он последует его совету и хорошенько отдохнет. Простые воины и командиры будут спать три дня и проснутся под дробь военных барабанов тангутов. Синдэ подумал, что он шутит, но лицо Чжу Ванли было серьезным.

³⁶ Чжан Ичао – китайский наместник Шачжоу (Дуньхуана) с 848 по 867 г.

Пять из семнадцати храмов в Шачжоу были отведены войску на постой. Синдэ отыскал выделенную ему каморку и тотчас заснул. Пробудился он в полночь. За стенами грохотали походные барабаны. Решив, что это пришли тангуты, Синдэ выскочил на улицу. Там не было признаков атаки, отряды шачжоуских воинов через равные промежутки времени проходили по дороге перед храмом в холодном свете зимней луны.

Перед рассветом Синдэ вновь проснулся. На этот раз его разбудили крики и ржание лошадей. Он опять вышел на улицу. Небо медленно светлело. Мимо тянулись бесконечные вереницы беженцев: женщины, дети, старики. Похоже, здесь эвакуация проходила организованно. После этого Синдэ вставал лишь для того, чтобы утолить голод. С каждым часом смятение в городе усиливалось, но Синдэ уже привык к шуму и спал беспробудным сном.

Вечером следующего дня он наконец открыл глаза и почувствовал себя совершенно отдохнувшим. Его соратники, сладко зевая и потягиваясь, потихоньку выходили в город, хотя никто не получил такого приказа и можно было поспать еще. Вскоре на площади вокруг костров собралось около тысячи солдат. Появился Чжу Ванли.

– Выспался? – спросил полководец, отыскав в толпе Синдэ.

– Даже если б и захотел, не смог бы больше спать!

– Пусть остальные поспят еще одну ночь. На рассвете собери их здесь. Скорее всего, битва начнется завтра вечером или на следующее утро.

Окинув взглядом площадь, Чжу Ванли вернулся к себе, а Синдэ подошел к ближайшему костру. Он думал, там сидят воины, но это оказались люди из каравана Вэйци Гуана. Сам Гуан тоже был среди них. При виде Синдэ он поднялся и кивком пригласил его следовать за собой.

Когда они отошли от огня, купец заговорил:

– Я ищу тебя со вчерашнего дня. Ты намерен погибнуть в битве или уцелеть?

– Я не думал об этом и чувствую себя так же, как перед любым другим сражением. Не знаю, что приготовила для меня судьба. Умирать мне не хочется, но и особого желания жить нет. Будь что будет.

Синдэ сказал правду. Он понимал, что воины Чжу Ванли и Цао Сяньшуня не смогут долго сдерживать натиск тангутов, – если им удастся выстоять один или два дня, это уже будет подвиг. По всей вероятности, Шачжоу, как и Гуачжоу, сгорит дотла, большинство солдат и жителей погибнут. А пленных, коли их не убьют сразу, впереди ждут только страдания.

Внезапно он вспомнил обнаженную тангутку, которую хотели продать по частям на базаре Бяньляна много лет назад. При мысли о ее поведении перед лицом смерти сердце Синдэ наполнилось отвагой.

– Стало быть, твоя жизнь в руках судьбы? – прищурился Гуан. – Тогда отдай ожерелье мне на хранение. Если выживешь, оно спасет тебя от нужды, если погибнешь, будет потеряно навсегда. К тому же опасно брать его с собой на поле битвы – не ровен час, уронишь. За стенами Шачжоу, который не сегодня завтра обратится в прах, сплошная пустыня. С востока идут тангуты, с запада – мусульмане. – Он говорил, вопреки обыкновению, спокойно. В сумерках его бесстрастное лицо показалось Синдэ высеченным из ледяной глыбы. – Ты видел, что творится в городе? – продолжал купец. – Увлекательное зрелище. Никто не знает, что делать. Все сошли с ума. Самые смелые погрузили свои пожитки на верблюдов и лошадей и дали деру, но скоро они потеряют все. Еще до появления мусульман племена аша и лун, которые поджидают в пустыне, нападут на них. Ни у кого нет ни малейшего шанса спастись, даже у нас. Разбойники заберут животных и скarb, разденут людей догола, а потом бросят подыхать в пустыне! – Гуан понизил голос: – Но, несмотря ни на что, я знаю, как быть. Есть место, где можно спрятать сокровища. Не важно, придут мусульмане или тангуты, этому месту ничто не грозит. – Купец молча наблюдал за Синдэ, словно ожидая его ответа. Но Синдэ молчал, и Гуан снова заговорил: – Ну что? Я возьму твое ожерелье на хранение. Не бойся, себе не присвою – если выживешь, верну в целости и сохранности. Давай его сюда!

У Синдэ не было никакого желания отдавать Гуану ожерелье. Гуан заметил это и совершенно другим тоном произнес:

– Я могу сказать тебе, где спрячу ожерелье. Ты ведь согласишься, если сам будешь присутствовать при том, как я замурую его в тайнике вместе со своими драгоценностями?

– замуруешь?

– Да. Я схороню все сокровища в надежном месте и не прикаснусь к ним, пока не кончится война.

– И где же будет тайник?

– Узнаешь, когда отдашь ожерелье. Кроме меня, об этом месте никому не известно, и, даже если весь Шачжоу превратится в поле боя, ожерелье там будет в безопасности. Не важно, сколько лет продлится война, никто его не тронет. Вот что это за место! – Очевидно, Гуан понял, что и так уже зашел в разговор слишком далеко, поэтому можно рассказать Синдэ еще кое-что. – Прошлой ночью мои люди начали готовить для захоронения ценностей огромную пещеру. Я сказал семье Цао, что с радостью спрячу и их сокровища. Они не доверяют мне и отказались, но в конце концов сами будут молить меня о помощи. Мы выходим завтра на рассвете, и, возможно, к этому времени они передумают. Ты тоже подумай. Если не изменишь решения – считай, что сам упустил свою удачу. – На этом, даже не попрощавшись, Гуан вернулся к своим людям.

Слова о тайнике произвели странное впечатление на Синдэ. Он сомневался, что укромное местечко существует на самом деле, при этом внезапно ему страстно захотелось узнать, где оно, появилось ощущение, что тайник может ему когда-нибудь пригодиться для чего-то очень важного... Но для чего? Синдэ вздохнул. Он понимал, что Гуан намерен воспользоваться всеобщим смятением и завладеть чужим добром. Очевидно, купец искренне верил, что его минует судьба, уготованная шачжоуским ханьцам, и что, даже если все погибнут, он один выживет. Хозяева не вернутся за своими вещами, и он станет обладателем целого состояния... Удивительный человек! Не боится ни шальных стрел, ни разбойников, ни плена! Синдэ неожиданно проникся симпатией к этому дерзкому негодяю. И принял решение.

Он приблизился к костру и сделал знак Гуану. Купец сразу вскочил, подошел к нему и победоносно осклабился:

– Ну что? Поразмыслил? Лучше ведь оставить ожерелье у меня, да?

– Да, я отдам тебе ожерелье. С одним условием. Ты покажешь мне тайник.

– Можешь пойти со мной завтра. Будь здесь на рассвете. – Гуан немного помолчал и снова заговорил: – Ну вот что. Я скажу, где находится тайник, потому что доверяю тебе, но больше никому ни слова. Если правда выйдет наружу, я буду знать, что ты проболтался. Близ Шачжоу, в горах Минша, есть Пещеры тысячи будд, я нашел там несколько пустых гротов – идеальное укрытие для клада. – Молодой купец с вызовом уставился на Синдэ и продолжил: – Скорее всего, тангуты там ничего не тронут. Юань-хао как-никак буддист – он не позволит разорить пещеры. В некоторых из них, кстати, есть заброшенные ходы – кто-то хотел прорубить новые гроты, да так и не довел дело до конца. Мы положим в них сокровища и замуруем. Даже если придут мусульмане и опустошат Пещеры тысячи будд, вряд ли они обнаружат эти отверстия. Да и вообще, мусульмане стараются держаться подальше от буддийских святынь – не оскверняют чужую веру. Сомневаюсь, что они устроят там жилища для своих воинов или конюшни. Впрочем, нашему тайнику и в этом случае ничто не угрожает.

Синдэ уже слышал о Пещерах тысячи будд в горах Минша – молва о них докатилась и до его родной провинции Хунань.

Горы Минша высились неподалеку от Шачжоу. Подножие восточных склонов было изрыто рукотворными гротами, в каждом находились великолепные настенные росписи и статуи Будды. Неведомо, кто начал высекать в камне эти пещеры, дабы увековечить Мудрость

Учителя, но в народе говорили, будто их втайне расширяют и украшают последователи Шакьямуни с древнейших времен и по сей день.

Разумеется, Синдэ никогда не видел Пещер тысячи будд и мог судить о них лишь по отрывочным описаниям в книгах, однако все знали, что это одна из самых известных буддийских святынь в приграничных землях. Еще он вспомнил, что в ту ночь, когда они встретились с Гуаном в Гуачжоу, тот обмолвился о своем дедушке по материнской линии, который обустроил в горах Минша несколько гротов. Вероятно, именно поэтому Гуан и решил спрятать сокровища в Пещерах тысячи будд.

– Сколько отсюда до склонов Минша? – спросил Синдэ.

– Всего пять ли. Ежели хорошенько прищпорим лошадей, поспеем за час.

– Стало быть, договорились. Завтра на рассвете я приду на стоянку твоего каравана.

– Не забудь ожерелье, – напомнил Гуан.

Синдэ не хотелось возвращаться в тесную храмовую каморку, и, расставшись с купцом, он прогулялся по Шачжоу, который вскоре должен был исчезнуть с лица земли.

Город кишел перепуганными беженцами, тянувшими за собой лошадей и верблюдов с поклажей. Шачжоу отличался от других укрепленных поселений, которые Синдэ видел в западных областях: здесь были широкие улицы, обсаженные раскидистыми деревьями, на площади – старые, внушительного вида торговые заведения и харчевни. Синдэ покинул базарный квартал и оказался в жилых районах с рядами больших домов за глинобитными стенами. Там тоже царил паника, на улицах было не протолкнуться, но люди вели себя чуть спокойнее. Время от времени гомон стихал и воцарялось гнетущее молчание. На небе появилась кроваво-красная луна.

Синдэ отправился в квартал, застроенный храмами. Они были намного больше тех, в восточной части города, где Цао Сяньшунь разместил воинов Чжу Ванли. Как и следовало ожидать, здесь было тихо, монахи хранили душевное равновесие, и шум сборов не достигал улиц.

Синдэ забрел на территорию огромного монастыря – храма Великого облака. Справа от ворот высилась многоярусная пагода, ровнехонько над шпилем которой висел алый диск луны. Мрачные тени пагоды и других зданий ложились на почти невидимую в ночном сумраке землю. Ни шороха, ни человеческого голоса. Неужели монахи уже сбежали? Синдэ прошел в глубь монастыря и, увидев свет под изогнутой крышей, приблизился к низкому строению – похоже, это было хранилище священных книг. Входные двери оказались чуть приоткрытыми. Внутри горели свечи, на полу громоздились горы буддийских свитков, а среди них возвышались фигуры троих совсем юных монахов. Двое стояли, один присел, склонившись над книгами. Все трое были так поглощены работой, что не заметили появления чужака. Сначала Синдэ не мог понять, чем они занимаются, потом догадался: монахи сортировали священные тексты. Порой они брали в руки и долго разглядывали какой-нибудь свиток, затем откладывали его в сторону – направо или налево, в одну из стопок, – и принимались за другой. Синдэ как зачарованный долго наблюдал за ними. Наконец он решился заговорить:

– Что вы делаете?

Юноши вздрогнули и одновременно оглянулись.

– Кто ты? – нахмурился один из них.

– Не бойтесь, я не враг. Чем вы занимаетесь? – повторил вопрос Синдэ.

– Разбираем сутры и шастры.

– И что вы потом будете с ними делать?

– Когда храм загорится, возьмем отложенные свитки и уйдем из города.

– То есть вы собираетесь оставаться здесь, пока тангуты не подожгут Шачжоу?

– Конечно.

– Но ведь это опасно! Вы что, не слышали? Был дан приказ об эвакуации.

– Даже если так, неужели ты думаешь, незнакомец, что мы можем убежать, не исполнив свой долг? Не знаем, как другие, но мы останемся здесь даже после начала пожара – у нас ведь еще работы непечатый край.

– А где ваши собратья?

– Ушли, но что нам до них – мы сами вызвались на это дело.

– А где настоятель?

– С прошлой ночи он во дворце, решает, как поступить с храмом.

– Но почему вы не хотите все бросить и уйти, пока не поздно?

На лицах молодых монахов появилось презрение. Самый младший из них, до сих пор хранивший молчание, проговорил:

– Число прочитанных нами сутр не стоит упоминания, ибо еще больше таких, к которым мы не успели даже прикоснуться. Мы хотим приобщиться к их мудрости.

Ответ юноши тронул Синдэ до глубины души. Он вспомнил, как сам не раз произносил те же слова много лет назад.

Пожелав монахам удачи, Синдэ покинул книгохранилище – ему надо было как можно скорее увидеться с Яньхуэем. Улицы по-прежнему были полны людьми, Синдэ то и дело приходилось отступать в сторону, прижиматься к оградкам, чтобы пропустить группы беженцев. Во дворце стражник провел его по лабиринту залов во внутренние покои правителя. В центре большого помещения на кресле восседал Яньхуэй – точно так же, как когда-то в собственном дворце в Гуачжоу. Но только этот зал был намного красивее и роскошнее того, который, наверное, уже обратился в прах. Предметы обстановки и ковры переливались яркими красками в сиянии множества свечей.

Яньхуэй не разомкнул губ – лишь поднял безжизненный взгляд на Синдэ, который осведомился, чем занимается сейчас правитель Сяньшунь. Пришлось повторить вопрос.

– Вообще-то ничем. То есть он так занят приготовлениями к битве, что не желает слышать о бедах, уготованных Шачжоу. Все сгорит! Сгорит! – с отчаянием промолвил Яньхуэй.

– А что будет с храмами?

– Их сожгут.

– А монахи?

– Я слышал, что почти все они ушли.

– А как же сутры?

– Их предадут огню.

– И вы это допустите?

– А что я могу? Сяньшуню недосуг, он гонит меня прочь, когда я заговариваю с ним о сутрах.

– Тогда почему бы вам самому не отдать приказ?

– Даже если я это сделаю, ничего не изменится. Настоятели семнадцати храмов собрались на совет во внутренних покоях. Они обсуждают этот вопрос с прошлой ночи, но до сих пор не пришли к согласию. – Яньхуэй встал и принялся неторопливо расхаживать по залу. Потом опять заговорил тихим голосом, будто про себя: – Вполне естественно, что они не могут прийти к единому решению, несмотря на то что спорят уже давно. В хранилищах семнадцати храмов находится огромное количество свитков. На то, чтобы вынести их все, уйдут дни. Еще много дней понадобится, чтобы упаковать их и навьючить на верблюдов. А куда вести тысячи верблюдов со свитками? На восток? На запад? На юг? Или на север? Где искать безопасное место? – Закончив свой монолог, Яньхуэй вернулся в кресло. – Гуачжоу уничтожен. Шачжоу постигнет та же участь. Город сгорит. Храмы сгорят. И сутры погибнут в пламени.

Синдэ молчал. Да, свитков великое множество. В этот час испытаний их не удастся спасти. Честь и слава троем молодым монахам из храма Великого облака, которые, рискуя жизнью, пытаются сохранить хоть малую толику великой мудрости.

Глава 9

Вернувшись от Яньхуэя в свою каморку, Синдэ все никак не мог забыть тех юношей из книгохранилища покинутого монастыря. Как сказал Яньху-эй, от города скоро останется пепелище. Храмы, сокровища, бесценные свитки сгинут в огне, Шачжоу постигнет участь Гуачжоу. И поздно что-либо предпринимать...

Спать Синдэ не хотелось, но он все равно лег и закрыл глаза – возможно, времени вот так, в мирной тишине, отдохнуть и поразмыслить у него уже больше не будет, потому что завтра на рассвете войско Чжу Ванли примет бой. Ночь безмолствовала. Такой безмятежной ночи он и не помнил за последние годы, но эта тишина не дарила покоя – пронизывала до самых костей, давила на грудь невыносимым гнетом.

Синдэ вспомнил веселые улицы Бяньляна – восточной столицы империи Сун. По ним прогуливались нарядные мужчины и женщины, проплывали паланкины надменных сановников, а в кронах вязов шелестел ветерок, не приносящий с собой песка и пыли. Там были купеческие лавки, где продавалось все на свете, ряды харчевен, где устраивались всевозможные праздники и званые обеды. В кварталах у Восточной башни вечно царил оживление, на базарах торговали тканями, картинами, свитками, драгоценностями и всякой всячиной; в квартале театров ютились пять десятков шатров, каждый день шли представления. Императорская улица, Дорога варваров, ворота Суаньцао... Синдэ застонал. Нет, он не тосковал по Бяньляну и не хотел вернуться, но при мысли о тысячах ли, отделявших его от главного города Поднебесной, стало вдруг невыносимо тяжело на душе. Как далеко! Почему это случилось с ним?

Синдэ задумался над тем, что привело его сюда, в пустыню. Но не смог припомнить, чтобы над ним тяготели какие-то непреодолимые обстоятельства, кроме его собственного выбора. Как вода с вершин стекает вниз, так и он подчинился естественному ходу вещей – по доброй воле. Покинув Бяньлян и оказавшись на западных окраинах, принимал участие в сражениях простым солдатом армии Западного Ся, потом встал на сторону мятежников, которые вместе с ханьцами из Гуачжоу устроили заговор и собрались вступить в смертельную битву с полчищем тангутов. Если бы у него была возможность прожить жизнь заново, он бы, наверное, вновь прошел тем же путем. Синдэ не жалел о том, что ему придется погибнуть, когда Шачжоу будет разрушен. Он уже много лет путешествовал среди холмов, протянувшихся на тысячи ли от Бяньляна до Шачжоу, а теперь лежал и раздумывал о былом. Ни разу не возникало у него желания вернуться в Бяньлян. Если бы Синдэ хотел вернуться и не сумел, то получил бы право оплакивать утерянную возможность, проклинать судьбу, но он ведь остался на границе, потому что сам сделал такой выбор. Значит, так тому и быть.

Синдэ лежал, погруженный в воспоминания, пока не услышал стук в дверь. Он тут же встряхнулся и вскочил. Оруженосец Чжу Ванли сообщил, что командующий желает его видеть.

Когда Синдэ пришел в особняк полководца, расположенный в двух кварталах от монастыря, Чжу Ванли встретил его в полном воинском облачении.

– К нам приближается передовая армия тангутов. Это сообщение доставил гонец Цао Сяньшуня, который сейчас находится за стенами Шачжоу. Я сейчас же выведу войско из города. Наши силы ничтожны по сравнению с неисчислимой ратью Западного Ся, и, по всем законам воинского искусства, нам не устоять против тангутов. Тем не менее исход грядущей битвы еще не решен – не важно как, но я должен во что бы то ни стало получить голову Юань-хао, а если он умрет, его армия разбежится. – Чжу Ванли пристально посмотрел в глаза Синдэ. – Если же я погибну, ты поставишь памятник в мою честь. Помнишь наш уговор? Я-то, как видишь, не забыл клятву, которую мы дали друг другу много лет назад. Пусть это будет огромный каменный столп, чтобы каждому, кто захочет разглядеть его, приходилось поднимать глаза.

– Значит, я не буду участвовать в битве? – спросил Синдэ.

– От такого человека, как ты, мало пользы на поле брани. Я дам тебе три сотни воинов для защиты города. Оставайся здесь и жди вестей о победе.

– Но я хочу сражаться! Я заслужил это право! Мы с вами побывали не в одном бою, и вам не в чем меня упрекнуть: я никогда не был трусом.

– Глупец! – рявкнул Чжу Ванли. – Эта битва не будет похожа на другие. Я прекрасно знаю, что ты не боишься смерти, много раз меня удивляла и восхищала твоя отвага. Но я не могу позволить тебе присоединиться к нам. Оставайся в гарнизоне. Это приказ Чжу Ванли!

Синдэ не осмелился продолжить спор и молча последовал за полководцем к месту сбора.

Очевидно, приказ к выступлению был уже отдан, потому что воины спешно покидали временные жилища и бежали к главной площади. Чжу Ванли произнес краткую напутственную речь и покинул город через восточные ворота, ведя за собой более тысячи солдат. Синдэ и триста человек под его командованием вышли за ворота проводить их. Синдэ показалось, что войску Чжу Ванли не хватает боевого духа – оно было совсем не похоже на тот передовой отряд армии Западного Ся, служивший под началом старого командира. Более половины ратников были людьми Яньхуэя, плохо обученными и ни разу не участвовавшими в боевых действиях; горящие стрелы, обрушившиеся на Гуачжоу, были их первой встречей с настоящей войной, а отступление из этого города – единственным военным опытом. Чжу Ванли собрал конный полк из ханьских наемников, много лет деливших с ним тяготы службы, и отряд пехоты из гвардейцев Гуачжоу.

Ночной воздух был таким ледяным, что пар от дыхания людей и лошадей столбом поднимался вверх. Как только воины вышли за ворота, их поглотила предрассветная мгла.

Проводив Чжу Ванли, Синдэ выстроил своих солдат у восточных ворот, устроил там штаб и расставил стражу у шести городских башен. После этого он поспешил во дворец отчитаться перед Яньхуэем. На улицах не было ни единого человека, жилые и торговые кварталы опустели, будто вымерли. Когда Синдэ ступил на территорию дворца, большой сад наполнился млечно-белым утренним светом и неожиданно показался заброшенным и одиноким.

Яньхуэй, как и в прошлую ночь, сидел в огромном кресле, и было сложно сказать, спит он или бодрствует. Синдэ сообщил ему, что армия тангутов приближается к городу и Чжу Ванли уже вышел им навстречу. Пробил час, все члены семьи Цао должны покинуть Шачжоу.

Как обычно перед лицом опасности, Яньхуэй засуетился, вскочил и пробормотал себе под нос:

– Это не так легко. – После чего засыпал Синдэ градом вопросов: – Что случилось с воинами Чжу Ванли? Живы ли мои гвардейцы из Гуачжоу? Какова участь мирных жителей?

Синдэ подумал, что правитель сошел с ума.

– Все воины отправились на битву, ваше высокопревосходительство, мирные жители покинули Шачжоу, и, наверное, здесь никого не осталось, кроме меня, трех сотен вооруженных защитников города и вас со слугами и домочадцами.

Он спросил, сколько людей находится во дворце. Яньхуэй ответил, что, вероятно, уже очень мало – некоторое время назад он обошел дворец и обнаружил, что почти все слуги разбежались. И только во внутренних покоях настоятели семнадцати храмов продолжали свое бесконечное совещание.

– И что намеревается делать ваше высокопревосходительство? – поинтересовался Синдэ.

– А что остается делать? Думаешь, можно что-нибудь изменить? – с упреком взглянул на него Яньхуэй. – Пока мы были в Гуачжоу, у нас еще оставался Шачжоу для отступления. Но теперь нам некуда бежать. С востока наступают тангуты, с запада – мусульмане. Мне остается только сидеть в этом кресле.

Яньхуэй был прав. Огромное кресло, в котором он просидел последние три дня, было последним престолом, дарованным ему на земле.

Синдэ прошелся по внутренним покоям дворца. Здесь былолюдно и шумно – заканчивались спешные приготовления к отъезду. В каждом из залов кто-нибудь из семьи Цао следил за группами без устали работавших слуг. От одного из них Синдэ узнал, что вечером они отбывают в Кочо, на северо-запад. После этого он опять вернулся к Яньхуэю.

– Ну что, посмотрел, как мои родичи пытаются спасти свою жизнь и ценности? Увы, напрасный труд! Скажи мне, где они смогут укрыться? Даже если им удастся бежать, на что им жизнь и все эти сокровища? Династия Цао падет, сутры будут сожжены, город сметен с лица земли. Скоро огонь, уничтоживший Гуачжоу, примется за Шачжоу. Помнишь те алые алчные языки? Не забыл цвет голодного пламени, которое плясало победный танец на суграх, возносясь до небес?

Голос Яньхуэя дрожал, словно у прорицателя, и Синдэ живо вспомнил пожары, которые полыхали в Гуачжоу, когда войско покидало город. Да, в том же огне сегодня сгинет и Шачжоу. Отговаривать Чжу Ванли от открытого противостояния тангутам – напрасный труд, полководец не откажется от желания покончить с Юань-хао. В итоге Юань-хао сожжет Шачжоу, и правление династии Цао бесславно закончится... И он, Синдэ, тут бессилен.

Но вдруг Синдэ в голову пришла мысль, что, возможно, ему удастся спасти сутры. Убереечь от гибели целый город он неспособен, но обязан хотя бы попытаться сохранить священные тексты. Ценности, жизнь и власть принадлежат тем, кто владеет ими, но сутры – это совсем иное. Сутры не принадлежат никому. Довольно того, что они не исчезнут в пламени. Уже то, что часть из них уцелеет, само по себе важно!.. Синдэ содрогнулся, ощутив дыхание вечности. Высшая мудрость не умрет! Пусть он не сумеет защитить от огня все сутры, но малая толика из них останется жить в веках. В тайных гротах в Пещерах тысячи будд, о которых говорил Гуан!

Синдэ, поспешно распрощавшись с Яньхуэем, помчался искать купца.

Гуан со своими караванщиками сидел на том же месте у огня, что и прошлой ночью. Пребывал он в отвратительном расположении духа.

– На рассвете столько людей с шумом и грохотом покидали город, что я не мог спать. Вот ведь устроили кутерьму! Как бы эти Цао ни старались, им не победить тангутов. Шачжоу пришел конец! О чем они только думают там, во дворце? – проворчал Гуан, очевидно раздраженный тем, что никто не согласился вручить ему свои сокровища.

– Там ужас что творится. Все заняты сборами, – сообщил Синдэ.

– Сборами? – Глаза Гуана сверкнули.

– Да, родственники правителя со всеми придворными и домочадцами уходят из города. Сегодня вечером они отправляются в Кочо, но никто не намерен отдавать ценности тебе.

– Что?! – Купец порывисто вскочил и в ярости взмахнул кулаками. – Значит, они не доверяют Вэйци Гуану? Какие негодяи! Хорошо же, пусть пеняют на себя. Один шаг за городские стены – и они окажутся в лапах лихоимцев! – Судя по всему, Гуан и сам был не прочь превратиться в разбойника, опередив племена аша и лун.

– Не кричи! – взмолился Синдэ. – Дай мне сказать. Даже если ты ограбишь семью Цао в пустыне, то сам станешь жертвой тангутских головорезов. Их армия уже окружила город. Они разбили стоянки на востоке, севере, западе и юге. Послушай меня! Я сделаю так, что семья Цао отдаст тебе на хранение большую часть своих ценностей.

Гуан недоверчиво прищурился:

– Ты правда можешь это сделать?

– Говорю же тебе! Я принесу сюда их вещи сегодня вечером.

– Вечером? Нельзя пораньше?

– Нет. – Синдэ думал о книгохранилище в храме Великого облака, где он был прошлой ночью, и об огромном количестве священных свитков. Естественно, ему хотелось собрать как можно больше текстов и из других храмов. – У тебя много верблюдов? Понадобится не меньше сотни.

– Сейчас у меня есть восемьдесят. Постараюсь добыть еще двадцать.

Гуан добавил, что немедленно отправит в Пещеры тысячи будд своих людей, чтобы они подготовили несколько самых надежных тайников. Синдэ расстался с ним, вернулся к себе, а потом в сопровождении изрядного числа подручных направился в храм Великого облака.

Трое монахов по-прежнему сортировали свитки в хранилище. Увидев толпу воинов, они замерли – вероятно, решили, что это враги. После бессонной ночи глаза юношей покраснели и запали, но по-прежнему сияли странным холодным светом. Синдэ объяснил, что хочет перенести сутры в Пещеры тысячи будд и спрятать их в потайных гротах. Только так, добавил он, можно спасти сокровища высшей мудрости от гибели в огне.

Монахи некоторое время молча смотрели на него. Потом, рассудив, что здесь нет обмана и притворства, переглянулись, будто хотели сказать друг другу: «Вот он, ответ на наши молитвы!» Синдэ наказал юношам к вечеру сложить все сутры в сундуки, чтобы их можно было легко навьючить на верблюдов, и ни слова не говорить об их содержимом караванщикам. Монахи и оставленные в их распоряжение воины принялись выносить сутры из храма на улицу, залитую бледными лучами зимнего солнца.

Понаблюдав некоторое время за работой, Синдэ опять отправился во дворец и встретился с Яньхуэем, по-прежнему безвольно сидевшим в кресле. С позволения правителя Синдэ отвели в зал, где в течение последних дней совещались настоятели шачжоуских храмов. Перед его взором предстало странное зрелище: на полу в разных позах неподвижно лежали люди в одеждах высшего буддийского духовенства. В первое мгновение Синдэ показалось, что они мертвы. Но настоятели просто-напросто спали, утомленные бесплодными спорами.

Синдэ растолкал одного из них, объяснил ему, как он собирается спасти сутры, и спросил совета. Настоятель, старец лет семидесяти, сказал, что его собратья проспят до вечера, после чего продолжат совещание, и тогда он ознакомит их с предложением Синдэ. Поскольку из семнадцати настоятелей во дворце остались всего пятеро, они представят точку зрения лишь пяти храмов – Гайюань, Ганьюань, Лусин, Цзинту и Баоэнь. Свыше пятисот монахов, монахинь и послушников во главе с двенадцатью настоятелями уже покинули город.

Синдэ извинился перед старцем за то, что потревожил его сон, и быстро удалился. Он понял, что пройдет много дней, прежде чем врата хранилищ других монастырей откроются перед ним по примеру храма Великого облака.

До вечера Синдэ оставался в своем временном штабе у северных ворот. В соседнем опустевшем доме он нашел кисть, тушечницу и принялся переписывать «Сутру сердца». Эта копия священного текста должна была послужить для успокоения духа уйгурской царевны, Синдэ собирался спрятать ее вместе со свитками и документами из храма Великого облака в тайной нише в Пещерах тысячи будд. Его выбор пал на короткую «Сутру сердца», потому что времени оставалось очень мало. Вспомнив о молодости, Синдэ перевел ее на язык тангутов. Он прервал работу лишь однажды: в сумерках гонец доставил первые вести от Чжу Ванли, который покинул город на заре. В послании говорилось, что ханьцы и тангуты стоят друг против друга на расстоянии около пяти ли, ни одна армия не выступает вперед – значит, битва начнется не раньше следующего утра. Полководец также отдавал Синдэ распоряжение закончить вывод мирного населения из Шачжоу и быть готовым в любой момент поджечь город – если ханьское войско проиграет битву, пусть врагам не достанется ничего, кроме пылающих развалин и ледяных просторов пустыни.

Отпустив гонца Чжу Ванли, Синдэ снова взялся за кисть и продолжил переписывать сутру. К этому времени в городе не осталось почти никого, за исключением трех сотен воинов, которые нетерпеливо ждали, когда же наконец начнется бой. Один Синдэ был спокоен. Из окна он видел летящую на юг вдоль линии горизонта стаю птиц, похожую на россыпь угольков.

Покончив с сутрой, Синдэ добавил от себя:

«Второй год правления под девизом Цзинью,³⁷ 13-й день 12-й луны.

Цзюйжэнь Чжао Синдэ из уезда Таньчжоу, подвластного великому государю династии Сун, путешествуя на запад от Желтой реки, оказался в Шачжоу. Варвары наводнили эту землю, и воцарилась смута. Нищенствующие монахи из храма Великого облака перенесли священные сутры в Пещеры тысячи будд и спрятали их там. Я же, недостойный, был вдохновлен на переписывание «Сутры сердца» и схоронил ее в пещерах вместе с остальными свитками.

Моя первая просьба обращена к божествам-дева, дабы защитили они город Шачжоу, даровали мир его жителям.

Моя вторая просьба о том, чтобы девушка из Ганьчжоу, благодаря благодати моего деяния, избежала вечных мук, а карма ее бесчисленных рождений в сансаре очистилась. Да обретет она милость Будды и вечное блаженство».

Начертав слова «девушка из Ганьчжоу», Синдэ замер, кисть застыла над тушечницей. На мгновение перед его взором возник образ уйгурской царевны, бросившейся с высокой городской стены. Лицо царевны в этом видении было намного бледнее, чем когда-то в жизни, волосы обрели каштановый оттенок, а фигура – призрачную хрупкость. Годы изменили ее в памяти Синдэ.

³⁷ 1036 г

Глава 10

Солнце опустилось за пустынный горизонт. В рассеянном вечернем свете по небу проплыло облако, похожее на голову яка, медленно меняя форму и цвет. Ослепительное алое зарево с золотистым отливом сделалось оранжевым, потом пунцовым и, наконец, бледно-пурпурным. Когда темно-синие сумерки поглотили пурпур, Синдэ вышел из дома, сел на верблюда и отправился к назначенному Гуаном месту встречи. В стужившейся темноте смутно проступали очертания людей и животных. Погрузка уже началась. Подъехав поближе, Синдэ разглядел погонщиков, суетившихся возле верблюдов; время от времени до его слуха доносился свирепый голос купца: стоило Гуану заметить, что кто-то из его работников спотыкается под тяжелой ношей, как он с бранью набрасывался на беднягу.

При виде Синдэ купец отрывисто бросил вместо приветствия:

– Сегодня будет луна.

Синдэ промолчал, не придав этим словам значения.

– Все равно нам придется сделать два захода, – продолжал Гуан, – чтобы отвезти все ценности. Было бы ужасно, если бы выдалась безлунная ночь, но нам повезло.

В этот миг бледный диск ночного светила вынырнул из облака над их головами. Несмотря на крики и ругань, было очевидно, что Гуан находится в отличном настроении.

– Это все? – спросил Синдэ, глядя, как быстро тает огромная гора тюков на песке.

– Это я должен у тебя спросить. Ты обещал вытрясти из богатеньких Цао их безделушки.

– Вещей будет много – десяток сундуков, – предупредил Синдэ.

– Не беда! – обрадовался Гуан. – Прорубим дополнительные гроты! Сейчас повезем то, что уже имеется, за остальным вернемся. А что в сундуках?

– Не знаю, их заполняли без меня. В любом случае там дорогие вещи.

– И драгоценности?

– Конечно. Нет, лично я их не видел, но уверен, что они там есть. Наверняка это бирюза, фарфор, янтарь, нефрит. Кстати, я дал обещание не заглядывать в сундуки. Ты тоже к ним не прикасайся.

– Очень надо! – буркнул Гуан.

Как раз в этот момент на стоянке каравана появились пять лошадей, навьюченные сундуками, за ними следовали трое молодых монахов из храма Великого облака. Синдэ подошел к ним и спросил:

– Всё привезли?

– Почти, – ответил старший монах и шепотом объяснил, что сначала они решили упаковать только отложенные сутры, но, поскольку времени было мало, стали кидать в сундуки все свитки без разбора.

Синдэ напомнил юношам, что ни при каких обстоятельствах они не должны говорить погонщикам, что находится в сундуках. Потом попросил их присоединиться к каравану и приглядывать за бесценной поклажей, пока свитки не будут спрятаны в пещерах. Каждый из троих заявил, что готов последовать за священными текстами хоть на край света.

Синдэ вернулся к Гуану и сказал ему, что с ним поедут три монаха.

– Вот уж дудки! Я согласился взять с собой тебя, но не потерплю, чтобы кто-то еще путался у меня под ногами. – Обиженно надувшись, Гуан помолчал, поразмыслил и в конце концов смиловился: – Ладно, думаю, ничего не случится, если мы их прихватим. Сложим сундуки в пещеры и вернемся сюда за второй партией сокровищ, а эти молокососы останутся там охранять драгоценности.

Гуану не хотелось расширять круг посвященных, но, будучи человеком практичным, он понимал, что лишние работники ему сейчас очень даже пригодятся. Купец и словом не обмол-

вился об этом, однако Синдэ и сам заметил, что по сравнению со вчерашним днем караван изрядно уменьшился: от сотни верблюдов, которыми похвалялся Гуан, осталась лишь половина, вдвое сократилось и число погонщиков – очевидно, сбежали и увели за собой животных.

Пока погрузка не закончилась, Синдэ успел навеститься в штаб и передать командование тремя сотнями защитников города воину средних лет с заячьей губой, которого Чжу Ванли оставил ему в помощь. На душе у него при этом было беспокойно: неизвестно, что случится во время его отсутствия, но уже и так ясно, что на поле боя от этого рубаки с заячьей губой будет больше толку, чем в гарнизоне.

Когда Синдэ вернулся на стоянку, караван верблюдов с тяжелой поклажей уже собирався покинуть город через восточные ворота – те самые, из которых утром вышло войско Чжу Ванли. Гуан восседал на пятом в цепочке верблюде, и Синдэ пристроился следом за ним. Трое молодых монахов замыкали процессию. Теперь, во главе каравана, Вэйци Гуан показался Синдэ еще более величественным, чем прежде. Купец прямо-таки раздулся от гордости. Еще бы, он ведь навьючил на шестьдесят верблюдов все богатства, собранные многими поколениями династии Цао, которая управляла западными областями! По крайней мере, так думал сам Гуан. И эта уверенность придавала ему такой надменный вид, что Синдэ на одно-единственное мгновение даже устыдился своего обмана и пожалел беднягу.

Как только караван вышел за ворота, свет луны сделался ярче, люди стали поеживаться от холодного ночного воздуха. Вереница верблюдов направилась на восток, озаренная серебристым сиянием. Река Дан замерзла, увядший тростник у берегов пронзал толстый слой льда, по которому караван и перешел реку. Еще несколько ли – и дорога повернула на юг, здесь поля заканчивались, начиналась пустыня. Синдэ в последний раз оглянулся назад. На песке тени, отбрасываемые людьми и верблюдами, казались темнее. Верблюды, вытянувшись в длинную цепочку, медленно вышагивали друг за другом. Было что-то трогательное в неторопливой поступи шестидесяти животных, навьюченных свитками и шествующих по освещенной луной пустыне. Синдэ вдруг почувствовал странную щемящую печаль, смешанную с тихой радостью, возможно оттого, что он скитался по приграничным землям столько лет ради одной этой ночи...

Наконец караван добрался до притока реки Дан. Здесь вода тоже была скована льдом, но погонщики не стали переходить на другой берег: дорога, бежавшая вдоль притока, должна была привести их прямо к Пещерам тысячи будд.

Они прошли около трех ли. Пронизывающий ледяной ветер становился все злее, закручивал песчаные вихри. В темноте люди не видели их – лишь ощущали, как песок жалит щеки, бьет в глаза. При каждом порыве ветра верблюды поворачивались боком, продвижение каравана вперед замедлялось. К тому времени, когда они достигли наконец подножия гор Минша, где находились Пещеры тысячи будд, Синдэ так замерз, что его тело совсем потеряло чувствительность.

– Мы на месте! – Гуан, закутанный в тяжелую меховую накидку, поднес руку ко рту и пронзительно свистнул – верблюды остановились, погонщики спешили.

Синдэ посмотрел на гору, вздымавшуюся к небу прямо перед ним. Ее склон был испещрен бесчисленными большими и малыми отверстиями. В лунном свете поверхность горы отличала синевой, и только пещеры зияли черными провалами, словно пустые глазницы.

Караванчики немедленно приступили к разгрузке.

– Иди за мной! – приказал Гуан Синдэ и, отделившись от остальных, двинулся к занесенному песком подножию.

Им нужно было преодолеть каких-то десять – пятнадцать сяку, но подъем оказался нелегким, потому что слежавшийся песок не выдерживал веса и рассыпался под ногами. Гуан и Синдэ все же кое-как вскарабкались по склону и остановились у пещеры.

– Самая большая ниша, которую можно приспособить под тайник, находится здесь, справа от входа. На случай, если места не хватит, я подыскал еще четыре грота поблизости, пойдем покажу. – Гуан направился было дальше, но вдруг передумал. – Хотя нет, сейчас они тебе ни к чему... Слушай, я оставлю тебе человек десять, пусть помогут монахам перенести сюда сокровища, а мне надо за второй партией драгоценностей съездить.

Купец принялся спускаться. Синдэ решил, что осмотрит пещеры позже, и вслед за ним вернулся к стоянке каравана. Разгрузка уже была завершена, сундуки выставлены в два ряда на земле. Отобрав десятерых погонщиков и велел им подчиняться Синдэ, Гуан приказал остальным трогаться в путь. Он хотел увести с собой всех верблюдов, но Синдэ попросил оставить четырех ему. Сначала купец и слышать об этом не желал, потом все же согласился – на одного.

Когда караван исчез из виду, погонщики взялись разводить костер, а Синдэ и трое монахов поднялись к гроту, указанному Гуаном. Это был нижний уровень трехъярусной пещеры, судя по всему, одной из самых больших. Внутри, с левой стороны, стена была расписана изображениями бесчисленных бодхисатв, которые в лунном свете, пробивавшемся снаружи, казались синевато-серыми, – вероятно, краски выцвели от времени, а может, ночь творила чудеса. Противоположная стена тонула в темноте, и фрески на ней невозможно было разглядеть, – очевидно, сама пещера была намного шире, чем входное отверстие. Один из монахов, стоявших рядом с Синдэ, сказал:

– Смотрите, там ниша!

В северной стене, ближе к полу, действительно зиял чернотой провал, только это была не ниша, а сквозная дыра два на пять сяку, через которую мог бы пролезть человек.

– Схожу на разведку, – вызвался самый молодой монах. Он присел, сунул в непроглядный мрак дыры сначала руку, затем голову и медленно исчез в темноте.

Некоторое время стояла тишина. Наконец монашек появился и доложил:

– Думаю, там можно спрятать свитки – внутри сухо и грот довольно просторный, но мне не удалось выяснить, какую он имеет форму и есть ли там боковые ходы в другие пещеры...

– У погонщиков должны быть факелы, – оживился Синдэ.

Монашек тут же выскользнул из пещеры и вскоре вернулся с двумя погонщиками, один из которых нес светильник – плоску с овечьим жиром. Все по очереди протиснулись через узкое отверстие в смежный грот, чтобы как следует его осмотреть. Грот оказался квадратным – десять на десять сяку, без боковых ходов, все четыре стены были покрыты росписями: среди деревьев со склоненными ветвями лицом к лицу стояли монахини и служители, на ветвях висели фляги с водой и торбы со съестными припасами; монахини держали большие опахала, а служители опирались на длинные посохи.

Синдэ решил, что это вполне подходящее место для сутр: здесь поместятся все буддийские свитки, которые они привезли, к тому же узкий вход будет легко замуровать. Он вышел из пещеры, созвал погонщиков и велел им приступать к работе. Трое получили задание вскрывать сундуки и доставать из них свертки с сутрами, остальные семеро должны были относить священные тексты в пещеру, а монахи – аккуратно выкладывать их в ряды. Синдэ пришлось пожертвовать безопасностью и открыть сундуки, потому что их не удалось бы протолкнуть в тесное отверстие в стене первой пещеры, а времени на то, чтобы расширить проем, у него не хватило бы – надо было спрятать все сутры, пока не вернулся Гуан.

Караванчики с драгоценным грузом не церемонились: двое поднимали сундук и бросали его на землю, чтобы расколоть, или молотили по нему палками и камнями.

Семеро погонщиков без усталости входили в пещеру со свитками и возвращались, Синдэ помогал им. Свертки были разные: большие и маленькие, тяжелые и не очень. Прижимая к груди священные тексты, люди друг за другом карабкались по зыбкому песчаному склону, протискивались через узкий проем в потайной грот, передавали свою ношу монахам и шли за новой охапкой свитков. Погонщики молчали, сосредоточившись на работе, – ни ругани, ни

зубоскальства, ни праздной болтовни, словно они выполняли поручение самого Будды. Все устали, хотели спать, двигались очень медленно, однако в их однообразных, слаженных движениях чувствовалась сила и целеустремленность. Число свитков достигало десятков тысяч.

Постепенно гора сундуков таяла, рядом с ней росла гряда сломанных досок. Наконец вся пещера заполнилась свитками, осталось только маленькое свободное пространство возле отверстия. Монахи вылезли наружу. Синдэ занял их место в гроте, вытащил из-за пазухи список «Сутры сердца» и в полной темноте положил его на гору свитков. Вот и все. Он вдруг ощутил пустоту в душе, словно только что бросил труд всей своей жизни в океан, и в то же время умиротворение. Дело закончено. В сердце Синдэ воцарился покой.

– Остается только замуровать вход, – со вздохом облегчения объявил он, выбравшись из грота.

Монахи взяли эту обязанность на себя. А Синдэ решил вернуться в город. Погонщики сложили из разломанных сундуков костер и улеглись вокруг него спать. Синдэ постоял немного у огня, раздумывая, ехать одному или позвать их с собой. В конце концов он выбрал последнее, рассудив, что опасно оставлять монахов с этими приспешниками Гуана – вдруг купец дал им приказ убить свидетелей.

Разбудив погонщиков, Синдэ велел им собираться в путь. У них был только один верблюд, и Синдэ залез на него, а погонщикам пришлось идти пешком. Сначала они возроптали, но потом все же подчинились – ведь за работу хозяин посулил им щедрое вознаграждение, да и с этим ханьским грамотеем он разговаривает на равных, так что лучше уж выполнять его распоряжения.

Когда Синдэ вернулся в город, солнце уже стояло высоко. Он наведаясь в штаб у северных ворот и обнаружил, что, кроме часовых, все воины, в том числе рубака с заячьей губой, оставшийся за старшего, крепко спят. Сам Синдэ не спал две ночи подряд и совершенно выбился из сил, но он заставил себя пойти на площадь, где по уговору должен был ждать Гуан. Ни Гуана, ни его людей там не оказалось, и нетрудно было догадаться, куда мог направиться жадный купец. Оставив погонщиков на площади, Синдэ поспешил во дворец. У ворот не было даже стражи. Хоромы правителя Цао опустели.

Синдэ на всякий случай решил заглянуть в зал, где в прошлый раз видел Яньхуэя, и, не особенно надеясь на ответ, крикнул у закрытых дверей:

- Ваше высокопревосходительство!
- Кто там? – тотчас отозвался Яньхуэй.
- Так вы еще здесь! – Синдэ вошел в зал.
- А где мне быть? – проворчал Яньхуэй, как и прежде восседавший на кресле.
- Что же ваши родственники? Неужели тоже остались в Шачжоу?
- Еще чего! Вчера вечером они сбежали в Кочо, на уйгурские земли.
- А как же вещи? Здесь повсюду сундуки и ларцы, готовые к отправке...

Яньхуэй рассмеялся неприятным скрипучим смехом, который больше походил на приступ кашля.

– Не повезло им! Уложили все свое добро, но когда настало время уходить, в городе не нашлось ни одного верблюда и ни одного погонщика. Вот ведь недотепы! – Бывший правитель Гуачжоу опять разразился безумным хохотом. – Пришлось им взять только то, что можно было унести в руках.

- Вэйци Гуан был здесь?
- Купчишка? Этот мерзавец во внутренних покоях.
- Что ему нужно?
- Откуда я знаю?

Синдэ бросился вон из зала.

- Гуан! – позвал он.

Никто не откликнулся. Миновав несколько внутренних помещений, Синдэ выскочил на галерею и увидел дворик, в котором среди зарослей красных цветов суеились знакомые караванщики.

– Гуан!

Мужчина в меховой накидке обернулся. Это был Вэйци Гуан собственной персоной. Синдэ приблизился. По всему двору валялись сундуки и ларцы; некоторые были открыты, содержимое рассыпалось, драгоценности, утварь, роскошная одежда, отрезки ткани в беспорядке громоздились повсюду. Гуан и его подручные выискивали самые ценные вещи и торопливо увязывали их в тюки.

– Что ты делаешь? – ошеломленно пробормотал Синдэ.

– Сам не видишь? – рявкнул купец. – Здесь столько всего, что не увезти и на двух сотнях верблюдов!

Гуан продолжил просматривать содержимое сундуков, вскрытых погонщиками, и указывать, что выбросить, а что сложить в отдельную кучу. Наконец до него дошло, что Синдэ пристально наблюдает за ним, и его лицо посуровело.

– А ты почему здесь? Что с сокровищами?

– Надежно спрятаны в пещере. Я обо всем позаботился.

– Молодец. – Гуан кивнул и вновь занялся делом. Казалось, это никогда не кончится: сокровища династии Цао заполняли не только внутренний дворик и прилегающие галереи, но и другое крыло дворца.

Синдэ некоторое время следил за действиями мародеров. Выхватив из кучи отобранного добра огромный ковер редкостной красоты, накрывший почти весь двор, Гуан выругал подручных за то, что они складывают совершенно бесполезные вещи.

– А ну выбросите его! – рявкнул он.

Один из погонщиков вцепился в ковер. Намечалась перебранка. Синдэ молча повернулся к ним спиной и побрел к Яньхуэю, который сидел в полном одиночестве, склонившись на подлокотник кресла.

– Ваше высокопревосходительство! Битва может начаться в любую минуту. Пора в путь.

– Коли битве суждено начаться, не все ли равно, когда это произойдет? Я останусь здесь.

– Здесь нельзя оставаться! Вы должны сейчас же покинуть город!

– Это почему же, друг мой?

– Почему? – опешил Синдэ. – Потому что человек должен жить столько, сколько ему отмерено...

– Должен жить? – Яньхуэй повторил эти слова так, будто они показались ему очень странными. – Это вопрос не долга, а желания. Тот, кто хочет жить, не умрет. Если сам ты надеешься выжить, возьми. – Яньхуэй открыл ларец, стоявший у его ног, достал оттуда большой футляр – в таких хранились свитки – и протянул его Синдэ. – Я хочу, чтобы ты сберег ее.

– Ее?...

– Книгу. Это история семьи Цао.

– И что мне с ней делать?

– Что хочешь. Можешь прочесть ее, сжечь или выбросить.

– Если дело в этом, то я могу просто оставить ее здесь...

– Нет, только не здесь. Брат доверил мне семейную летопись на хранение, а я не собираюсь задерживаться в этом мире, поэтому перепоручаю заботы о дорогих его сердцу свитках тебе.

У Яньхуэя был такой вид, будто у него гора с плеч упала. А раздосадованному Синдэ ничего не оставалось, как только убраться восвояси. Вернувшись в свою каморку, он почувствовал полнейшее безразличие к своей судьбе и к участи Шачжоу, упал на ложе и мгновенно заснул.

Разбудил его гонец от Чжу Ванли. В небе сияло солнце. Яркие лучи, мирная тишина... Послание было коротким: «Сяньшунь погиб в бою». Синдэ ничего не удалось узнать от гонца, кроме того, что войско Чжу Ванли еще не принимало участия в битве.

Синдэ опять лег и задремал. Ему приснился сон. Он стоял на вершине исполинской скалы и глядел на заходящее солнце. Перед ним, словно бескрайнее море, раскинулась пустыня, вокруг вздымались и опадали дюны, похожие на волны. Взглянув вниз, Синдэ увидел крошечные, почти неразличимые глазом деревья. Он почувствовал чье-то присутствие. На него пристально смотрел Чжу Ванли. В лучах заката лицо полководца алело, будто залитое кровью, глаза сверкали багровым огнем.

Внезапно взгляд Чжу Ванли смягчился. Он шагнул навстречу Синдэ. «Дружище, у меня есть для тебя подарок! – пошарил рукой под своим нагрудником и сокрушенно вздохнул: – Эх, прости, потерял я ожерелье царевны, в бою обронил. Стало быть, дни мои сочтены. Не суждено мне добыть голову Юань-хао. Увы-увы...»

И только тут Синдэ заметил, что из груди полководца торчат несколько стрел, хотел их вытащить, но Чжу Ванли отшатнулся и сурово приказал: «Не трогай! Я всегда мечтал о такой смерти. Смотри!» – Он выхватил меч и, взявшись обеими руками за лезвие, начал засовывать его себе в рот.

«Что вы делаете?!» – закричал Синдэ.

В то же мгновение тело Чжу Ванли взмыло в воздух, словно подхваченное порывом небесного ветра, а потом упало к подножию скалы.

Синдэ разбудил звук собственного голоса. Сердце учащенно билось, одежда взмокла от пота. Он не помнил слов, но был уверен, что кричал во сне: «Не надо! Ваше высокопревосходительство! Не надо!» В этот миг на улице раздался шум. Синдэ вскочил, выбежал за ворота храма. Мимо спешили ратники с охапками сухого горящего тростника, лязгало оружие, гремели доспехи. Синдэ помчался в штаб. У ворот метался воин с заячьей губой, выкрикивая команды.

– Что происходит? – спросил Синдэ, пробившись к нему сквозь толпу суетившихся вокруг костров солдат.

Рубака широко раскрыл свой ужасный рот и ухмыльнулся:

– Мы поджигаем город!

– Где Чжу Ванли?

– Пал в бою! Сначала подпалим Шачжоу, а потом начнем отступление! – Охваченный боевой лихорадкой, воин в тот же миг забыл о Синдэ и принялся орать во всю глотку: – Разводите костры! Шачжоу не достанется врагу!

Синдэ подумал, что может еще увидеть битву, и поднялся на крепостную стену. Но оттуда было невозможно что-либо разглядеть. Равнина, над которой низко нависло кроваво-красное заходящее солнце, была пуста. Синдэ долго напряженно прислушивался и наконец различил отдаленный шум сражения – оно кипело где-то там, далеко за холмами. Оглянувшись, он увидел, что над городом поднимается дым.

Синдэ понял, что ему больше нечего делать в этом изменчивом мире. Он потерял Чжу Ванли и вместе с ним – смысл своей жизни. Если бы старый полководец уцелел в этой битве, как в бесконечной череде предыдущих, в которых они сражались бок о бок, он, Синдэ, пожил бы еще, до новой смертельной схватки с врагом, но, раз уж Чжу Ванли мертв, ему тоже не место среди живых.

Когда он спустился с крепостной стены, в городе уже вовсю полыхали пожары, оглушительно трещало, погибая в огне, дерево, иссушенное ветрами пустыни. Синдэ побрел к северным воротам и уселся на камень. Вокруг никого не было. Обезумевший воин с заячьей губой исчез, пропали из виду и остальные солдаты. Зато перед мысленным взором Синдэ отчетливо стоял образ полководца. Синдэ снова и снова видел, как Чжу Ванли, теперь уже не на скале, а

на поле брани, вонзает меч себе в рот... Он сражался до последнего, его меч затупился, запас стрел иссяк, у него не осталось сил и другого выхода, кроме как покончить с собой... Да, старый воин мог погибнуть именно так, как в том сне...

Внезапно в лицо Синдэ повеял горячий ветер и вернул его к жизни. Это было жаркое дыхание пожара. По земле к северным воротам медленно подползали черные клубы дыма. И вдруг из-за этой плотной завесы, пошатываясь, вышел человек.

– Гуан! – воскликнул Синдэ и поднялся на ноги.

За спиной купца, в дыму, один за другим проступали силуэты верблюдов.

– Все пропало! – простонал Гуан. – Ну что за недоумки это устроили? Подлые вредители! Зачем поджигать город до прихода врага? Гнусные негодяи! – Он злобно уставился на Синдэ, словно тот собственноручно разводил костры. – Чего смотришь? У меня еще есть к тебе дело. Идем!

– Куда?

– Что значит – куда?! Ты что, хочешь остаться здесь и изжариться заживо?

Гуан первый вышел за ворота. За ним последовали два десятка верблюдов, он их пересчитал и кивком указал Синдэ на последнего.

Синдэ покорно устроился меж двух горбов. Ему некуда было идти. Он бы опять отправился на поле боя, если бы Чжу Ванли был жив, но старый полководец покинул этот мир, а присоединиться к осиротевшему без него войску, которое все равно отступает, Синдэ не хотел.

Когда они вышли за ворота, шум сражения сделался громче. Казалось, он доносится и с востока, и с запада.

– Куда мы идем? – равнодушно спросил Синдэ.

– В Пещеры тысячи будд, куда же еще? – фыркнул Гуан. – Мы ведь спрятали там прошлой ночью сокровища, верно? Или нет? А? – Он угрожающе прищурился. – Если ты собирался меня провести, то тебе это не сойдет с рук, потому что теперь тайник – моя единственная надежда, в Шачжоу все труды пошли прахом, всё сгорело, всё, понимаешь?

Гуан продолжал жаловаться вслух и последними словами ругать защитников Шачжоу, которые спалили город вместе с награбленным им, Гуаном, добром, а Синдэ тем временем думал, что было бы действительно неплохо еще раз навеститься в Пещеры тысячи будд. Он, конечно, доверял троим монахам, но ему хотелось убедиться, что они надежно замуровали вход в пещеру со свитками. Синдэ надеялся, что работа уже закончена, потому что, если Гуан узнает про обман, им не поздоровится...

Оба молчали, переходя замерзшую реку Дан и вступая в пустыню. Вдалеке, на южной оконечности песчаной равнины, скакали к горизонту три десятка всадников. Скорее всего, это был отступающий на запад отряд разбитого войска. Потом им встретилось еще несколько подобных групп. Все они шли по южному краю пустыни на запад. Иногда ветер приносил отзвуки битвы.

– Эй, Синдэ! – рявкнул вдруг Гуан.

В его лице было что-то зловещее, и Синдэ вздрогнул. Купец подъехал вплотную к нему:

– Что ты сделал с ожерельем? Спрятал его в пещере?

Синдэ молчал.

– Оно ведь все еще у тебя? – не отступался купец. – Отдай его мне, не упрямясь. Тебе оно все равно ни к чему. Времена изменились: Шачжоу сожжен, Цао с позором бежали. Откуда тебе знать, что принесет завтрашний день? Уже сегодня огромная армия тангутов может занять все эти земли. Если мы останемся здесь, то, наверное, умрем с голоду или нас убьют.

У Синдэ при упоминании о голодной смерти сразу заурчало в животе. Он вспомнил, что утром проглотил немного безвкусной пищи в штабе, и больше ничего не ел весь день.

– Я голоден. У тебя есть что-нибудь?

– Ты что, глухой? – рассвирепел Гуан. – Я тебе про ожерелье толкую, а ты про что? – Тем не менее он вытащил из-за пазухи рисовую лепешку и протянул ее Синдэ. – Отдай мне ожерелье!

– Нет.

– Отдай, пока добром прошу. Тебе что, жить надоело?

– Не отдам. Я тебя не боюсь.

– Да ну? – Гуан наподдал верблюду ногой и подъехал еще ближе к Синдэ. – Напрасно. Если я захочу тебя убить, это будет легко сделать. Но я обещаю, что сохраню тебе жизнь, если ты отдашь мне ожерелье. А не отдашь – отправишься вслед за погонщиками.

Синдэ совершенно забыл о двадцати погонщиках и теперь с ужасом уставился на Гуана. В это мгновение купец протянул руку, схватил его за воротник и затряс:

– Отдай мне ожерелье! Хватит спорить!

– Что с погонщиками? – заикаясь, проговорил Синдэ.

– Я позаботился о них: запер во внутренних покоях дворца, так что сейчас они, наверно, уже поджарились.

– Зачем ты это сделал?!

– Я ведь не мог их отпустить – они знали о сокровищах в Пещерах тысячи будд. Мне удалось избавиться от них, так что теперь остались только ты и трое монахов. От тебя зависит, будешь ты жить или нет. А теперь отдай мне ожерелье!

– Нет! – Синдэ понимал, что ему угрожает опасность, но не желал уступать разбойнику. Чжу Ванли никому не отдал ожерелье, и он, Синдэ, тоже не может поступить иначе.

– Тогда я убью тебя! – Гуан столкнул Синдэ с верблюда и сам соскочил на землю.

Как только они оказались на песке, Гуан сбил Синдэ с ног, подмял под себя и принялся наносить удары по лицу, по ребрам, по всему телу. Потом поднял его в воздух, тряхнул, швырнул на песок – и все началось заново.

Находясь в полузабытьи, Синдэ все же почувствовал, как Гуан засунул руку ему за пазуху и шарит там, пытаясь нащупать ожерелье. Когда купец нашел драгоценность и выпрямился, Синдэ изогнулся, схватил его за ноги. Гуан, не ожидавший нападения, с трудом сохранил равновесие и пришел в ярость. Он опять принялся колотить Синдэ, но уже не так метко и ловко, потому что боялся порвать ожерелье, которое сжимал в кулаке.

Внезапно Гуан замер, потом попытался встать, но Синдэ снова из последних сил схватил его за ноги и повалил.

– Отпусти! – крикнул купец. – Отпусти, дурень! Приближается конница!

Издалека исполинской волной накатывал гул – топот скачущих коней.

– Пусти меня, негодяй! – бешено заорал Гуан.

Он размахивал кулаками и лягался, но Синдэ держал его крепко. Воспользовавшись тем, что Гуан, отчаянно вытягивая шею, пытается разглядеть, откуда мчится конница, Синдэ вскочил и попробовал выхватить у разбойника ожерелье. Нитка натянулась, лунные камни задрожали, замерцали голубовато-молочными бликами.

Топот копыт и ржание лошадей набирали силу. Синдэ увидел всадников. Огромная армия, хлынувшая из-за ближних холмов, неслась прямо на них, покрыв собой всю равнину, словно полчище муравьев.

Внезапно нитка ожерелья лопнула, камни брызнули в разные стороны сполохами фейерверка, Синдэ пошатнулся, попятился, и в следующее мгновение его сбил с ног всадник в запыленных доспехах. Синдэ несколько раз перекатился по песку и упал в яму. Над ним с оглушительным ревом полетела черная орда. Синдэ потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит, засыпанный песком. Пустыня безмолвствовала. Прошло совсем немного времени, но ему казалось, что он провел в яме целую вечность. Синдэ попытался приподняться и не смог. Все тело болело. Он не знал, что случилось – то ли его

растоптали лошади, то ли просто ушибся. Чудо, что он вообще уцелел... Синдэ осторожно напряг мышцы. Выяснилось, что действует только правая рука. Он поднес ее к глазам. Между пальцев висела нитка, на которой не осталось ни одного камня – рассыпались, когда ожерелье порвалось...

Медленно сгустились сумерки. Свет бледной луны стал ярче и вскоре приобрел красноватый отблеск. У Синдэ кружилась голова, но он упрямо глядел в небо. Вокруг луны сверкали звезды. Синдэ ни о чем не думал, почти ничего не чувствовал, даже холода, – только жажду. Найти бы хоть каплю воды! Он горько усмехнулся: капля воды на бескрайней песчаной равнине... И вспомнил про лепешку, которую дал ему Гуан перед схваткой. Ну вот, голодная смерть, похоже, откладывается...

Со второго раза Синдэ все-таки заставил себя приподняться, потом встать и выбраться из ямы. У него ныли все кости. Оглядевшись, он увидел невдалеке какого-то человека. И сразу же узнал Гуана. Тот ползал на четвереньках, время от времени просеивая песок сквозь пальцы. Сначала Синдэ не понял, что он делает, потом догадался: ищет лунные камни из ожерелья. Но после того как здесь промчались тысячи всадников, ничего невозможно было найти...

Синдэ, забыв о рисовой лепешке, наблюдал за тщетными усилиями Гуана. Наконец тот выпрямился в лунном свете. Его руки как-то странно двигались, словно у ярмарочной куклы. Гуан был ранен.

Синдэ снова лег. Вдали раздавались жалобные крики верблюдов. Прислушиваясь к ним, он медленно погружался в забытие.

Эпилог

Тангуты захватили земли к западу от Хуанхэ, опустошив Шачжоу и уничтожив династию Цао, и таким образом положили конец господству империи Сун на обширной территории. К пяти провинциям, уже давно находившимся под их властью, – Сячжоу, Иньчжоу, Суйчжоу, Ючжоу и Цзинчжоу – тангуты присоединили Линчжоу, Ганьчжоу, Лянчжоу, Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу. Слава о них прогремела на весь мир. Мусульмане в Хотане сдержали западную экспансию тангутов, сами двинулись на восток, но так и не смогли войти в Шачжоу.

Покорив Шачжоу, Юань-хао разделил пополам огромную тангутскую армию и учредил двенадцать воеводств, тем самым укрепив позиции на всех завоеванных землях. В 1038 году он переименовал свое государство из Си Ся (Западное Ся) в Да Ся (Великое Ся), официально объявив Синцин столицей, а себя – императором, после чего отправил в Китай посланника с дерзким уведомлением о том, что расстановка сил изменилась и необходимость признавать владычество династии Сун отпала. В ответ Китай лишил Юань-хао дарованного ему высокого звания наместника и обнародовал указ, в котором тангутский правитель объявлялся самозванцем и за его голову назначалось вознаграждение. Сын Неба также поручил военачальникам Ся Суну и Фань Юну принять решительные меры против тангутов. Юань-хао без труда разгромил авангард сунского войска и начал наступление на приграничные земли Поднебесной, из-за чего там воцарились паника и неразбериха.

Тем временем в Китае высшее военное руководство менялось несколько раз, поскольку постоянно происходили столкновения по личным причинам и разногласия по вопросу политики в отношении тангутов. Место Ся Суна и Фань Юна заняли Хань Ци и Фань Чжунъянь, им на смену пришли Чэнь Чжичжун, Ван Янь и Пань Цзи, но ни один из этих бравых воителей не сумел остановить Юань-хао.

В 1041 году правитель Западного Ся захватил западные земли на подступах к Вэйхэ – притоку Хуанхэ. Тангутская конница буйствовала в провинции Шэньси и к северу от Вэйхэ. К востоку от рек Цзинхэ и Фэньхэ мирным жителям приходилось укреплять свои города и защищаться самим.

В то время в Центральной Азии полчища тангутов стояли в Ганьчжоу и Гуачжоу, там находились их военные штабы. Боевых действий тангуты в тех краях не вели, но управляли местными племенами железной рукой, одновременно употребляя все усилия на завоевание Китая. Тангуты проявляли особую жестокость по отношению к ханьцам, жившим в приграничных районах, обращались с ними как с военнопленными. Подобно тому как, находясь под властью туфаней, шачжоуские ханьцы были принуждены носить тибетские одежды, так и теперь им надлежало облачаться в тангутское платье и ходить понуриив голову.

Судьба родственников ханьского наместника Шачжоу неизвестна. То, что Цао Сяньшунь погиб в битве, установлено доподлинно, остальные же просто исчезли, никто о них ничего не слышал. Говорили, будто некоторые бежали на запад, в Кочо или Хотан, однако эта версия не нашла подтверждения. Оттуда, из уйгурских владений, по-прежнему шли торговые караваны, но они не приносили вестей о семье Цао. На четвертое лето после падения Шачжоу по городу поползли слухи о том, что старший брат вдовы Сяньшуна схвачен и обезглавлен, но никто не мог сказать точно, правда это или нет.

Пещеры тысячи будд были надолго преданы забвению после того, как попали в руки тангутов. Юань-хао был буддистом, так же как и многие из его подданных, но во время затянувшейся войны с Китаем у них уже не оставалось времени на отправление обрядов и посещение святых мест.

Храм Трех царств близ Пещер тысячи будд превратился в оружейный склад, его внутреннее убранство было разорено ратниками. Потом войска покинули эти земли, и о храме все позабыли, он пришел в запустение.

В то самое время, когда по Шачжоу носились слухи о казни брата вдовы Сяньшуня, случилось вот что. К подножию гор Минша прибыл караван из сотни верблюдов. Утомленные погонщики разбили десять шатров разных форм и размеров; над самым большим взметнулось знамя с иероглифом «вай» – «Вайшравана». В сумерках оно громко хлопало на сильном ветру, терзавшем пустыню. Ночью начался ливень, перешедший в свирепую бурю. Погонщики спешно сложили потрепанные ветром шатры под струями дождя и снова отправились в путь.

Люди и животные промокли до нитки, пока шли вдоль подножия гор Минша туда, где расположено множество пещер и гротов. По приказу предводителя каравана погонщики оставили верблюдов перед храмом Трех царств и дальше двинулись пешком. Сверкнула молния. В слепящем голубом свете их взорам предстали сотни отверстий, вырубленных в скале. Потoki воды неслись по склонам Минша, затапливая пещеры. Казалось, что большие и маленькие статуи Будды, видимые снаружи, вот-вот пустятся в пляс. И словно для того, чтобы принять участие в этом призрачном карнавале, три десятка погонщиков принялись карабкаться вверх, разбежались по склону полчищем гигантских муравьев.

Когда молния ударила во второй раз и осветила все вокруг, цепочка людей уже подбиралась к трехъярусному гроту. Прошло немного времени, прежде чем молния сверкнула в третий раз – погонщики были у входа в самую большую пещеру. Одни несли мотыги, другие – молоты, третьи – веревки.

«Приступайте!» Как только раздался этот приказ, небо вновь разрезал ослепительный голубой зигзаг, и горы дрогнули от оглушительного раската грома. Погонщики с перепугу бросились врассыпную, пятеро упали и покатались по склону, один воздел руки к небу и рухнул у входа в трехъярусную пещеру, после чего всех поглотил мрак.

Буря в горах Минша бесновалась всю ночь и утихла только к рассвету. Несколько человек убила молния. Тот, кто лежал у входа в большую пещеру, был одет не так, как другие. Похоже, это был купец, но его личность установить не удалось, поскольку лицо сильно обуглилось. Среди караванщиков, правда, ходил слух, что погибший называл себя наследником царской семьи Вэйци.

В январе 1043 года Западное Ся и империя Сун заключили перемирие. Прошло шесть лет с тех пор, как тангуты захватили Шачжоу. В затянувшейся войне обе стороны понесли серьезные потери, и благосостояние обоих государств заметно пошатнулось. Таким образом, враги были вынуждены начать переговоры. Однако вокруг мирного соглашения велось много споров. Юань-хао хотел сохранить титул императора, а в Китае не желали об этом слышать и требовали, чтобы самозванец признал себя вассалом Сына Неба и чтобы с ханьскими послами обращались столь же почтительно, как с представителями Великого государства киданей. Взамен Поднебесная пообещала каждый год присылать в Западное Ся сто тысяч отрезков шелка и двадцать тысяч цзиней³⁸ чая. После длительных переговоров Юань-хао все же согласился признать господство династии Сун, но лишь формально, и потребовал вдвое больше шелка и чая, чем предлагалось ранее. Конечно, Юань-хао отказался от своего ничего не значащего титула исключительно ради материальной выгоды, однако так или иначе военные действия между двумя государствами временно прекратились, и это уже было благо. С воцарением мира Юань-хао занялся распространением буддизма. Он покровительствовал храмам и монахам, все буддийские тексты были перевезены из покоренных земель в столицу – Синцин. Каждый день из Шачжоу на восток выходили караваны, груженные драгоценными свитками. Летом

³⁸ Цзинь – китайская мера веса, равная примерно 500 г.

был восстановлен храм Трех царств, в него вернулись монахи, и началась реставрация Пещер тысячи будд.

В храме Трех царств теперь обитали монахи как ханьского происхождения, так и тангутского. Восстановление Пещер тысячи будд завершилось через пять лет, и в самой большой из них, в огромном каменном зале, состоялась буддийская служба. Сотни послушников мужского и женского пола прибыли сюда из семнадцати храмов Шачжоу, и со всей Центральной Азии стекались толпы людей, желавших поприсутствовать на торжестве. В тот день некий чиновник по фамилии Фань, присланный из Синцина, обнаружил несколько заброшенных пещер и приказал мастерам привести их в порядок. Работа должна была начаться безотлагательно. Но не успели к ней приступить, как из Шачжоу подоспел монах с просьбой заняться в первую очередь тем гротом, который он укажет. Монах пообещал вознаградить мастеров за труды и предложил свою помощь. Его просьба была исполнена. Указанный им грот находился на нижнем уровне трехъярусной пещеры у северного подножия Минша.

В записях, хранящихся в храме Трех царств, подробно описано восстановление Пещер тысячи будд, указаны имя монаха-добровольца, название выбранного им грота и причина, по которой он выступил с такой просьбой. Согласно этим записям, монах рассказал, что во время вторжения тангутов на землю Шачжоу он с двумя братьями укрылся в этой пещере, но, к несчастью, его товарищи были убиты стрелами и теперь он хочет почтить их память.

Юань-хао умер в возрасте сорока пяти лет в 1048 году. Прошло двенадцать лет со дня завоевания тангутами Центральной Азии и шесть – с момента подписания мира с Китаем. До самой смерти Юань-хао на родине величали императором.

Еще через двадцать лет, после Жэньцзуна и Цзин-цзуна, власть над Поднебесной взял в свои руки молодой предприимчивый Шэнь-цзун,³⁹ который своей первоочередной задачей счел возвращение западных земель, уступленных тангутам. Конфликт между Западным Ся и Китаем возобновился. После тридцатилетнего затишья в Центральной Азии опять забряцало оружие, назрела новая война.

В ту пору один из купцов, пришедших с хотанским караваном в Шачжоу, принес в храм Трех царств богатые дары и сказал, что выполняет поручение одного из членов царской семьи Хотана. Среди подношений были драгоценные камни и ткани, а просьба дарителя заключалась в том, чтобы восстановить пещеру, много десятилетий назад вырубленную в горах Минша хотанским правителем Ли Шэньтянем. Посланник также вручил настоятелю письмо и ларец со свитками. Автор письма сообщал, что волею судьбы в его руки попала летопись династии Цао – бывших наместников Шачжоу – и он воспользовался случаем принести ее в дар монастырю, дабы там справили поминальный обряд по этому угасшему роду. Если местные власти воспротивятся, пусть монахи втайне проведут поминальную службу в пещере Ли Шэньтяня – дочь сего благородного мужа как-никак была женой одного из членов семьи Цао.

Послание было написано на трех языках: тангутском, ханьском и уйгурском – видимо, автор ничего не знал о ситуации в Шачжоу после захвата города армией Западного Ся и хотел убедиться, что его просьбу обязательно прочтут. В конце стояла подпись: «Чжао Синдэ, цзюй-жэнь из Таньчжоу, что в великом царстве Сун».

Поскольку первая просьба исходила от члена хотанского царствующего дома, буддийский грот Ли Шэньтяня был немедленно приведен в порядок. А что касается второй, то, как и предполагал Чжао Синдэ, настоятель не осмелился открыто справиться поминальный обряд по семье Цао, поэтому никто, кроме участвовавших в службе монахов, не ведал, что в ларце, поставленном на буддийский алтарь, спрятана история жизни нескольких поколений ханьских наместников Шачжоу. В свитках были увековечены имена восьми правителей, начиная с Цао Ицзиня, за которым следовали Юаньдэ, Юаньнэнь, Юаньчжун, Яньцин, Яньлу, Цзуншоу и Сяньшунь

³⁹ Шэнь-цзун (1048–1085) – император из династии Сун, правил с 1067 по 1085 г.

с указанием даты рождения, смерти и подробным описанием деяний каждого. В заключение говорилось, что Сяньшунь, последний правитель из рода Цао, проиграл битву с тангутами и пал на поле брани в 13-й день 12-го месяца 2-го года Цзинью (1036 г.). Упоминались также достижения младшего брата Сяньшуня – Яньхуэя. «Истинный буддист, он отказался бежать от полчища тангутов, добровольно остался в Шачжоу и лишил себя жизни, бросившись в огонь».

В течение последующих веков провинция Шачжоу много раз переходила из рук в руки и меняла названия. При династии Сун она попала под власть тангутов и потеряла свой первоначальный статус провинции, в эпоху Юань⁴⁰ вновь стала известна как провинция Шачжоу. В годы правления династии Мин⁴¹ превратилась в военный округ Шачжоу, а при династии Цин⁴² – в уезд Дуньхуан. «Дуньхуан» означает «большой и сильный», и это название уже использовалось в древности во времена правления Ранней и Поздней Хань,⁴³ а также династии Суй,⁴⁴ когда эта территория служила своего рода коридором, по которому на восток проникала западная культура. Через две тысячи лет оно вернулось к жизни.

В годы Цяньлун (1736–1796) Пещеры тысячи будд в горах Минша стали называться пещерами Дуньхуан, но широкой известности тогда еще не получили – долгое время об этой буддийской святыне знали только местные жители.

В начале XX века странствующий даосский монах по имени Ван Юаньлу оказался в тех местах, обнаружил засыпанные песком каменные гроты, поселился в одном из них и начал расчищать остальные. С тех пор как тангуты захватили эту землю, минуло восемьсот пятьдесят лет.

Монах Ван был ничем не примечательным и малограмотным человеком. Как-то раз, разгребая песок в одной из пещер, он заметил на стене выпуклость, которая вот-вот могла осыпаться, и решил счистить ее, а когда ударил в стену палкой, услышал странный гулкий звук, как будто за стеной была пустота. Монах сбегал за мотыгой. Первые попытки не принесли успеха, но вскоре глиняная кладка рассыпалась. Ван заглянул в дыру. Там было очень темно – пришлось увеличить отверстие и принести свечу. Выяснилось, что глиняная кладка скрывала еще одну пещеру, доверху забитую свитками.

Ван незамедлительно сообщил о находке в уездную управу Дуньхуана. Однако ответа не последовало. Благонамеренный монах вновь отправился туда, и чиновники приказали ему сторожить свитки и больше их не беспокоить.

Когда к Пещерам тысячи будд приезжали паломники, Ван показывал им тайную пещеру с огромной библиотекой и рассказывал о том, как он ее обнаружил, то и дело приукрашивая события. Пожертвования паломников обеспечивали ему безбедное существование.

В марте 1907 года в уезд Дуньхуан провинции Ганьсу прибыла британская экспедиция под началом сэра Орила Стейна⁴⁵ и направилась напрямик к хранителю Пещер тысячи будд. Стейн лично вынес на свет несколько свитков, а Ван с изумлением смотрел, как англичанин спокойно входит в пещеру, в которую сам он так и не решился ступить.

О цене столковались быстро – в обмен на треть содержимого тайника монах получил такую сумму, о которой прежде даже не мечтал. Он был немало удивлен, узнав, что старые бумаги можно выгодно обменять на деньги. Английский ученый хотел забрать все свитки, но Ван наотрез отказался продать ему остальные из страха, что в один прекрасный день местные

⁴⁰ Юань – монгольская императорская династия, основанная ханом Хубилаем в 1271 г.; в Китае правила с 1280 по 1368 г.

⁴¹ Мин – китайская императорская династия (1368–1644), начало которой положил Чжу Юань-чжан после свержения Юаней.

⁴² Цин – маньчжурская императорская династия, правившая Китаем с 1644 по 1911 г.

⁴³ 206 г. до н. э. – 220 г. н. э.

⁴⁴ 581–618 гг.

⁴⁵ Стейн (Штайн) Орил (1862–1943) – английский археолог.

власти нагрянут с проверкой. Но Стейн и так мог гордиться уловом: шесть тысяч свитков были уложены в деревянные ящики и увезены из Дуньхуана на сорока верблюдах.

В марте следующего, 1908 года к Вану пожаловал француз Поль Пеллио⁴⁶ и попросил его продать оставшиеся в пещере свитки. Ван подумал, что, раз уж чиновники до сих пор не заинтересовались его находкой, он не сделает ничего дурного, если согласится на очередное заманчивое предложение. Однако некоторую ответственность перед отечеством монах все же чувствовал, поэтому не позволил Пеллио, как и Стейну, забрать всё.

В мае, упаковав пять тысяч свитков (ровно половину того, что осталось в пещере после набега англичан), Пеллио погрузил их на десять повозок и распрощался с Ваном. Какое-то время после его отъезда Ван не подходил к пещере – было бессмысленно показывать паломникам жалкие остатки библиотеки, к тому же его мучила совесть.

В течение следующих лет в Дуньхуан наведались знатоки древностей из России и Японии.⁴⁷ Каждый раз Ван получал скромную сумму и нехотя расставался с небольшим количеством свитков. Ему по-прежнему было непонятно, почему все эти люди так мечтают их заполучить.

Примерно через год после того, как русская экспедиция покинула Дуньхуан, туда пришел отряд военных из Пекина; солдаты вытащили из пещеры все оставшиеся свитки до единого, погрузили их на телеги и уехали. Заметив приближение отряда, Ван на всякий случай спрятался и вернулся к пещерам лишь после того, как убедился, что солдаты убрались восвояси. Он зажег свечу и вошел в пустое хранилище. На северной стене полностью открылись фрески. Расширив глаза от изумления, Ван уставился на алые одеяния буддийских священнослужителей и халаты послушниц с голубой полосой на подолах.

Выйдя из грота, монах уселся на камень у входа. Ветер шевелил кроны деревьев на подступах к Пещерам тысячи будд, слабый солнечный свет наводил на мысли о покое. Рассеянно глядя по сторонам, Ван подумал, что, возможно, свитки из тайника – бесценны. Если не так, то почему тогда столько иностранцев приезжали сюда, чтобы завладеть ими? Монах не понял вовремя, что за сокровище попало ему в руки, не разобрались в этом и чиновники, которым он сообщил о находке. Лишь после того, как чужеземцы растащили почти все свитки, солдаты из Пекина запоздало бросились к Пещерам тысячи будд, тогда и Ван спохватился – решил, что, наверное, допустил серьезную ошибку. Продешевил... Какое-то время он сидел без движения, размышляя о том, что упустил возможность разбогатеть, которая предоставляется только раз в жизни.

Но ценность свитков из замурованной пещеры оказалась куда выше, чем мог себе вообразить Ван. Даже Стейн и Пеллио, которые представили их на суд ученых, тогда не знали еще истинной важности своего открытия.

Всего в пещере хранилось более сорока тысяч свитков. Здесь были буддийские книги на санскрите, написанные в III–IV веках, шастры на тюркском, тибетском и тангутском, древнейшие списки канонических сутр, а также апокрифические притчи, не вошедшие в Трипитаку. Ученые нашли уникальные материалы о распространении манихейства и несторианства, дзэнский трактат «Записи о передаче светильника», редчайшую топографическую информацию, монастырские документы на санскрите и тибетском, тексты, пролившие свет на историю древних языков. Новые факты существенно изменили ход научных исследований, посвященных Дальнему Востоку.

И лишь много лет спустя стало понятно, что это открытие имеет значение не только для востоковедения, но и для всех аспектов мировой культурной истории.

⁴⁶ Пеллио Поль (1878–1945) – французский востоковед, автор трудов по истории и культуре Китая и Монголии.

⁴⁷ Имеются в виду японская экспедиция, снаряженная К. Отани (1876–1948) и возглавленная Д. Татибаной и К. Ёсикавой в 1912 г., а также Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. под началом академика С.Ф. Ольденбурга (1863–1934).